

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

**Заверните коня, принц не нужен, или Джентльмены
в придачу**

Как, вы не любите эльфов? Вы просто не умеете их готовить!

Люби себя, чихай на всех! И в жизни ждет тебя успех!

Пролог

В отдаленном северном замке диэров, у ярко горящего камина двое мужчин вели неспешную беседу...

- Прости моих сорванцов, – сказал один, изящный и темноволосый, отставляя чашку с чаем.

- За что? – удивился второй, поднимая тонко очерченные брови.

- Эта девушка... хочешь, я верну ее назад, и она все забудет? – замялся первый.

- Нет, – усмехнулся второй, кривя красивые губы. – Пусть остается все так, как есть. Она такая... забавная. Мне сейчас впервые за долгие годы весело.

- Осторожней, – насмешливо фыркнул собеседник. – Смотри не довеселись до сердечной боли. Предупреждаю по-дружески: Игрушки иногда становятся Судьбой!

- Ты опоздал, – покачал головой второй. – Мне уже не отпустить ее...

Часть первая

Кому в гареме жить хорошо...

Я шла по широкой открытой галерее первого этажа, цепляя острыми шпильками за высокий ворс шерстяной ковровой дорожки. Руки прижимали к груди сумку, а колени тряслись от страха.

Зачем я ввязалась в эту авантюру со спасением чужой невесты? Чувства эльфов пожалела? А чего их жалеть?! Нормальные длинноухие эльфы, не убогие, не калеки. Сытые, богатые и уверенные в себе мужики с замками, землями и статусом в обществе. Один, правда, эпилированный слегка... но кому будет нужно, на этот недостаток и не посмотрит.

Вот так, размышляя о вечном, я топала вперед, дальше. Мое появление в притененной галерее осталось пока незамеченным. Впереди бодро шевелил ногами местный сводник, занимающийся отбором кандидаток для дома разврата... ой, гарема князя диэров. Я еле за ним поспевала. Одно хорошо: дяденька блистал драгоценностями что спереди, что сзади. Маячок, блин!

А можно я его стукну по голове своей торбочкой с барахлом, и он заиграет всеми цветами радуги?! И не подумайте, что от счастья!

Вот до чего жизнь с эльфами доводит благовоспитанную девушку из хорошей семьи!

Чуть не сказала «с хорошей родословной». Р-р-р! Гав-гав!

Я на минутку отвлеклась.

Справа в открытые проемы галереи заглядывали вечнозеленые вьющиеся растения. Услаждали эстетикой шпалеры необыкновенно красивых роз.

Нижний ярус растительности прочно занимали клематисы багряные, розовые, фиолетовые и белые, попадались участки с алыми граммофончиками камсисов. Кое-где встречались удивительные сиреневые соцветия еще каких-то древовидных лиан. У соцветий был тонкий аромат, имеющий легкий привкус ванили.

Точно такая же галерея напротив зеленела, желтела и лиловела тяжелыми гроздьями винограда. Дамский пальчик, кишмиш, черный, белый и розовый виноград... Ум-м... даже слюна побежала!

Подул ветерок, и повеяло сладкими цветочными запахами. И тут... цветы дрогнули и полетели! Я мазнула взглядом еще раз и невольно остановилась: а это что? А-а-а... понятно! Тут еще и заповедник насекомых. Великолепие флоры оттеняли бабочки всех цветов и расцветок. Махаоны размером с блюдце перепархивали с растения на растение как огромные летающие соцветия. Толстые мохнатые шмели и сверкающие металлом сине-зеленые неповоротливые жуки толклись в чашечках, укрытых лепестками, и неловко вываливались наружу, щедро испачканные желтой пылью. Потом – фырр! – и в небо!

Между галереями виднелся просторный дворик с затененными беседками, в которых местные дамы под легкими накидками собирались небольшими стайками. Кое-где плакала гитара или цитра, звучали приглушенное пение и смех. Разбрызгивали струи маленькие водопадики и фонтанчики, расположенные в шахматном порядке. Вода дарила умеренную прохладу. Здесь даже в самую жару было влажно и приятно.

Чуть в сторонке несколько элегантных дам в прозрачных накидках-намордниках весьма женственно играли в бадминтон, совершенно не смущаясь тем, что на них длинные, до пят, шелковые платья.

Еще дальше слышался плеск воды – под балдахином располагался бассейн, где купались опять-таки одетые барышни в легких чадрах. Замануха! Только вообразите себе девушку в мокром шелке! Это ж еще круче, нежели она бы предстала голой!

По территории прогуливались откормленные синие и белые павлины, на удивление

молчаливые. Между пышными кустами роз и фруктовыми деревьями белели мраморные статуи животных и неизвестных мне существ.

Мощенные блестящим черным и белым камнем дорожки, фонтанчики и прочие архитектурные излишества просто кричали о богатстве хозяев. Вот уж точно гарем диэров, не ошибешься!

- Еще чуть-чуть - и придем, - соизволили мне сообщить, когда я все же запнулась за ворс и как следствие уткнулась носом егнуху между лопаток.

- Ок, - ответила я, не выходя из образа.

А что? Краткость - сестра таланта! А в моем случае - еще и прекрасная маскировка. Знаете, как четко выговаривается «ок» стучащими друг о друга зубами?

- Повезло тебе, дева, - поведал, не оборачиваясь, провожатый.

Да уж! Повезло, как в сказке! Чем дальше, тем страшнее!

Жила себе Леля Соколова спокойно. Ходила на работу, встречалась время от времени с подругой и мечтала об идеальном мужчине.

И на тебе! Получите! И не одного идеального, а целых трех: блондина, шатена и брюнета. Лелика, Болика и Маголика, жлоба и алкоголика. Ага. Ни одного из них и даром не нужно! И за деньги не возьму!

Правда, ушастые тоже не шибко рвались в кандидаты. У сладкоречивых «эльфов» были дела поважнее. Сестренка первых двух возжелала экзотики и сбежала от третьего. Рванула в гарем к диэрам, а поскольку у меня к их способности очаровывать оказался иммунитет, то подписали романтическую Лелю работать чудо-спасателем и восстанавливать родовую честь!

Чтоб им всем пусто было! И чести, и эльфам, и проклятушей романтике!

Я, не жалея ногтей, поскребла по штукатурке на своей физиономии и ясно представила себе, как на моем милом личике отпечатался во-о-он тот орден, или как правильно назвать ту громадную звезду из золота и драгоценных камней во всю спину.

Интересное решение. Если, значит, спереди места нет, то давайте найдем его сзади? Оставить дома излишки - не судьба, видать. Или грабителей дядя боится? Я бы тоже опасалась. Это меня сейчас никто и даром не возьмет, только в гарем и попала, а вот если все это добро с него перенавесить на меня... Ух ты! Выставка драгоценностей «И где мой сейф?».

- Итак, дева, - повернулся ко мне переносчик драгметаллов, патетически скукожив пожелтевшую мордочку старой больной обезьяны, - я еще раз повторяю, что тебе крупно повезло!

Я напустила в очи восторга, выплеснула его на дядю не меньше ушата и захлопала километровыми ресницами, отягощенными тоннами туши.

- Вы так думаете?

Мужичок поперхнулся и невольно спросил:

- А вы?..

- А я думаю... - И снова прицельная стрельба глазами. Кусочек туши отлетел и попал собеседнику в глаз. А нечего тут очи широко раскрывать! Кто ж от блондинок умное ждет? Только блондины!

Решив считать дядю хитро замаскированным блондином, я продолжила свою сверхумную мысль:

- Я думаю, что повезло как раз *вам*!

- Мне?! - У егнуха в зобу дыханье сперло, и он закаркал: - Кар... кх-х... Кар...

- Постучать? - подошла я поближе и, наклонившись, дружелюбно заглянула в сморщенное от досады личико.

- Нет!!! - У мужичка сразу прорезался дар речи. - Я не позволяю всяким... - Он замялся. - По себе стучать!

- Бог с вами, почтеннейший, я и не претендую, - пожала я плечами и показала наманикюренным ноготком на фикакуса, крадущегося за нами по саду. - Стучать будет он!

- А с животными к нам вообще нельзя! - злорадно отозвался евнух, уверенно расправляя плечи и раздувая грудную клетку, как петух на заборе перед соседским конкурентом. - Вот еще! Только зоопарка нам и не хватало!

Фикакус тут же замер, встал на задние лапки, растопырил передние и старательно прикинулся деревом.

- Он не животное, - хмыкнула я. - Он - растение!

- Не положено! - отбрил дядя.

- Кем? - тут же поинтересовалась я, готовясь брать на измор вредного злыдня. - И куда?

- Неважно!

- Важно! - заверила его я. - Если мне покажут официальный приказ, зарегистрированный в реестре, с порядковым номером и соответствующим образом оформленный, где будет указано, что в гарем не допускаются к проживанию растения, то я как законопослушная гражданка обязательно послушаюсь и оставлю свое деревце... - (Фикакус вальяжно подмигнул и соорудил умную мину.) - Снаружи, чтобы он всю местную флору окультивировал...

Фикакус изобразил невербально «I like to move it...». И согласился на все. Оптом.

Кое-кого сильно покорежило. Меня крайне невежливо обрызгали слюной и желчно перебили:

- Спаси боги от такой помощи! Следуй за мной, гхм... дева!

- Так с фикакусом или без? - уточнила я, начиная широко улыбаться и сверкая назубной пластиной.

Мой собеседник вздрогнул.

- С кем хочешь! - расстроено махнул рукой дядя, позвонев десятком браслетов и погремев тремя дюжинами цепей ничуть не хуже узника замка Иф.

- О! Так я могу вернуться за троллем и эльфами? - умилилась гаремная полонянка в моем лице.

- Ням-ням, - почему-то сказал евнух, сводя глаза к носу и меняя цвет лица.

- Проголодались? - проявила я заботу, одной рукой подтягивая лиф, другой - одергивая юбку. Сумку пристроила под мышкой. Причем от скромности я повернулась к дяденьке спиной.

- Ум-ням, - ответили мне. Дальше нечленораздельное мычание, переходящее в хрип, практически предсмертный.

- Какая прелесть! - заметила я, изящно разгибаясь и небрежно похлопывая свободной рукой по отвороту ботфорт. - Я уже здесь сталкивалась с недостатком лексического запаса у разных рас. Сейчас же прихожу к выводу, что это общепринятое явление.

- Хр-р-р... За мной! - Дядя не стал вступать со мной в заведомо проигрышный бой и рванул с места с ракетным ускорением, энергично взмахнув рукой, подобно матросу на картине «Штурм Зимнего дворца».

– Вы меня потеряли, – тонко намекнула я, покачиваясь на каблуках, словно подбитый торпедоносец, грозясь черпануть каким-нибудь из бортов.

– Мы опаздываем! – пыхтел мосластый евнух, явно сожалея о проваленном начале дискуссии.

Правильно! Надо знать, с кем связываться, это ему не клуш гаремных клевать. Я на прежнем рабочем месте, в банке, от конкурентов столько гадостей наслушалась... У меня на ядовитые реплики иммунитет, как у слона! Нет, как у бронтозавра!

А дядечка неумоимо гнал вперед, и в каждом движении читалась лютая злоба. Или дедушка? Хм, все-таки дядечка. С его анатомией ему не дожидаться внуков.

О, оглянулся! «Посмотрит – рублем подарит!» – это про него, однозначно. Может, и червонцем одарит. Посмертно. Нет, лучше отдайте мне мои пятьдесят восемь килограмм золота и отпустите с Миром... Ой! С миром! Это уже диагноз.

По-моему, я нажила себе нового врага. М-да-а-а, недальновидно. Как сказала одна девчушка, маленькая дочка моей знакомой, – недальновиднута. Хорошее слово. Емкое.

– А что, у нас уже смотрины? – удивилась я. – Вот так сразу? А напоить, накормить, спать уло... нет, это уже лишнее.

– Нахлебница! – ядовито бросил мне через плечо дяденька.

Уел, уел, крокозавр речистый. Вот только не поняла: ему хозяйского добра жалко? Или это просто из принципа, по вредности характера? Гаремный эксплуататор! Жмот! Жадюга!

– Должна же я хоть здесь узнать, почему халява – это сладкое слово, – пожала я плечами и захотела поправить волосы. Чуть не укололась ирокезом. Тяжело вздохнула. И сколько мне теперь это смывать? И главное, где? А теперь на бис – чем?!

– Все, все скоро узнаешь! – зловеще пообещал провожатый и припустил еще быстрее.

Пришлось рысать за ним. В меру сил и каблуков, конечно. Безусловно, в своем мире я на шпильках бегала гораздо быстрее, чем босиком, но не по коврам же! Какой му... очень мудрый человек сюда настелил ковровое покрытие с ворсом по щиколотку? Чтоб ему этот ковер вручную каждый день чистить! Зубной щеткой! Вместо завтрака и обеда!

Пока я мило высказывала пожелания трудолюбию местного дизайнера, мы свернули за угол галереи, прошли коридором – и оказались в странном месте. Очень похоже на гостинный двор: когда много маленьких магазинчиков находятся под одной крышей.

Около первого строения начиналась очередь из замотанных по самые брови, радостно чирикающих друг с другом девушек в разноцветных шелках. Меня пристроили в конец хвоста (очередь испуганно отшатнулась) и мило пожелали, язвительно улыбаясь:

– Удачи, дева! Сейчас и напоят, и накормят, и... спать положат. А повезет – и не одну!..

– Хм, – сдвинула я брови. Это действие далось мне с заметным трудом: штукатурка на моем лице затрещала и пригрозила осыпаться. – Я вообще-то воспитана в других традициях. У нас принято пропускать старших вперед. Так что я вам уступаю своего гипотетического партнера. Имейте много удовольствия! – Безобидная английская фраза в моем переводе прозвучала о-очень двусмысленно.

– У-у-у! – попрощался евнух и, мечая по сторонам искры своего гнева и стреляя огнем досады, ушел с моими бумагами. Я же осталась скучать в очереди, привлекая пристальное внимание многочисленных претенденток на ливер и конечности князя диэров.

– Всем привет! – сверкнула я брекетами. – Как поживаете?

– Да еще не с кем, – ухмыльнулась стоящая передо мной орчанка. – В смысле – поживать...

- А хочется? - вырвалось у меня. И что бы мне не прикусить свой болтливый орган? У меня уже теория выстроилась: неприятности навлекает мой язык, а расхлебывает мягкое место. И не спрашивайте меня - как!

- Еще как! - закатила глаза девушка, прищелкивая языком. Наш человек!

Кстати, очень симпатичная. С Мумой и Лумой вообще ничего общего. Тоненькая как тростинка, орчанка тем не менее обладала весьма выдающимися достоинствами. Узкие раскосые глаза неожиданно зеленого цвета смотрели с затаенной насмешкой. Слегка опущенная верхняя губа - приметная черта южных женщин - немного портила лицо, хотя точно такой же пушок на углах челюстей и на висках ничуть не искажали общее впечатление. Толстую, в руку, иссиня-черную косу украшали ярко-рыжие пряди, то ли вплетенные, то ли выкрашенные, и завершало бисерное охвостье. Массивные серьги по типу цыганских каскадами звенящих монист спускались до самых плеч, подчеркивая высокую гордую шею. Она одевалась как индианка - в хорошо выделанную светло-коричневую замшу с бахромой. Тонкая батистовая блузка, сверху замшевая жилетка и юбка.

Пожалуй, мы вдвоем с ней выглядели типичными фриками на фоне восточных ворохов легких шелков и туфелек с загнутыми носами.

Девушки в шелках оглядели нас обеих в очередной раз и сдавленно захихикали, тихо перемывая нам косточки. Да я загнусь с тоски в этом курятнике! Теперь я понимаю диэров с их жадной экзотики! Да рядом с этим бабьем взвоешь поневоле!

- А ты - нет? - переспросила туземка, улыбаясь искренне и открыто.

- А я не знаю, - призналась я. - С одной стороны - любопытно, а с другой - страшно.

- Ничего страшного, - утешила меня девушка. - Они как своими глазищами посмотрят, так и страх и стыд потеряешь. Сама побежишь юбки задирать.

- Какой ужас! - ответила я.

Слава богу, такое позорище мне не грозит! Я к ним иммунная. Могут своими фарами освещать и по сторонам зыркать сколько душе угодно. Но пока этот маленький секрет останется при мне. Мало ли...

- Ужас - это то, что на тебе надето! - хмыкнула орчанка и протянула узкую ладошку. - Не обижайся. Я - Эсме, из племени кочевых орков. Всегда говорю, что думаю. Поэтому мои родные меня сюда и сплывили. Типа пусть полюбуется князь на наших женщин и больше никого требовать к себе не будет.

- А он требует? - У меня глаза вылезли из орбит.

- Да нет, - засмеялась Эсме. - Им так хочется думать. Ну, как бы угнетенный народ. Воюем за свободу, поэтому кочуем. Не хотим дань платить. - И она показала какой-то замысловатый жест, крутанув хрупким запястьем.

- А-а-а, - догадалась жертва коварства эльфов. Сегодня я сама себе нравилась. Пряма такая умная и догадливая. - Дань за двенадцать лет?

- Не-а, - тряхнула головными украшениями новая знакомая. - За восемнадцать.

- Тогда с процентами набежало, - улыбнулась я. И в свою очередь представилась: - Леля.

- Привет, Леля, - одарила меня теплой улыбкой девушка. - Давай держаться вместе. Собираюсь требовать эти проценты, и очень нужна помощь.

- Согласна, - искренне обрадовалась я. Вдвоем все же лучше, чем одной. Тем паче сами мы не местные...

- Ш-ш-шарфат!!! - раздалось в отдалении. - Убери свои немытые лапы от моего нежного хвос-с-ста!

Из-за угла показалась змеелюдка, сопровождаемая моим евнухом. Который почему-то

держал девушку за хвост и тащил в обратную сторону.

- Что происходит? - поинтересовалась я. Окликнула хвостатую: - Привет, Шушу!

- И тебя так же, - пропыхтела товарка по лекции Кувырлы о том, как нужно обращаться с мужчинами. - Прилип, понимаешь-шь, к хвос-с-сту - не отдереш-шь. А у меня и так нас-с-троение с-с-с утра плохое!

- Вас тут не стояло! - завыл гаремный выкормыш. - У вас бумаги в другой гарем!

- Да какая раз-с-сница?! - эмоционально махнула хвостом змеелюдка. - Этот ближ-ш-ше!

После ее махания нижней частью тела дядя улетел в кусты роз и сильно обиделся. По крайней мере, его обширная и не всегда понятная обценная лексика откровенно свидетельствовала об этом факте. Мы проследили за красивой траекторией полета и, удостоверившись, что дяденька совершил мягкую посадку, вернулись к беседе.

- Шушу, это - Эсме, - познакомила я девушек.

- Очень приятно, - покачалась на хвосте змеелюдка. - А ты, Леля, чего так вырядилась? Я тебя только по запаху и узнала. И то с трудом. Смердишь сильно.

- Меня в гарем пускать не хотели, - повинилась я. - Сказали - неэкзотичный экземпляр. Мало перца. Пришлось соответствовать.

- Меня тоже, - хихикнула Шушу. - Дали направление куда-то в Змеиное Гнездо.

- К родственникам? - вырвалось у меня.

- Ага, - хмыкнула змеелюдка. - Тож-ш-ше мне, придумали... чего я там не видела? Нет, ну окопался там какой-то вш-шивенький диэр. Заперся в своем замке и носа не каж-ш-шет. Сколько мы с сестрами пытались его выманить, кто бы знал - все без толку!

- А зачем выманивали? - поинтересовалась Эсме, широко улыбаясь.

- Да мы с девочками поспорили, - махнула рукой Шушу. - У кого гипноз сильнее - у нас или у диэров.

- И как? - влезла я.

- А никак, - заржала Шушу. - Две недели зря потратили и плюнули. Ядом на стену. Надоело. Слишком пугливый гад оказался.

- Какая у тебя насыщенная жизнь! - позавидовала Эсме, переминаясь с ноги на ногу. Вокруг нас незаметно выросла стайка подслушивающих девушек. - А у нас скучища страшная. Какие развлечения в степи? Загонишь шарфата - и вся развлекаловка.

- Это такая противная зверюга? - Я попыталась описать встреченный мной экземпляр.

- Точно, - кивнула орчанка. - Только мой последний трофей был какой-то странный...

- Чего так? - заинтересовалась Шушу.

Девушки заволновались и сдвинулись еще теснее, растопырив уши.

- Мне даже выслеживать его не пришлось, - рассказывала Эсме. - Сам себя выдал. Представляете, сижу я засаде... и вдруг мыльные пузыри! Красиво так. Кучкой. Я туда, думала - детишки балуются, хотела прогнать, чтоб зверье не отпугивали. А там стоит здоровенный шарфат и развлекается. Пузыри пускает.

Я вспомнила канувший в бездонный желудок зверюги горшочек с мылом и запечалилась.

- Поначалу даже оцепенела от неожиданности, - продолжала Эсме. - А шарфат пустил струйку пузырей, жалостливо так на меня посмотрел, лег и подставил мне горло.

- Убила? - ахнула Шушу.

- Что я, зверь?! - возмутилась орчанка, звеня сережками. - По башке дала и домой притащила. Теперь он у нас живет. Детишек развлекает.

Так за разговорами незаметно мы приблизились к заветной высокой двери. Сначала туда вошла Эсме. А через несколько минут позвали и меня:

- Следующая!

- Увидимся, - улыбнулась я Шушу. Дрожь под коленками усилилась.

- Непременно, - махнула из стороны в сторону кончиком хвоста змеелюдка. - Не грусти, я тебя там обязательно отыщу.

Внутри кабинета меня встретила уже приевшаяся до оскомины восточная роскошь, выражающаяся в обильной позолоте стен, багетов и (!) оконных решеток, мраморных полах редкого голубоватого окраса и опять же - бархатных полукруглых диванах с кучей пылесобиралок перед ними, именуемых коврами. Хорошо, что я не аллергик.

Посреди помещения стоял массивный стол в стиле чиппендейл. За ним восседала дама средних лет. Бледная как вошь, сухопарая, будто селедка после нереста, с поджатыми гузкой тонкими губами. Жидкие рыжие волосенки стянуты шпильками на затылке в крохотную дульку. Костлявые тела дамы прикрывал белый халат.

Я сплю! Это как?

- Как зовут? - строго спросила дама, нацеливая ручку над листком бумаги.

- Леля, - сделала я к ней шаг поближе и, естественно, запуталась в ворсе. - Блин!.. - начала падать.

Хм-м, боюсь, страстными объятиями меня никто не встретит. Буду спасать себя сама!

И я, с трудом выровняв равновесие, аккуратно подползла к столу, где дама уже выводила каллиграфическим почерком, повторяя вслух:

- Так и запишем - Леля Блин.

Это меня возмутило до глубины панковской души. Я с силой притопнула ногой.

- Нет! - Каблук немного согнулся, и я покачнулась. - Прекрасно!

- Хорошо! Я поняла! Следующая! - автоматной очередью скомандовала дама, тыкая пером на дверь в противоположной стене. Ровно через секунду моя особь перестала для нее существовать.

Пожав плечами, я вежливо попрощалась:

- Счастливой охоты, Каа! - и вышла из кабинета, прихрамывая.

Следующее помещение встретило меня суетой и неразберихой. Пять дам бегали от стола к столу, обмениваясь бумажками и мнениями:

- Безобразие, как только таких сюда пускают...

- Нет, эти уродливые стройные ноги...

- А вы видели эти волосы? До коленок? Ужас! Сплошная антисанитария!

- Согласна! А белоснежные зубы? Явно результат воздействия магии!

- Здравствуйте! - поздоровалась я и стала объектом пристального внимания.

- Дамы, у нас еще один образец! - подошла ко мне пожилая женщина, ненавидящая себя до отрицательной степени числа. Оказывается, и так бывает. Под эту ненависть почему-то попадала и я. Мне сильно не понравились ни прием, ни отнесение меня в категорию образцов, ни сама дама.

Маленькие серые глазки, глубоко спрятавшиеся в заплечные мешки щек, которые плавно перетекали во второй подбородок и терялись на необъятной груди, затянутой в белый халат. Цвет волос я не определила по причине накрахмаленного головного убора, похожего на монашеский.

– Мне куда? – не стала я развивать конфликт.

– Сюда, дорогуша! – ответила дама.

Если я чего-то и не перевариваю в этой жизни, так это когда меня называют «дорогуша»! Сразу хочется открыть рот и...

– Конечно, милочка! – широко улыбнулась я.

Дама скуksилась и жестом пригласила меня на деревянную платформу в центре помещения. Сколоченный из грубых досок постамент напоминал подиум, только был невысоким – где-то полметра от силы. Но мне на моих ходулях и это препятствие далось с трудом.

Вообще-то я думала, что после принятия меня в гарем мою особу тут же проводят в отведенное для проживания помещение, где я смогу с чистой совестью снять с души камень, а с ног каблуки. Вместо этого меня сунули в бюрократический котел, видимо, для прочувствования и осознания.

Как только я влезла на деревянную конструкцию и встала, слегка пошатываясь, ко мне подскочила дама, внешне напоминающая кузнечика, и, размахивая безменом, прострекотала:

– Пишем: вес девяносто пять килограммов!

Ух ты! Это меня гномы обманули? В два раза меньше золота выдали? Вот жлобы! Гм, но при моем росте и таком весе я как минимум должна смотреться колом! А что? Прикольно. «Я от дедушки ушел...» (Это-то я как раз понимаю!) «И от бабушки ушел...» (Чего не понимаю – почему тут умудрились приплести намек на геронтофилию?!) «И от тебя, страшный дядя диэр...» Какие-то у меня нехорошие ассоциации. С неправильным уклоном. Это на меня так здешний колорит отвратительно влияет или магнитные бури?

– Вы не ошиблись? – спросила я для поддержания общего разговора и удостоилась нового неприязненного взгляда.

Ответить мне не пожелали, зато уступили место другой даме, вызвавшей у меня ассоциацию с Мухой-цокотухой, которая денежку нашла и по миру пошла. Слишком вульгарно дама была накрашена, да и в общем виде... Глазастая большущая голова на короткой шее и непропорциональное грушевидное туловище с перетянутой тонюсенькой талией... точно как насекомое! Так вот, это гадкое жужжащее насекомое потрясло портновским метром и провозгласило:

– Рост – один метр двадцать пять сантиметров!

У меня отвисла челюсть и зашкалило в мозгах, когда я попыталась вычислить индекс массы тела. Наверное, за сорок пять... натуральное суперожирение!

Я думала – я красивая стройная девушка? О! У меня просто был обман зрения! А на самом деле – маленький толстый клоп с ирокезом!

Дальше уже просто не слушала. Кажется, меня наградили сороковым размером ноги и нулевым размером бюста. А с другой стороны – хорошо, что не наоборот.

После проведения еще каких-то неведомых мне вычислений мне было сказано:

– Слезай и марш туда! – и торжественно вручена бумага, в которой корявым почерком и большими буквами значилось: «Не годна, но здорова!»

Какой миленький диагноз! Я теперь всем буду его показывать!

Ничего хорошего от следующего помещения я не предвкушала априори. Хотя там меня

ждал сюрприз. В затемненной комнате стоял одинокий стол с хрустальным шаром и горело множество свечей. Над курильницей медитировал мужчина странной наружности (или ориентации?!). Он был в чадре, из-под которой выпирала длинная белая борода, и разноцветном балахоне.

Честное слово, я уже перешла из стадии «кажется» в стадию «уверена» и убедила себя в собственной неполноценности и умственной отсталости. Не зря же Лариска называла меня душой, возведенной в кубическую степень! Надо оправдывать ожидания окружающих.

– Имеешь ли ты, прекрасная дева, способности к неведомому? – зарокотал мужик и замельтешил руками над шаром. Шару, видимо, это не понравилось, и он потемнел, а потом загорелся красным.

– Простите? – не поняла я вопроса. – Что я имею?..

– Магией, говорю, владеешь? – растолковал мне узкоглазый кудесник и впервые поднял на меня свои черные, как провалы, очи. Из-за занавески на его лице я могла только догадываться – так ли это, но последующие действия мужчины меня полностью в этом уверили.

Во-первых, мужчина решительно стянул загадочную тряпочку и уставился на меня широко раскрытыми глазами. Во-вторых, он эти зенки старательно потер кулачками. И даже подергал себя за бороду! Борода оказалась на резинке и оттянулась к пупку. Я с интересом наблюдала за столь интригующими действиями, понимая, что мой нынешний вид доведет до обалдения кого угодно.

Мужчина отмер и спросил:

– Вы кто?

– Леля, – скромно представилась я, шаркнув ножкой. Садиться в реверанс посчитала излишним по причине короткой юбки и длинной лени.

– Ага, – кивнул новый знакомец и отпустил кончик бороды. – Я... Ой!!! – Бородой его основательно шлепнуло по лицу.

– Так и обращаться – Яой? Это прилично? – на всякий случай поинтересовалась я. Вдруг они не слышали о новом веянии.

– Простите, – повинился мужчина и снял бороду. – Меня зовут Йорик.

– Привет Гамлету, – вырвалось у меня.

– Что? – уставился на меня он.

Кстати, без чадры и «мочалки» мужчина оказался молодым и симпатичным. С живыми карими глазками, стреляющими по-восточному, с открытой подкупающей улыбкой и тонкими усиками по верхнему краю губы. В меру надушен какими-то местными благовониями, причем благовония от слова «благо», а не от того, которое на язык само напрашивается. Будущий сердцеед. Почему будущий? А потому что молодой пока. Но возраст – дело наживное. Успеется.

Вопрос повторили:

– Кто такой Гамлет?

– Это я о своем, о женском, – сообщила я и сменила тему: – Так о чем вы меня спрашивали?

– Это кто вас так? – кивнул Йорик на мой внешний вид.

– Жизнь, – не стала я вдаваться в подробности. Немного подумала и добавила: – И работа.

Будущий гроза гаремов и возмутитель спокойствия лукаво приподнял бровь.

Я кивком указала в сторону лежащих на столе аксессуаров:

– А вас?

– А меня только работа, – признался мужчина.

– Несправедливо, – сокрушенно всплеснула руками будущая обитательница сераля. – Добавить?

Йорик подумал и отказался:

– Я уж как-нибудь так проживу.

– Как-нибудь – не надо! – дружески посоветовала я. – Нужно с чувством, с толком, с расстановкой...

– Это вы по собственному опыту советуете? – ненавязчиво поинтересовался Йорик, присаживаясь на стол.

– Ну что вы! – отказалась я. – Из книг столь умные идеи почерпнула. Все стараюсь следовать.

– И как? – заинтересовался мужчина. – Получается?

– Как видите, – вздохнула я.

– Вижу, – хмыкнул он. – У меня так не получится...

– Давайте не будем о грустном, – снова сменила я тему разговора. – Почему вы... э-э-э... украшаетесь?

– Надо соответствовать занимаемой должности. Без этого, – он с отвращением покосился на бороду и чадру, – никто всерьез не воспринимает.

– Сочувствую, – совершенно искренне сказала я. – Наверное, очень мешает.

– Да я привык, – махнул рукой мужчина. – Присаживайтесь! – Он подвинулся, освобождая место.

Я решила не чваниться и взгромоздилась на стол.

Мы посидели рядышком, болтая ногами.

– Хорошо сидим... – глубокомысленно выдала я спустя какое-то время, чтобы хоть что-то сказать.

– Не совсем, – откликнулся Йорик. – Слишком сухо. Размочим?

– Это как? – не поняла я. От жары мысли слиплись в один сплошной ком и не хотели разлепляться.

Мужчина прыгнул со стола и канул в темноту. Там он чем-то позвенел (надеюсь, не цепями) и вернулся, вооруженный двумя гранеными стаканами и шкаликом.

– Будешь? – гостеприимно спросил он меня.

– Я больше не пью, – призналась я, с ужасом вспоминая вырытый окоп и скачку на осьминогпауке.

– А меньше?... – тут же заинтересовался Йорик. – Стопочку тяпнешь за компанию?

– Нет, – твердо отказалась я, не нарушая своих принципов. – Я не пью! Мне еще нужно до гарема добраться. Без особых потерь...

– А что ты собралась терять? – полюбопытствовал собеседник, набулькивая в стакан коричневатую жидкость с характерным запахом крепкого алкоголя. – У тебя вроде и брать нечего.

- Честь тоже считается потерей, - проинформировала я его. - Если вы со мной закончили, то можно я пойду дальше? А то вдруг у вас тут обходной лист длиной с километр...

Йорик на одном духу маханул стаканчик и, отдышавшись, разрешил:

- Валяй! Только ничего не бойся! А то там такие садюги собрались!.. - Он ткнул пальцем в еле заметную в темноте дверь. Маг и кудесник выглядел донельзя довольным жизнью. Прямо завидно стало.

По пути на выход я оглянулась. Йорик уже напялил свой камуфляж и снова склонился над курильницей, в фате и весь в белом, как невеста перед ЗАГСом.

Смотри-ка ты, у них здесь принято занюхивать. Крепкий народец!

За дверью меня встретила штандартенфюрер СС в черной чадре и, ткнув мне в солнечное сплетение чем-то очень напоминающим бейсбольную биту, выпалила:

- Кто? Зачем? Какие цели? Кто послал? Явки, имена, пароли...

- Вам на все вопросы сразу? - заволновалась я. - Или все же можно по отдельности?

- Молчать! - рыкнула тетка.

- Тогда я не смогу ответить, - резонно заметила я.

- Все равно молчать! - не унималась рьяная последовательница Мюллера. - Бистро-бистро! - Схватив меня за руку, потащила внутрь, за занавеску. Там нас ждало еще три клона начальника гестапо женского полу, со стеками за поясом, которые воззрились на меня с кровожадным исследовательским интересом.

- Сейчас мы будем выяснят правду! - заявила начальница, почему-то рассматривая мои ноги.

- В ногах правды нет! - уверила я ее, испытывая желание позаимствовать чадру и прикрыть свои конечности от греха подальше.

- Значит, будем искать ее дальше. - Меня толкнули на кушетку. - Сейчас ты нам все расскажешь!

- Я - блондинка! - решила поставить их в известность. Так, на всякий случай...

- И что?! - Меня не поняли.

Я пожала плечами. Совесть моя чиста и незамутненна - я предупредила.

Одна из гестаповок притащила ушат, в котором плескались милые зеленые бородавчатые лягушата. Чтоб французам всю жизнь икалось!

Я заерзала, отодвигаясь подальше от этих жутких чудовищ.

- У меня батрахофобия, - снова соизволила сообщить присутствующим. Но мой порыв не поняли.

- Какая молодежь нынче пошла развратная! - заметила одна тетка другой, полоскавшей по локти в этом корыте.

- Каждый думает в меру собственной испорченности, - до смерти обиделась я за свою фобию.

- Поговори еще, - фыркнули на меня бабищи, тихо перешептываясь между собой и поглядывая в мою сторону.

- Так вы вроде бы этого и добивались?.. - растерялась я. - Вы бы сами определились, чего хотите. А то «молчать-говорить» - понятия взаимоисключающие.

- Умная, значит, да-а? - ласково спросили меня, засучивая рукава.

- Блондинка, – кивнула я.

- Приступим! – деловито возвестила одна из умотанных в черное теток и, сверкая бриллиантовыми перстнями и золотыми зубными коронками, попыталась посадить мне на руку выловленного из таза лягушонка.

Ни ему, ни мне это не понравилось. В смысле мы друг на друга посмотрели, поморгали и зашлись в крике:

- Ква-ква!

- А-а-а-а!

И неизвестно, кто выдавал децибелы выше! Я бы отдала пальму первенства лягушонку, но вряд ли он ее возьмет. Лягушки пальмами не питаются.

- Кто тебя послал? – вклинилась в наш крик начальница.

- Куда?! – отвлеклась я от переживаний.

- Сюда! – ответили мне.

- Зачем? – захлопала я ресницами.

- Для диверсии, – снизошла тетка до объяснений.

- Где? – Мы с лягушонком озадаченно переглянулись.

- Здесь! – Тетя начала терять терпение.

- Зачем? – Мне все же хотелось докопаться до сути.

- А-а-а-а! Больше не могу-у-у!!! Три неликвида подря-я-яд!!! – Приз забрала мадам начальница. Отдышалась и рявкнула на подчиненных: – Принесите мышей!

- Извините, донна Роза, – развела руками одна из помощниц. – Тут до нее была змеелюдка...

- Тогда змей! – не сдавалась злобная тетка, сверкая из-под «конской» сетки подведенными очами.

- А до змеелюдки была орка, – ответила вторая и горестно продемонстрировала макраме из пресмыкающихся.

Эсме так затейливо связала... или сплела... змей! Просто загляденье! Мечта краеведческого музея! Я обзавидовалась. Оказывается, у девушки художественный талант!

- То есть это пока наше последнее средство воздействия? – опешила начальница, указывая в сторону лягушачьего террариума.

- Так точно! – вытянулись во фрунт помощницы. – Новых мышей и змей доставят только завтра!

- Жа-алко, – вздохнула разочарованная тетка и, хекнув, подышала на штамп и шлепнула печать на мою справку. Бумажка украсилась красивым штампом «Использовать!».

Не поняла, это в каком смысле?

- Простите, – покрутила я бумажку. – Не могли бы вы специфицировать – кому?

- Самая умная? – снова окрысилась начальница. Потом махнула рукой. – Помню-помню – блондинка! Иди к Демиургам!

- Я бы рада, – вздохнула я. – Но у них, видимо, не приемный день.

- Тогда – к диэрам! – посоветовала другая тетка, не чаявшая от меня избавиться. – Они ближе.

– Я в курсе. – Я бережно передала садисткам притихшего лягушонка. – С вашего позволения, пойду...

Меня проигнорировали, поэтому выход я искала сама. Хотя и готовилась к очередному допросу, но ошиблась. За дверью меня ждала девчушка лет двенадцати:

– Разрешите, я провожу вас в отведенную комнату?

– Конечно, – сверкнула я брекетами и ввергла ребенка в недоумение. Впрочем, дитя, видимо, и не такое тут видело. Каламбур! – Я готова!

Мы прошли через небольшой, но весьма живописный садик, миновали длинный коридор, и вскоре передо мной распахнулись створки высоких остекленных дверей в отведенные мне покои.

В узком темноватом предбаннике ход разделялся на две части. Одну дверь я открыла и заглянула – что сказать?.. Кухня-аппендикс, не большая, но и не малая, перед ней по коридорчику сдвоенные туалет и ванная.

Сунула туда нос – оч-чень даже пристойно! Без золотого унитаза, но в остальном весьма симпатично. Ванна имела вид роскошной купели викторианских времен, с ножками в виде львиных лап, есть закрывающаяся при желании непрозрачная стеклянная крышка на нижнюю часть тела и большие медные краны. Даже шланг с душевой насадкой! Ну, понятное дело – полы и стены отделаны розовым мрамором, ряды баночек со всевозможными банными снадобьями и полки с полотенцами... но это на любителя. А я любитель и есть! Понюхав пару-тройку штук, я отправилась на дальнейшую зачистку... ой, обследование! – территории.

Вторая дверь предбанника вела в основной зал. Так сказать, «комнату с балконом и окном». Должна заметить, жить диэры умели! Моя комната обставлена была скромно и со вкусом. Из четырех стен на трех – ковры от пола до потолка. Ковры интересные, с достоверными изображениями садов, цветников, дикой природы, оленей и ланей. На весь пол – опять-таки огромный восточный ковер бежево-бордовой гаммы. Посреди комнаты низкий столик, уставленный многоярусными блюдами со сладостями и фруктами. Какие-то другие блюда – похоже, плов или что-то подобное – прикрыли высокими фарфоровыми крышками.

На отдельной специальной подставке дымящийся чайник и заварочник соседствовали с небольшим сервизом, где чашки перемежались с почти прозрачными фарфоровыми пиалами и блюдцами. В сахарнице – кусковой желтоватый сахар. Рядом – сливки и мед.

Судя по тому, что стульев рядом со столиком не было, есть и пить чай полагалось сидя по-турецки на полу.

Вдоль стены располагалась софа, напротив – роскошный диван черного дерева, с гнутыми ножками. Несколько приземистых этажерок с книгами. Чуть в сторонке – бюро с трельяжем. Перед зеркалом громоздилось множество склянок с мазями, притираниями, саше и косметикой.

Я открыла: в ящичках бюро – шкатулки с бижутерией и с предметами рукоделия. Груды мулине, шелка, разноцветных лент, мешочки с бусами и бисером, коробочки с иглками и вязальными принадлежностями.

С двух противоположных сторон необычные столы с закрепленной на них живой, выращенной во встроенных ящиках зеленью, так гармонически расположенной, что казалось – это не рука человека растила травы и цветущие луковичные, а просто глаз захватил настоящий кусочек весеннего сада.

Посреди всего этого великолепия, у окна, полностью загромождая проход к нему, стоял... рояль. Сверкающий белым лаком элегантный инструмент вызывал недоумение. Но еще больше меня поразила броская надпись «Леля», выложенная бриллиантами на крышке.

– Кто-то решил, что очень остроумен? – прошептала я себе под нос, трогая клавиши.

И то сказать... моя учительница музыки, Изольда Тристановна, так и не научила меня играть на этом благородном инструменте. Хотя очень старалась. Лучшим стимулом для нее служили родительские деньги и мое упрямство. Бог дал мне музыкальный слух, но не дал желания и способностей к музыке. Мои папа с мамой пытались преодолеть это препятствие, но я была несокрушима как скала. За целых полгода упорных мучений Изольды – освоила нотную грамоту и научилась играть «Собачий вальс» аж двумя пальцами. Чем страшно гордилась. Потому что моя подруга по музыкальной школе Нинон, в просторечии – Нинка, умела играть только одним пальцем, по какому поводу сильно мне завидовала.

Оторвавшись от шикарного инструмента, я нервно походила по комнате, внимательно исследуя место заточения, и обнаружила отдельный гардероб за встроенной в стену дверцей.

А вот когда я туда вошла, то просто оторопела. Понимаю – чужой мир, чадры, бурнусы, черные и цветастые местные наряды – это как раз совершенно объяснимо. Но как и откуда в моей комнатке-гардеробе взялись тряпки моего мира, да еще в таком количестве – загадка века!

А они были – и джинсы известных лейблов, и майки с футболками, и боди, и висающие рядами наборы дорожущего белья, и босоножки от Fendi, и вечерние платья от-кутюр, и строгие деловые костюмы, и туфли, туфли, туфли!.. Всякие: с высоким каблуком, на танкетке и на низком ходу. Всех цветов радуги.

Душу грели ряды сапог, полусапог и босоножек, валенок, тапочек, унтов и галош. Всё моей полноты и размера, всё подобрано по ноге и на мой вкус.

Да-а... у кого-то точно бездна издевательского остроумия!

Я вышла в залу и углядела на столике листок бумаги в красивой резной рамочке. Витиеватыми буквами меня извещали:

«Сегодня – карантин и отдых.

Завтра – первый тур: лицезрение внешнего облика.

Послезавтра – второй тур: оценка способностей к развлечению.

На следующий день – третий и заключительный тур: оценка способности удивить.

После этого – бал и выбор фаворитки года.

Удачи!»

– Не дай-то бог! – пробормотала я. – А если дай – то не мне и в малых дозах.

Собственно, у меня было время, чтобы спокойно все обдумать. Другое дело, что я понятия не имела – где мне искать злосчастную эльфийку, из-за которой я приперлась в это змеиное... вспомнила славную Шушу, исправились... паучье гнездо.

Логично было предположить, что искомый объект будет завтра на первом туре. Значит, сегодня у меня выходной и банный день, а завтра начнем играть в доктора Ватсона. Почему Ватсона? Ну, потому что я не обманывалась: до Шерлока Холмса я откровенно не дотягиваю. Дедукция у меня, может, и была... Если честно, я ею еще не пользовалась... а вот курить трубку и играть на скрипке я не умею точно. Только на нервах. Шучу!

Я со стоном наслаждения стянула сапоги и прошла по мягкому ковру. Выудив из гардероба спортивный костюм, отправилась отковыривать штукатурку с лица. Экзотика экзотикой, но прыщи под нее, думаю, не попадают. Да и разноцветный ирокез уже устал стоять и норовил подло завалиться набок.

Отмокая в душистой пене, я ловила редкие в последние недели моменты удовольствия, одновременно с расслаблением тела напрягая серое вещество. Оно, правда, не слишком-то и напрягалось... все больше растекалось и скатывалось!

Кстати, мне же еще нужно фикакуса пристроить. А то знаю я этого террориста-

осеменителя! В лучших чувствах обмичурит весь сад. А кому предъявят алименты? Мне, естественно. Эдак никакого гонорара с таким домашним любимцем не хватит.

Мысли вильнули в сторону. Интересно, как там устроились девочки? Не знаю почему, но я чувствовала в Эсме и Шушу родственные души. Им у диэров тоже не нужен статус фаворитки.

Эсме, мне кажется, пришла для того, чтобы родные отстали. Шушу – та вообще по натуре мне виделась авантюристкой. Тем более с ее физиологией на роль любимой жены претендовать было крайне сложно.

– Леля?! – раздалось поблизости. – Ты где?

– Здесь, в ванной комнате, – ответила я на вопрос Эсме. – А ты где?

– Вишу на твоём балконе, – радостно сообщила мне орчанка.

Сказать, что я вылетела из ванной пулей, – не сказать ничего! Я подорвалась и взлетела, как шутиха на фейерверке. Когда я ворвалась в спальню, смежную с ванной, и вырулила на балкон, хотя меня яростно заносило на поворотах, ибо мыло смыть не успела, то обнаружила на балконе Шушу, спустившую вниз хвост, а по ее хвосту ловко карабкалась орка.

– Это что за спецназ на выезде? – выдохнула я. – Нельзя было предупредить, что никто не собирается падать вниз?

– Зачем? – удивились девушки в унисон. Они выглядели весьма довольными.

– Затем! – рыкнула я, поплотнее заматываясь в халат и отжимая с волос воду. – Нервы мои сохранить... например... – Ноги на мраморном полу стали замерзать.

– А у тебя есть нервы? – заинтересовалась Шушу.

– Я что, не человек? – обиделась я до глубины души.

– А с виду не скажешь!.. – влезла в разговор Эсме, показавшись за перилами балкона. Она внимательно посмотрела на меня и обвинила Шушу: – Ты сказала, что будет весело и Леля посмеется!

– А она разве не смеется? – удивилась змеелюдка, рассматривая мою перекошенную физиономию и крючащиеся от злости руки.

– Сейчас я тебе объясню аполитичность твоего утверждения, – обманчиво спокойно ответила я. – И потом громко и вульгарно посмеюсь над твоим оторванным хвостом!

– Вредина! – показала мне язык Шушу и рванула в спальню.

– Сама такая! – не осталась я в долгу и дернула за ней.

– Я с вами! – Эсме наконец-то перелезла через перила и присоединилась к нашей шепотной компании.

Внутри все помирились и улеглись на громадную кровать.

– Знаете, девочки, – призналась орчанка, обводя руками необъятные просторы, – у меня от таких размеров начинается агорафобия...

– Чего у тебя в гору? – приподнялась на хвосте змеелюдка.

– Агорафобия, неуч! – фыркнула Эсме. – Слишком много свободного пространства. Неуютно.

– Ага, – закивала головой Шушу. – Нужно срочно наставить юрт и запустить коз!

– Да хотя бы, – согласилась орчанка. – Но можно и без коз. Все же ковры жалко, хотя они и не мои...

- Смотрите, - показала я на прямоугольный сверток на прикроватном столике, перевязанный розовой лентой с пышным бантом. - По-моему, это подарок.

- Открывай скорее! - захлопала в ладошки Эсме. - Люблю сюрпризы!

Шушу подцепила хвостом сверток и протянула мне.

- Спасибо! - поблагодарила я, разрывая роскошную бумагу. Внутри оказалась книга Феодоклы Перикопско-Суэмской с интригующим названием «Победить демона - и сдаться в любовный плен!».

Донесла эту информацию до подруг. Те переглянулись, хмыкнули и предложили:

- Лель, может, считаешь немного?

- Думаете, надо? - Читать *это* что-то не тянуло. Я пристально разглядывала устрашающую деву-воительницу на обложке рядом с худосочным мужичком с рогами, вылитым доном Альфонсо. Причем мужик, призванный изображать демона, вид имел мечтательно-романтичный и если и хотел кого-то взять в любовный плен, то явно не лошадеподобную героиню. Хм, судя по его смазливому личику, возможно, даже и не героиню вовсе... - Это, судя по всему, обыкновенный любовный роман.

- Тебе что, жа-алко? - заныла Шушу, давя на мою исстрадавшуюся психику. - Я, может, просветиться хочу! У меня, может, опыта никакого! Я, может, даже не знаю, каким местом нужно яйца откладывать!

- Достала со своим «может»! - поморщилась орчанка. - Не переживай! Кому надо - просветят и покажут, куда и когда!

- Циничная ты, - попрекнула ее змеелюдка. - Никакой романтики!

- Вот только не надо про романтику! - попросила я, открывая книгу. - Это мое больное место! Ладно, девочки, слушайте!

Если опустить самое начало, повествующее о несчастной затурканной сверстниками и жизнью толстой прыщавой девочке с косоглазием и заячьей губой, волею судеб переместившейся в параллельный мир, где героиня немедленно обрела тонкую талию, персиковую гладкую кожу, небесные черты и кучу поклонников, то... Короче, если опустить введение в историю и взять за основу, что девушке непременно нужно было спасти мир от терроризирующего всех «наших» и «хороших» злобного демона, который в силу непонятных исключительных обстоятельств мог убояться только нашу славную героиню, то мы подошли к самому интересному.

- «Героиня начала готовиться к решающей битве. Она критическим взглядом обзрела доспехи и решительно приступила к облачению. Первым необходимым предметом оказалась розовая короткая трикотажная маечка с дизайнерской надписью «Всем врагам назло!..» - читала я с выражением.

- Это сработает? - подняла в удивлении брови Эсме. - Я всегда думала, что нужны доспехи, а не кусочек ткани на сись... груди.

- Глупая! - махнула хвостом Шушу. - Смотря каких размеров этот кусочек ткани. От этого зависит - будет ли вообще сражение, а если будет, то где именно.

- Я думаю, - оторвалась я от книги, - это страшное оружие! Как только враг увидит надпись, а главное - достанет разговорник и переведет, то сразу сдается в плен!

- Слабонервный... - презрительно хмыкнула Шушу, цепляя хвостом вазу с фруктами и подтаскивая поближе.

Я прихватила кусочек ананаса и расположилась поудобней.

- «Маечку следовало надевать на голое тело, минуя необходимый интимный предмет туалета...»

- Это о каком предмете сейчас идет речь? - заинтересовалась змеелюдка.

Я показала. Теперь девушки заинтересовались вдвоем, долго обсуждая и прикладывая к себе мой французский лифчик.

– Дура! – вынесла вердикт Эсме. – Надо было надеть только его. Тем размером, что там описан, получится смести врага с ног, не приближаясь!

– Садистка! – попеняла ей я. – Нельзя так травмировать хрупкую мужскую психику!

– То есть все остальное травмировать все-таки можно?.. – с долей определенной заинтересованности уточнила Шушу.

– Теоретически... – нейтрально ответила я, пускаясь в рассуждения: – Возможно, девушка права. Когда враг будет умирать в корчах, разбрызгивая фонтанчики крови, то вид облепившей тело маечки добьет его окончательно! Как пить дать.

– С такими-то размерами?! – Змеелюдка вытянула вперед руки. – Можно и пить дать, и рот заткнуть, и еще останется!

Я хмыкнула. Ананас незаметно закончился, мне захотелось клубники со сливками. Утешая свою душу и желудок, я устремила в книжные дебри.

– «Покрутившись перед старинным зеркалом, девушка удовлетворенно кивнула, наслаждаясь своим отражением. Ей особенно нравились розовые стринги со стразами...»

– Лель, а что это такое? – влезла Эсме. – Звучит неприлично!

Я показала. Девушки впали в шок. Первой пришла в себя Шушу.

– Слава Демиургам, мне это надевать некуда! – выдохнула девушка, на всякий случай прикрывая нижнюю часть хвоста руками.

– Такого оружия лишаешься! – лицемерно посетовала я.

– Я уж как-нибудь по старинке, хвостом обойдусь! – уверила меня подруга.

Орчанка все еще пребывала в ступоре. Потом отмерла. Удовлетворенно потеряла руки:

– Вот в этом – и на лошадь! Надо своим рассказать о новых методах устрашения врагов! Да к нам ни один лазутчик не сунется после такого!

– Ничего вы не понимаете! – жестоко оскорбилась я. – У! Стразы – это наше все! Куда ж без них! Ослепить глаза противнику неожиданным лучиком, отразившимся от многочисленных камушков, – весьма неожиданный прием! Подумаешь, нечестный! Кто врагу мешает приобрести такие же клевые трусики?

– Может, ему просто стыдно в таком воевать? – предположила змеелюдка.

– Скорее, неудобно, – поправила ее орчанка. – Что там дальше?

– «Чтобы не раскрывать тайное оружие раньше времени, девушка натянула кожаную мини-юбку, больше напоминающую пояс...» – прочитала я.

– Как твоя? – хмыкнула Шушу, невинно хлопая ресницами.

– Моя длиннее, – мстительно сказала я, хотя по совести была в том до конца не уверена.

– О-о-о! – закатила глаза Эсме. – О да! Именно эта часть одежды считается самой удобной в битве! Главное – не делать резких движений, не наклоняться пониже, не приседать и не поднимать руки вверх. А так, в общем, нормально. Обыденно, можно сказать...

Комментировать я не стала и продолжила:

– «Доспехи дополнились высокими красными сапогами на сногсшибательной двенадцатисантиметровой шпильке...»

– Самоубийца! – сообщила всем змеелюдка. – Я видела, как ты на своих ковыляла.

Сражаться в этом может только ненормальная!

Эсме покосилась на обложку и заявила:

– Возможно, для победы над мужчиной-врагом, – она ткнула тоненьким пальчиком в обложку, – нужно именно такое оружие! Иначе просто не проймешь. Представляете? – Она перевернулась на спину. – Гарантирую! Наверняка собьет с ног злодея! Если он увидит, кто и, главное, в чем против него вышел... успех девушке обеспечен!

Я запустила руку в чашку с клубникой. Пусто! Клубника была утащена соседками по гарему. Одни сливки трескать было как-то не комильфо. Может, для гарема быть толстой и хорошо, а для меня – очень плохо!

Впрочем, через минуту подкралась змеелюдка:

– Мош-ш-шно я воз-зьму?

– Можно.

Сливки испарились в неизвестном направлении. Вместе с целым блюдом сластей. Ну и ладно, зато мне осталась ваза с фруктами.

– «Героиня полюбовалась на острый носок сапожек, восхитилась мягкой выделкой кожи, подтянула отвороты, завернув их и как можно выгоднее подчеркивая стройные ножки. После этого, поглядевшись еще раз в зеркало, поправила шикарные длинные распущенные волосы, спускавшиеся до коленок...»

– Как зовут эту представительницу вашей расы? – поинтересовалась орчанка.

Я пролистала назад:

– В нашем мире была Татьяной, здесь для устрашения и солидности переименовали в Таньпакотцель Прекраснокосую. А что?

– Ничего, – пожала плечами Эсме. – Вижу, что прозвище отразило суть и заменило ей мозги под волосами, иначе бы девушка на битву лахудрой не поперлась.

– Много ты понимаешь! – влезла Шушу. – Может, она в волосы лезвия вплела или наконечники с ядом к кончикам прицепила!

– Н-нет. – Я внимательно прочитала еще раз. – Кроме пенки для укладки волос – ничего не было.

– Ядовитой?.. – с надеждой спросила змеелюдка.

– Обычной, – пожала я плечами.

– Дура, – согласилась с подругой Шушу.

– Слушайте дальше, – сменила я тему. – «...Протерла для придания дополнительного блеска замшевой тряпочкой кольцо, так сексуально и зазывно поблескивающее в пупке и ненавязчиво привлекающее внимание к впалому загорелому животу...»

Девушки хлопали на меня ресницами вдвоем – видимо, соображали, зачем нужно туда что-то вставлять.

Я пробормотала под нос:

– Ух ты! Только почему у меня это ассоциируется с гранатой с выдернутой чекой?

– А что такое... – начала Эсме.

– ПОМОГИТЕ-Е-Е! – донеслось снаружи.

– Это мне показалось? – поинтересовалась Шушу, наострив уши... ну или что там у нее вместо них.

- Нет вроде, - засомневалась я. - Зовут на помощь.

- Кто-нибудь! Помогите!!! - послышался новый отчаянный крик.

- Это из сада или из коридора?.. - уточнила я, спрыгивая с кровати.

- Оттуда! - Шушу показала пальцем на наружную дверь.

- По-мо-ги-те! - Уже как-то полузадушенно.

- Бежим! - Я бросилась к выходу. Но с моей скоростью безнадежно опоздала. Мимо меня вихрем вымелись две представительницы других рас. Я понадеялась на лучшее и пошлепала за ними.

- Это что за диво такое? - послышалось, когда я достигла поворота. За ним скрывалась маленькая ниша. А вот в нише происходило самое интересное.

Во-первых, к пустующему крюку для люстры-бра на стене за руки была привязана молоденькая пепельноволосая эльфийка, практически полуодетая.

Во-вторых, обмотанный поперек туловища хвостом Шушу, рядом бесновался мужик в полосатом бурнусе и кремово-белой вуали. Кстати, мужик был далеко не маленький и отнюдь не хилый: ростом под хороший метр восемьдесят восемь или выше, с широкими плечами и холеными пальцами, усеянными дорогими золотыми перстнями с камнями-булыжниками в оправе из мелких бриллиантов.

В-третьих, кроме нашей тройцы, на шум никто не притащился, и разбираться нам предстояло именно этим составом.

- Что случилось? - пропыхтела я.

Мужчина прекратил щупать хвост змеелюдки и выпрямился, оглядел нас с головы до ног и высокомерно спросил:

- Кто вы такие и по какому праву сюда заявились?

- Так стреляли... - фыркнула я. - Вернее - орали.

- Вам показалось, - снисходительным тоном сообщили нам. - Уходите.

- Мы, безусловно, сделаем вид, что нас тут не стояло, - заверила его я, улыбаясь во все шестьдесят четыре зуба. - Если девушка нас заверит, что она просто захотела немного экзотики. - Я скоро это слово выплевывать начну!

- Она немедленно подтвердит, - выдавил с глухой угрозой мужчина и начал поворачиваться в сторону пленницы и приподнимать вуаль.

Та зажмурилась и заорала:

- Не подтверждаю! Это против правил! У вас нет права доступа!

Меня согнуло в пароксизме смеха. Пока я загибалась, Эсме взяла инициативу на себя.

- Многоуважаемый, нехорошо обманывать наивных юных девушек! Насколько мы понимаем, барышня отказывается иметь с вами любые отношения! - Орчанка повернулась к эльфийке и спросила: - Я права?

- Да! - пискнула та, не открывая глаз.

- Неблагодарная! - пророкотал мужик и снова принялся выкручиваться из тесных объятий змеиного хвоста.

- Прыткий, - уважительно поведала нам Шушу, с ехидным интересом наблюдая за бесплодными попытками хулигана. Сложила губки бантиком и спросила, кокетливо изгибая шею: - Как думаете, я могу с него на законном основании требовать денег на полировку чешуи? - Огорченно пожаловалась: - А то он мне своими лапками весь хвост поцарапал...

- Да как вы смее! – жестоко обиделся чадрушник. – Сейчас я вас всех...

- Шушу, как ты думаешь, его на нас всех хватит? – скептически процедила орчанка. – Или – так, преувеличивает сгоряча?..

- Да как вы... – У мужика конкретно снесло «башню», и он попытался воздействовать на нас силой разума. То есть – сорвал вуаль и вперился в лицо Шушу неестественно яркими изумрудно-зелеными глазами.

Тонкокостная физиономия с узенькими темными усиками над верхней губой почему-то создавала впечатление южной изнеженности и некоторой испорченности владельца. Мужчина так напрягался, вонзая свой орлиный и надменный взор в змеелюдку, что на висках обильно выступила испарина. Лицо начало потихоньку синеть – не то от приложенных усилий, не от смертоносного змеиного зажима...

Змеелюдка, в свою очередь, поглазела на него своими вертикальными зрачками, потом отвела взгляд и громко заявила нам:

- Симпатичный, конечно, но ничего особенного!

- Шушу, – удивленно начала я, – а ты не под гипнозом?

- Я с мужиком в хвосте! – фыркнула подруга. – Какой гипноз! Может, он у него и есть, но где-то глубоко внутри и пока наружу не выдавливается! Может, немножко постараться и сжать посильней?

- Нет в тебе почтения к высшей расе, – ласково попеняла ей Эсме, развязывая эльфийку.

- Да где ж его взять? – вытаращилась змеелюдка. Потом еще раз взглянула на обалдевшего мужика и пояснила: – Я ж с Гадючьих топей, до нас культура не дошла, где-то по дороге скопытилась.

- Это не культура, – подала голос пепельноволосая эльфийка, – а воспитание!

- Да ты что?! – изумилась Шушу. – Как я глубоко заблуждалась. И научить меня некому...

- Сейчас научу, – самоуверенно пообещала эльфийка. – Мой папа – церемониймейстер при дворе Владыки светлых эльфов. Только вуаль на поганца наденьте, пожалуйста.

- Пожалуйста! Он у меня щас по самые брови замотается, – заверила ее змеелюдка и крепче сжала кольца хвоста. – Слышь, зеленоглазенький, личико занавесь, пока весь наружу не вышел!

Змеелюдка чуть ослабила хватку. Мужчина с посиневшей ряхой не стал испытывать судьбу и закрыл лицо. После этого Шушу его отпустила, и мы отошли в сторону.

- Учи, – вздохнула змеелюдка. – Я вся внимание.

Эльфийка выдвинулась на передний план и мелодичным голосом пропела:

- Если вы будете не против, то я бы хотела попенять вам на недопустимость ваших поступков и сделать некоторое внушение. – И девушка с ноги очень метко показала, какое «внушение» она имела в виду. Последовал удар по неосторожно открытому кое-чему «достоинству».

- О-о-у! – взвыл несчастный, сгибаясь. – Ты мне всю честь отбила!

- А нечего ее хранить в легкодоступных местах! – парировала Эсме. Развернулась. – Пойдемте, девочки!

- Вот это я понимаю – воспитание! – восхитилась Шушу. – Я бы еще немного поучилась... на живых примерах...

- К вашим услугам, – легко поклонилась эльфийка.

- Тогда мы сейчас пойдем к Леле, – расцвела Шушу, – и вы нас научите правильно,

согласно этикету выражать свои мысли и прикладывать воспитание с нужным ускорением. Как вас, кстати, зовут?

- Нас, кстати, зовут Миримэ, – вежливо улыбнулась эльфийка.

- Эсме, – представилась орчанка.

- Леля, – протянула я руку.

- Шушу, – застеснялась змеелюдка, сворачивая замысловатую фигу из хвоста.

- А ну, девы, повернитесь ко мне! – раздался сзади голос очухавшегося диэра. Мелодично произнес, словно оперный певец. Или суггестор!

- Смотри-ка, – широко улыбнулась Шушу, – оклемался. Можно я попробую повторить подвиг во имя культуры?

- Воспитания, – педантично поправила Миримэ, старательно зажмуриваясь.

- Ой, девочки, – пропела Эсме. – Хочу посмотреть на этого красавчика!

- Зачем? – поразила я.

- Н-ну-у... – затруднилась с ответом орчанка. – На память. Меня никто фавориткой не выберет, и я, может быть, никогда в жизни не посмотрю на живого диэра...

- Ну ты зверь! – восхитилась змеелюдка. – На живого не посмотришь, а на мертвого?..

- Ко мне вообще кто-нибудь повернется?! – повысил голос диэр.

- Какой нетерпеливый! – хихикнула Шушу и развернулась всем корпусом, свернув впереди себя хвост кольцами, словно Каа в ожидании бандерлогов.

- Зачем заставлять мужчину ждать? – поддержала ее орчанка и тоже повернулась.

Я лихорадочно соображала, как спасаются от гипноза, поэтому слегка замешкалась. Да и купальный халат не слишком способствовал куртуазному знакомству. Или слишком?.. А если Эсме попадет под влияние этого суггестора? Как быть в этом случае? Отпустить девушку или спасать?.. А что она сама хочет?

Я покрутила головой в поисках аптечки по избавлению от гипноза и выбрала на роль первой помощи симпатичную старинную вазу, на вид достаточно увесистую.

- Эсме, – позвала я подругу, – скажи, а если он тебя...

- По голове не бить! – сразу перебила орчанка. Сообразительная! Пошевелив извилинами, Эсме тут же утешила уважаемое сообщество, закрывая вопрос с внушением диэров: – И судя по всему, на меня его чары не действуют.

- Какая досада! – возмутился брюнет.

- Какое счастье! – выдохнула я.

- Что делать будем? – спросила Шушу, переплетая руки под грудью и покачиваясь на хвосте, словно маятник.

- Перестань крутиться перед самым носом, кобра недоделанная! – вышла из себя я.

- Уже голова от тебя кружится, – буркнула Эсме.

- Может, пойдем отсюда? – влезла Миримэ, не открывая глаз и шаря руками по резной стенке.

- Тьфу на вас! – выверился диэр, обманутый в лучших начинаниях. Мужчина притопнул ногой, взмахнул рукой и... исчез в поземке серебряных искорок.

- О-па! – выпалила я, первый раз наблюдая, как уходят по-английски в этом дурдо... мире.

- Я так не играю! - надулась Эсме.

- Он просто правильно оценил свои силы... - хмыкнула Шушу. Но изображать маятник перестала.

- А может, мы уже куда-то пойдём?! - продолжила шариться по стене Миримэ.

- Глаза открой!!! - рявкнули мы все втроем одновременно.

- Простите, - порозовела эльфийка. - Но я не уверена, что на меня не подействуют его чары.

- Так он что... пока тебя лап... э-э-э... похищал, их не применял? - удивилась Эсме.

- Нет, - смутилась Миримэ. - Сказал, у него и так все получится. И вообще - это какой-то неправильный диэр!

- Поч-ш-шему неправильный? - изумилась Шушу, разглядывая повреждения хвостовых чешуек. - Ничего такой... симпатич-ш-шный...

- Вот-вот, и я о том же, - кивнула Миримэ и обвела нас взглядом. - Диэр, умный, симпатичный, с гипнозом... Так зачем ему применять ко мне такие меры?.. В смысле связывать, пугать... Глазками посмотрел - я и сама бы побежала.

- А если он знает о том, что на некоторых их гипноз не действует? - предположила орчанка.

- Ага-ага, - скептически отозвалась я. - И мы все дружно собрались тут в одном месте...

- Да-а-а, - протянули девушки. - И впрямь очень странно...

- А что тут происходит? - Из-за поворота рысью выскочил табун гаремных «фей», замотанных по самые насурьмленные брови в яркие шелка.

- Уже ничего, - сообщила им Шушу, увлеченно разглядывая новоявленных спасительниц.

- Тогда почему вы шумите и смущаете наш покой? - вылезла вперед местная активистка.

- Извините, - буркнула Эсме.

- Нет, так не пойдет! - уперла руки в боки гаремная пионерка, видимо председатель пионерской дружины. - Объясните нам...

- Отвали! - вдруг открыла рот утонченная эльфийка.

- Закрой хавальник и сбрызни в бассейн! - поддержала ее Эсме.

- А?.. - То, что было видно из-за вуалей, стало очень удивленным. Кстати, не факт, что у меня сохранилось невозмутимое выражение лица. Согласитесь, весьма необычно услышать от дочки эльфийского церемониймейстера подобное выражение, да еще в таком тоне.

- Два! - фыркнула Миримэ. - А ну дай дорогу, гаремный сброд!

- На себя посмотри, отверженная! - завелись противницы. - Или вот на эту, - в меня ткнули пальчиком (у меня в руках начался зуд, и душу охватило пылкое желание эту указку на фиг сломать. Кажется, это уже было! Как легко слетает с нас флер цивилизации, когда наружу вылезают потребности!), - в купальном халате и вне своих покоев!

- Вам завидно? - округлила я глаза в притворном недоумении. - Или вам купальных халатов не перепало?

- Пойдемте, девочки! - Вождь гаремного стада решила, что отвечать ниже ее достоинства четвертого размера, и, согнав в кучу своих овечек, гордо удалилась откуда

пришла.

- Один - ноль! - заявила Эсме, двигаясь в сторону моей комнаты.

Мы дошли до апартаментов и снова развалились на обширной кровати, на этот раз вчетвером. Эсме подтащила фрукты.

- Как вы думаете, - мне все же не давал покоя один вопрос, - почему мы все собрались в этом месте?

- Судьба? - поделилась догадкой Шушу.

- Возможно... - согласилась я. - Но слишком простое объяснение.

- Случай? - высказала предположение орчанка.

- Тоже вероятно, - не отрицала я. - Но опять-таки - слишком просто...

- Почему ты ищешь сложное в простом? - лениво поинтересовалась эльфийка. - Скорей всего, здесь сработал один из всемирных законов: «Подобное притягивается к подобному!» Мы все... э-э-э... как бы сказать... - Она на секунду запнулась. - Выпадаем из образа милых, послушных девушек...

- А ты почему выпадаешь? - любопытствовала Шушу. - Ты же вроде правильная зануд... э-эльфийка!

- Мне все равно, как я выгляжу, - скорбно созналась Миримэ и покраснела, словно маков цвет.

- Эльфийке все равно, как она выглядит?! С ума сойти! - вытаращились на нее змеелюдка и орчанка. - Такого не может быть! Вы же все модницы!

- Может! Видите - я без зеленого маникюра! И педикюра сиреневого у меня нет, и грудь не наращивали магически, и губы остались обычные, от рождения... - вздохнула Миримэ и нервно заломила пальцы. - А еще... - Покаялась: - Не хочу замуж выходить... Не тянет меня... - Протянула капризно: - Мужчины та-акие скучные...

Змеелюдка с оркой тихонечко захихикали. Я тоскливо вздохнула. Бедная эльфа! Если судить по моей троице Лелик-Болик-Маголик - в эльфийском замужестве можно повеситься с тоски.

- Меня поэтому сюда и спланировали, - продолжала «колоться» эльфа. - Чтобы я прочувствовала конкуренцию и поневоле занялась своей внешностью.

- Прочувствовала?... - широко раскрыла глаза Шушу и потянулась за остатками моих фруктов. Эсме выдрала у нее половину инжира и поделила между всеми.

- Угу, - ответила эльфийка, демонстративно оглядывая свою порванную рубашку и потирая запястья. - До такой степени, что, если бы не врожденная чистоплотность, то не мылась бы вообще! Из принципа! Чтобы запахом немытого тела всяких придурков отпугивать.

- И не говори... - вздохнула я, раздумывая, как мне попросить о помощи, не выкладывая свою историю целиком.

- Точно. - Миримэ перевернулась на живот и подперла щеку ладонью. - Хотя здесь еще ничего, а вот в другом гареме... Там вообще, говорят, такое в порядке вещей!

«Интересно, не тот ли это гарем, из которого меня так вовремя спас Мыр?» - подумалось мне.

- Какой ужас! - всплеснула я руками. - Кошмар! И что, вот всех так?

- Не-э. - Миримэ в расстроенных чувствах взлохматила кончик пепельной косички. У нее была типично эльфийская прическа в нашем традиционном понимании - две тонкие косицы на висках, сплетенные на темени в одну. Правда, распущенные кудрявые волосы вздыбились и торчали из-под косичек, словно «взрыв на макаронной фабрике» славных

восьмидесятых. Теперь нервничающая эльфийка планомерно доводила и косички до такого же состояния. – Говорят, тот жуткий диэр так только эльфиек любит...

– А что, орчанок он любит как-то по-другому? – заинтересовалась невзначай Эсме, изредка посматривая на сбитые костяшки на кулаках.

– Не знаю, – пожалала хрупкими плечиками Миримэ. – У меня, кроме тебя, знакомых орчанок нет.

– Ой, девчонки... – ловко приступила я к задуманному. – Вы меня та-ак напугали! Сюда тоже одна моя знакомая эльфийка попала – романтики ей захотелось.

Эсме и Шушу понимающе переглянулись, Миримэ скромно потупилась, продолжая теревить несчастную тоненькую косицу.

Я продолжала:

– Девочки, пожалуйста, помогите мне разыскать подругу, а то я сильно переживать начинаю, как бы ее не обидели здесь!

– Как зовут? – деловито спросила Миримэ, уничтожая жалкие остатки фруктовых залежей в виде бананов и винограда.

– Сириэль! – отрапортовала я.

Эльфийка немного подумала, повспоминала и покачала взъерошенной прической:

– Не знаю такую.

Я расстроилась. Мне, безусловно, безумно хотелось, чтобы искомая эльфийская дева нашлась с ходу и мне не пришлось бы участвовать в завтрашнем шоу. Но моя планида скривилась и выдала отрицательный результат: Эсме и Шушу прибыли вместе со мной и понятия не имели об остальных обитательницах гарема.

– А теоретически – где она может быть? – попытала я счастья наугад.

– Везде! – заверила меня эльфийка, приближая «взрыв на макаронной фабрике» к «ядерному испытанию на военном полигоне».

– Мне бы ее найти поскорее, – вздохнула я, косясь на крашенные ногти и мрачно размышляя, куда я сунула пилочку и смывку для лака. – Это меня та-ак успокоит...

– Чего проще, – махнула кончиком хвоста змеелюдка. – Завтра на церемонии лицезрения внешнего облика и позыришь на всех кандидаток. Там и подружку найдешь. Встретитесь, обниметесь, утешите друг друга... – Шушу смахнула набежавшую слезу.

Я бы эту Сириэль так обняла и утешила! Изо всех сил! До синих губ и хрипа в груди! И в таком виде бы братьям с женихом передала, чтобы они ее тоже немножко пообнимали и утешили. Самую малость!

– Наверное, так и сделаю, – вздохнула я в надежде, что опознаю искомый объект с первого раза. Пристающая ко всем с вопросом «Это не вы моя лучшая подруга, Сириэль?» девушка будет выглядеть крайне подозрительно.

– У кого какие планы на завтра? – поинтересовалась Шушу, рыская по комнате в поисках съестного. То, как она металась на своем хвосте туда-сюда на каждый шорох, заставляло все волоски на моем теле вставать дыбом. Смотрится жутковато. Хорошо, что она не человекоядная.

– Найти подругу, – отрапортовала я, отслеживая взглядом ее перемещения.

– Посмотреть на диэров, – призналась Эсме, довольно похлопывая себя по животу.

– Пройти церемонию, чтоб родные отстали, – скривилась Миримэ, переплетая косицу вслепую заново.

– Следовательно, – змеелюдка плотоядно принюхивалась к растениям на столе, – никто

из вас не стремится в фаворитки?

- И как ты догадалась? - язвительно фыркнула орчанка.

- Сама такая, - широко осклабилась Шушу, вытаскивая один из цветочков и начиная его активно лопать.

- Шушу, может, мы попросим ужин? - попыталась я спасти местную флору.

- Думаешь, дадут? - У змеелюдки загорелись глаза.

- Думаю - да, - пожала я плечами. - Они же не хотят завтра получить кучу девушек-претенденток в голодном обмороке?

Я сползла с кровати и подергала за шнурок около двери. Раздался мелодичный звон. Не прошло и пяти минут, как в дверь заколотили. Не подозревая дурного, я открыла и... чуть не рухнула.

Э? На пороге стояла Кувырла, покачиваясь на каблуках и обмахиваясь «аксесюром». Ноги-ласты бабуля втиснула в аналог моих ботфорт, единственно без переды. То есть обувь у нее была половинчатая и состояла только из задника с каблуком и голенища. Сама бабушка облачилась в гаремные многослойные шаровары с разрезами и бюстье, густо усыпанное бисером и жемчугом. Разноцветную копну волос на голове венчала расшитая тюбетейка с вуалькой.

- И вы тут? - У меня открылся рот от удивления.

- Кувырла! - бросилась навстречу бабуле Шушу.

- Без фамильярностей! - Знойная бабушка выставила впереди себя гламурный топор в розовых ленточках. - А че, низзя? - Это уже мне, входя в комнату.

- Да-а... нет... - попыталась я оправдаться.

- Так да или нет? - усмехнулась Кувырла. - Ваша бяда, девки, в том, что вы никак определиться не можете!

- В смысле? - К нам присоединилась Эсме.

- А без смысла! - покачала вуалькой Кувырла. - Все, девки, просто! Углядела мужука полутче - и цап его себе! Потому вместе будете смысл искать.

- Съедобного? - облизнулась Шушу.

- Кому че! - нахмурилась бабуля и, наставительно нацелив палец вверх, заявила: - Вы бы не о хлебе насущном думали, а о завтрашнем испытании!

- Одно другому не помеха! - заверила ее Шушу.

Остальные барышни морально поддержали правильную идею, дружно покивав головами и уставившись на Кувырлу с голодным блеском в глазах.

- Значица, сэкономить не удастся! - посокрушалась бабуля и, подвинув тюбетейку на левый глаз, заорала в дверь: - Быстро обед на четверых! Лодыри!

- А что, кто-то отказался? - любопытствовала Миримэ, пока закутанные до бровей евнухи расставляли на столе блюда с дымящимися яствами.

- Да, почитай, почти што все! - гордо ответила Кувырла. Поймав одного из прислужников, бабушка подперла ему подбородок обухом топора и ласково попросила: - И мне тож притарань еды по высшему разряду! Можно прямо в кадушке.

Евнух испуганно кивнул и испарился.

- Вы с нами трапезничать будете? - проявила я вежливость, хотя и так было понятно.

- Не-а, - заявила Кувырла. - Мне вас жалко, еще отощаете. Я на балконе закушу

маненько, а потом научу вас, девки, уму-разуму.

– Думаете, стоит? – прочавкала Шушу, отбирая у орчанки блюдо с маринованной полусушой бараниной.

– Поглядим, – оптимистично ответила бабуля, возвращая головной убор на макушку и проверяя ровность посадки по носу. Нос был выдающимся, тюбетейка маленькой, и согласовываться они не хотели. Бабуля, поняв бесполезность усилий, смачно плюнула в вазон с цветами и гордо прошествовала на балкон, куда трое евнухов вкатили средних размеров кадушку, а один протащил туда же скатерть.

Странно питаются бабули с «аксесюрами». Что у нее там?

Мы переглянулись с девочками и по-пластунски поползли к балкону. Я понимала, что, возможно, испорчу себе аппетит, но утешала себя сохраненной фигурой и тонкой талией во имя утоления любопытства.

Кувырла закусывала по высшему разряду... свежими раками. Ракам это варварское уничтожение не нравилось, и они яростно растопыривали клешни. На что Кувырла реагировала с выдумкой и непонятно как завязывала рачьи кусачки замысловатыми узлами, после чего удовлетворенно кричала и целиком заглатывала членистоногое. Загораживающее зрелище! Тут же к ней угодливо подсказывал один из евнухов и деликатно отирал куском скатерти лягушачий рот. И все начиналось сначала.

– Смачно! – громко прошептала Шушу, сглатывая слюну.

– Тебе бы только пожрать! – шумнула на нее Эсме, но при этом сама от раков глаза отвела с трудом.

– А что такое? – обиделась змеелюдка и скользнула к столу. – Я организм молодой, растущий...

– В длину? – съехидничала странная эльфийка, подцепляя двумя палочками какой-то непонятный деликатес неизвестного происхождения. Выглядело на принесенном ей лаковом подносе все на редкость эстетично и даже аппетитно, но лично я травку, цветочки и мотыльки из тончайших прозрачных ломтиков неизвестно чего есть поостереглась. Как говорится, во избежание... Мало ли... может быть, это белая редька с лепестками морковки, а может – неправильно потрошенная рыба фугу! Да и сама «травка» на блюде, подстеленная вместо листьев салата... зеленая и зубчатая, вызвала больше вопросов, чем ответов.

– А что, разве еще как-то можно расти? – искренне изумилась Шушу, одним рывком отламывая ногу у зажаренного целиком барашка. Я глазам своим не поверила: пара движений ножом и глотательных звуков – и нога осиротела, оставшись голой костью.

– Му-гу... – несогласно промычала Эсме, набивая себе рот лепешкой, куда она в середину натолкала строганого мяса с овощами и острым соусом. Соус там был такой ядерный... я капнула его на палец, лизнула и отошла от греха подальше, потому что на глаза сразу навернулись слезы, а Эсме как ни чем не бывало молотила местное варево за обе щеки и знай подливала на блюдце.

– Еще можно в ширину, – наставительно ответила я Шушу, проморгавшись и аккуратно накладывая себе риса с овощами.

– Это моя мечта! – мечтательно закатила глаза Шушу, не забывая пополнять свою тарелку кусками мяса и поливая их соусом. – Толстые – самые красивые, но не в змею корм!

– Мечта... розовая или голубая? – заинтересовалась Эсме.

– А между ними есть разница? – Я прекратила терзать жаренные на гриле овощи.

– Конечно, – обрадовала нас орчанка. – Розовая – это когда может исполниться, а голубая – несбыточная. У мужчин, кстати, наоборот.

– Ага. – Я ничего не поняла, но аналогии проводить побоялась.

- Это сиреневая мечта, - заявила, чуть подумав, змеелюдка, стрескав практически все со своего края стола и протягивая загребушие ручки к моему краю. - Потому как может и сбыться, и не сбыться.

- Ор-оригинально, - пробормотала я, отнимая у нее блюдо с салатом.

- Все бы вам, девки, воздух сотрясать! - К нам вернулась сытая и довольная Кувырла. Цыкнув на вертящихся вокруг нее евнухов, она развалилась в кресле, попытавшись положить лапку на лапку. Окончательно в них (лапках) запутавшись, подтянула к себе давешний вазон и снова отметилась там своим ДНК.

- Приятного аппетита! - сделала ей внушение эльфийка, все еще кромсая на мелкие кусочки что-то опасно-неопознанное.

- Ась? - Бабуля жалостливо прислонила топор к щеке и заявила нам: - Пропадете вы, девки, без мяне! Никогда вам призового места не занять.

- Да нам и не надо, - улыбнулась я, все еще перетягивая с Шушу последнее блюдо с едой и сигнализируя ей глазами на практически полный лаковый поднос и чашу Миримэ. Змеелюдка подползла к еде ближе, заглянула, втянула воздух и... с ужасом отшатнулась, отрицательно мотая головой.

Похоже, там было что-то, приготовленное из змей. А может, и чего похлеще (на этой мысли моя кулинарная фантазия скончалась в муках).

- Миримэ, что ты ешь? - проявила я любознательность.

- Это скорпена с сырой кассавой, - улыбнулась эльфийка.

Я немедленно подавилась. Может, я плохо разбираюсь в деликатесах, но такое убийственное сочетание, по-моему, нужно выдавать самоубийцам. Два смертельно опасных продукта в одном флаконе.

- Тебе жить надоело? - откашлялась я.

- Не-эт, - ответила Миримэ. - В этом деле главное - красиво нарезать. - Она полюбовалась на творение рук своих. - И выбросить... - Тарелка эффектно отправилась на другой край стола. - А теперь можно и спокойно покушать. - Эльфийка выудила со второго яруса переносного столика громадное блюдо, где заманчиво испускали восхитительные ароматы заныканые куриные ножки в сливочном соусе с грибами, и радостно вгрызлась в одну, загораживая остальные от змеелюдки.

- А ну цыц! - бабахнула по столу кулаком Кувырла. - Вы мне не чужие! Слушать меня!

- Да нам ваш князь и даром не нужен! - фыркнула орчанка.

- А за золото?.. - коварно спросила бабуля, накручивая фиолетовый локон на палец. - По весу? Да потом еще и приданое по окончании контракта...

Нет, эта бабка почище змия-искусителя! Шушу до нее расти и расти! У девушек от ее речей сразу загорелись глаза.

- Всем, оно канешно, не выиграть, но одну пропихнуть можем, - с намеком сообщила нам Баба-ляга. - А она подмогнет остальным...

- Будем друг на друга рассчитывать? - азартно предложила Шушу.

- Зачем? - изумилась Кувырла. - Сразу выберем Лелю и сделаем на нее ставку. Поелику ходят слухи, - бабуля подняла указательный корявый палец и многозначительно ткнула в потолок, - тама она шибко кой-кого заинтересовала...

- Почему? - изумилась я, немного прибалдев от неожиданного предложения.

- Кто ж их, мужуков, знает, - пожала костлявыми плечиками бабушка. - Но есть мнение...

- И мы будем это мнение каждый раз учитывать? - скривилась я, в глубине души не

желая становиться фавориткой.

- Будем! - твердо сказала Кувырла. - Мне тут донесли - ты подругу ищешь?

- Кто донес? - широко раскрыла я глаза. Один из евнухов сделал безучастный вид и сильно заинтересовался видом из окна. - П-понятно...

- Так вот, - продолжила бабуля. - Ты ее можешь встренуть тока на последнем туре!

- Засада! - пробормотала я в раздражении. - Может быть, попробуем Шушу?

- Угу, - кивнула змеелюдка. - Только если князь имеет хотя бы один глаз, то сразу увидит, что мне обязанности фаворитки выполнять нечем. А яйцекладкой он вряд ли заинтересуется. Ты мне лучше пару сотен золотых подкинешь, тепленькое местечко и поединок с нормальным диэром организуешь.

- Тогда Эсме? - повернулась я к орчанке.

- Я вообще не котируюсь, к тому же - не думаю, чтобы князю понравились суровые брачные игры орков... на выживание... - Орчанка обвела нас лукавым взглядом. - Я вам потом подробности расскажу... - Подмигнула. - И мне бы немного послабления моему племени и охранную грамоту...

- Понятно, - вздохнула я. - Миримэ?

- Беру самоотвод! - следом пискнула эльфийка. - У меня теперь на диэров жестокая аллергия! Но!.. - Она задумалась. Потом выпалила: - Если князь и моему папе письмо напишет, какая я была тут ухоженная, дорогая и гламурная, то мне даже золота не нужно!

- Остаешься только ты! - подвела черту Эсме. И все посмотрели на меня с надеждой.

- Не хочу! - попыталась возразить я, отказываясь от подобной чести. - Не буду! - Взревели: - НЕ НАДО!!!

- Надо, Леля, надо! - хихикнула Кувырла. - Значитцца так, все слухать сюда и следовать моему плану!

Заговорщицы сблизили головы, и началось совещание, закончившееся глубоко за полночь. Удовлетворенные подруги поздравили меня с избранием и составленным планом, после чего отправились спать.

Я из чистого интереса смоталась к ним в номера - во-первых, чтобы поглядеть, куда их поселили, во-вторых, было любопытно - есть ли различия в отношении кандидаток. Ну так вот, отличий не было! Девушек поселили в комнатах, похожих на мою как близнецы. Только у них было даже чуточку посвободнее, потому что у них не было роялей или даже самого завалящего фортепиано или клавесина. Этой чести удостоили только меня.

С гудящими от усталости ногами и опухшей от мыслей головой я приняла душ, почистила зубы, в полусне распутала гриву и шмыгнула под одеяло. Тупая тяжесть в затылке и лиловая дымка в глазах заставляли лечь спать, как бы мне ни хотелось побродить по гарему в поисках цели.

Ночью мне приснился сон. Я в алом платье, дорогих туфлях на высоких каблуках сидела в роскошном ресторане. Это было нечто усредненное ряда знакомых мне заведений такого рода, но не суть важно. Главное, напротив меня находился самый красивый мужчина из всех, которых я видела. Он был так красив, так... от яркости его внешности резало глаза. Буквально!

Статный, с длинными стройными ногами, с львиной гривой и властными уверенным движениями - он безоговорочно царил в этом зале, и ни один мужчина не смел бросить ему вызов.

Очарованные его обаянием, все окрестные женщины таращились на нас, будто мы в пустыне, а я сижу под единственным кондиционером в округе. Мой яркий мужчина протянул мне руку и пригласил на танец. Я, словно зачарованная голубка, прыгнула в

его объятия.

Неожиданно танец прервался не начавшись, и мы очутились на округлой кровати с бордовым покрывалом. Сверху и по бокам на нас бесстыдно пялились бесчисленные потолочные и настенные зеркала, словно нас ненароком занесло в дорогой отель для молодоженов.

Мой мужчина наклонился и стал медленно, необыкновенно чувственно снимать с меня туфли. От неожиданности я потеряла дар речи, а потом начала плавиться от сладкого предвкушения. Вслед за туфлями последовали чулки, и у меня начали закатываться глаза. Нет, не подумайте. Он не распускал руки. Внешне все было необыкновенно целомудренно, но делалось это та-ак!.. У меня остановилось дыхание.

- Ты мне снишься... - прошептала я пересохшими губами.

- Да-а? - Он улыбался маняще и загадочно, проводя пальцами по моим обнаженным рукам. Они отозвались волнами ощущений, от которых мои волоски на теле поднялись дыбом.

Все так же медленно он провел рукой по плечам, поднимая меня, и мое платье соскользнуло вниз, открывая полупрозрачный сексуальный корсет от Chantelle кремового цвета, на который я точила зубы последний месяц работы. Во сне моя мечта осуществилась.

Мой мужчина плавно притянул меня к себе и провел губами по бретельке, отчего у меня подломились ноги.

- Это сон... - повторила я, не пытаясь отстраниться, но и чувствуя себя все более неуверенно. Слишком реальны были мои ощущения. Еще немного смущала странная дымка, которая закрывала лицо моего визави. Из-за нее я видела его как солнце сквозь алмазные струи «слепого» дождя, когда слепит глаза и точно сфокусировать взгляд не удается.

- Леля... - сказал он таким знакомым, теплым и ласковым голосом, что мне захотелось растечься на нем и таять, словно мороженое.

- Это сон... - полузакрыв глаза шептала я, когда он одной рукой прижал меня к себе, осторожно поглаживая спину вдоль позвоночника второй.

- Леля...

Я тонула в тонком, необычном запахе, прикасаясь носом к его ключице. Его грудь была твердой, под моими руками бугрились мышцы. Я запустила пальцы под рубашку. Темный шелк невесомо скользнул, мелкие пуговички только добавили азарта. Я хотела увидеть его, осязая. Во сне он будил во мне что-то первобытное... какое-то исконное женское любопытство.

Мой мужчина был совсем не против женского любопытства, мне показалось - он даже подстрекал его, лаская мою шею мягкими губами. Потом его рот переместился на ухо, прошелся невесомо по ушной раковине, ощутило прикусывая мочку. Я чуть не взвыла от нетерпения, буквально сдирая с него осточертевшую рубашку и запуская руку под ремень брюк.

Он встал, опустив руки и позволяя мне делать с его телом то, что мне хочется. Тихонько урча, я вырвала полы рубашки из-под брюк и стянула ее с плеч. Его тело просило моих пальцев - такое твердое и гладкое, такое... волшебное... Мышцы, напрягаясь, играли под пальцами, грудь вздымалась и опускалась в такт учащенному дыханию...

Он потянулся ко мне, прикасаясь осторожным поцелуем. Сначала робко, словно пробуя поочередно верхнюю и нижнюю губу, потом мягко, но требовательно прижался ко мне жаждущим ртом, заставляя меня саму извиваться от неутолимой жажды. От огненного чувства, растекающегося лучиками от сердца, я плавилась, умирая от страсти. Он пил мой рот, смаковал его, то нежно лаская изнутри языком, то чуточку прикусывая нижнюю губу. Это было, словно... Я невольно застонала, усиливая нажим и продлевая поцелуй.

Мы стояли так долго-долго, наверное, целую вечность, не имея сил оторваться друг от друга. Наконец отодвинулись, тяжело дыша.

Я случайно бросила взгляд в зеркало: незнакомец протянул руку, чтобы снять с меня серьги, те самые памятные сережки с радужными камешками, которые мне оставил через маму Муму перед расставанием Мыр. Он старался снять их тихо, незаметно, и во всем этом было что-то... неправильное... воровское...

- Нет! Не снимай их! - Я резко отстранилась.

- Чем они тебе так дороги? - строго спросил красавец-мужчина, подбираясь, словно для прыжка.

- Их подарил мне... близкий человек... - тихо ответила я.

- Троль?.. - Этой издевательской интонацией можно было убить все живое. Меня словно ударили.

Я еще раз попыталась взглянуть ему в глаза: даже во сне для меня самое важное в человеке - глаза. Недаром про них говорят «зеркало души».

И опять ничего толком не разглядела. Лицо закрывала непонятная полупрозрачная дымка, позволяя замечать тонкие черты лица лишь тогда, когда я смотрела вскользь, не фокусируя зрение. Я даже не смогла бы точно определить цвет его глаз или волос и уверенно сказать - он брюнет, блондин, рыжий?.. И это тоже было страшно неправильно.

У меня возникло чувство, будто меня нагло обманули. Знаете, когда берешь красивую шоколадную конфету в фирменной упаковке, разворачиваешь ее в предвкушении, а там... обсосанный кем-то леденец с осколками горелого арахиса. Я даже всхлипнула от разочарования.

- Ты что-то имеешь против троллей? - свистящим шепотом спросила, почему-то все больше сомневаясь в том, что это сон. В самом деле, зачем во сне так надежно маскироваться? И если он решил спрятаться, чтобы лечь со мной в постель, пусть не удивляется, если я сейчас выпинаю его вон, и неважно - оживший он кошмар или мечта! Если это мой сон - то что хочу, то и делаю, а если кошмар - то делаю что хочу!

- Тролли - грязные животные! - начал говорить воплощенный конец моей романтики.

- Он моется! - обиделась я за Мыра.

- И чистит зубы? - фыркнул собеседник. - Он - животное!

- Ты никогда не получал лабутеном в глаз? - невинно поинтересовалась я, крутя в руках изящную и безумно дорогую туфельку. Когда слова не работают - нужно переходить к действиям.

- Нет, - ответили мне в недоумении.

- Все когда-то бывает в первый раз, - философски сказала я, мысленно прощаясь с обувью. И не только мысленно.

- Ты ненормальная! - заявили мне с негодованием, когда роскошная черно-алая туфля со свистом пронеслась мимо чьего-то (не будем тыкать пальцами!) виска и шумно врезалась в стену.

- По каким меркам? - хладнокровно поинтересовалась я, присматриваясь ко второй туфельке, если уж первая не достигла цели.

- По всем! - Меня схватили за руки и отобрали обувь.

- Отдай, пожалуйста, оружие мирового пролетариата! - выпалила я, выкручиваясь из сильных рук.

- И давно пролетариат пользуется таким оружием под тысячу условных единиц? - съехидничал мужчина и продолжил свою подрывную деятельность, целуя мою шею за ухом. Но мое романтическое настроение улетучилось в никуда. Остались лишь обида за

Мыра и легкое, с привкусом горечи сожаление о случившемся. Во рту стало кисло.

– С тех пор как научился зарабатывать! – парировала я, отталкивая партнера. – Все, баста! Если у тебя и были какие-то планы на эту ночь, то я в них не укладываюсь!

– А куда ты укладываешься? – вкрадчиво спросили меня, медленно подбираясь к застегкам корсета. – Есть особые пожелания? Могу предложить кровать... или шкуру у камина.

– Свою? – фыркнула я. Извернувшись из объятий и, стянув с ложа покрывало, спрятала свою неземную бежевую красоту. Не про пса колбаса!

– Зачем так грубо, Леля? – Он по-кошачьи гибко подкрадывался ко мне, заставляя меня все плотнее прижимать к груди покрывало и раздумывать о вреде эротических снов и влиянии умных троллей на женскую чувственность. – Я же тебе всю душу открываю!

– Мне кажется, ты невзначай ошибся и не ту дверцу открыл. – Я стояла как несокрушимая скала. – Пока что вижу лишь избыток либидо!

– Тяжело с тобой, любимая, – вздохнул мужчина. И я испытала сожаление, что ничего нельзя вернуть вспять и нельзя вычеркнуть из жизни Мыра, забыть Моня и уж в любом случае не выполнять условия договора.

– Кому сейчас легко? – задала риторический вопрос, пытаюсь себя ущипнуть и проснуться. Честно, я уже не надеялась на свою стойкость. Мне все ближе и ближе становилась положительность. Та, которая произошла от глагола «ложить» с корнем «лож».

Фу! И о чем я только думаю!

– Солнышко, не дури! – пробовали меня ласково уговаривать бархатым голосом.

Номер не прошел!

– Я не солнышко, я – тучка! – вредничала я, шаря глазами по помещению в поисках одежды.

– Хорошо, – согласился мужчина, внезапно останавливаясь. Сделал призывный жест кистью. – Тучка моя грозовая, прекрати капризничать и плыви ко мне.

– Нетушки! – категорично отказалась я.

– Да что с тобой?!! – взорвался мачо. – Почему?

– Потому! – Сон мне перестал нравиться, потому что скандалить я не люблю.

– Это из-за тролля?! – запоздало догадался он, не оставляя попыток изловить своевольную красавицу.

– Возможно... – задумалась я. Но живой в руки не давалась. В отличие от покрывала. Ну, мы люди не гордые, нам и простыня, если что, тоже вполне годится!

– Он же зеленый! – возмущался мой неудавшийся половой партнер. – С красными глазками!

– Это экзотично! – оборонялась я.

– Клыкастый! – пер напролом разъяренный Парис. Почему именно Парис? Уж больно смазлив и загадочен. И дело откровенно идет к войне.

– Зато открывашки не нужно! – метко парировала Елена Троянская.

– Он же страшный! – уже не на шутку бухтел знойный мачо.

– На вкус и цвет!.. – Я осаживала этого неугомонного как могла, с шумом и топотом удирая от него по номеру, как алкоголик от навязчивой «белочки». Наши возбужденные скачки отражали бесчисленные зеркала. Ну, хоть какую-то функцию во сне исполнили...

- Он - животное! - ревел красавец-мужчина.

- И пусть! Ты не лучше!

- Дура! - в сердцах крикнул мужчина и рассыпался мириадами золотых искорок.

- Нет в мире совершенства! - вздохнула я. - Если женщина имеет свое мнение - значит, сразу дура.

Сон прервался. Я открыла глаза. Все как и было: я в гареме, за окном вовсю пиликают брачующиеся сверчки, а в остальном тишина и благоденствие.

- И что это было? - зевнула я. - Чего только не примерещится.

- Я НЕ НАДЕНУ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!! - раздался вопль из коридора. Моя входная дверь стукнула, и в спальню ворвалась Миримэ, потрясая шифоновой тряпкой. - Ты видела?!! - бесновалась эльфийка.

- Еще нет, - дипломатично ответила я, выпутываясь из одеяла и наблюдая - не пойдет ли у нее изо рта пена, чтобы во время определить бешенство.

- Сейчас я тебе покажу! - обрадовала меня девушка и начала расправлять розово-серебристую ткань на кровати.

- Какой извращенец это придумал! - В дверях возник вихрь из черных косичек, и ко мне на кровать плюхнулась Эсме, сжимая в руках голубую тряпку с серебром.

- Девочки... - начала я, лихорадочно соображая, что мы вчера ели и может ли это быть заразным.

- Какая прэ-э-э-эсть! - тут же вползла и Шушу, размахивая чем-то зелено-золотым.

- Мне кто-то что-то объяснит? - спросила я у троицы.

- Я! - На пороге нарисовалась Кувырла, рассерженно сдвигая тюбетейку на левый глаз. - Им нечего надеть на смотрины!

- И какие проблемы? - зевнула я. - Тут вещей целый гардероб...

- Ниче ты не пендришь в колбасных обрезках! - авторитетно заявила Кувырла и повергла меня в шок.

- Не... пендю, - согласилась я. - А должна?

- Так! - обвела нас строгим взглядом Баба-ляга. - Все завтракать! Там и перетрем!

- Вам не идет воровской жаргон, - осторожно попыталась вернуть бабулю к литературной части великого и могучего.

- В натуре? - заинтересовалась бабушка, поправляя на шее пудовый кулон на массивной цепи.

- Зуб даю, - кивнула я и утомленно поползла в ванную комнату.

Когда я вернулась в надлежащем виде, то есть причесанная, подкрашенная и прилично одетая в футболку и джинсы, девочки прошлись по моему наряду взглядами и единодушно вынесли вердикт:

- Выглядишь изумительно, но на представление светлейшему князю в штанах для верховой езды не пойдешь!

- Это стильная вещь, - попыталась отбрыкаться я.

- Это ты лошади рассказывай, - хмыкнула Эсме, намазывая себе громадный ломоть хлеба золотистым душистым медом и ловя языком стекающие янтарные капельки.

- Если нас познакомят - расскажу! - буркнула я, присоединяясь к трапезе, и подвинула к

себе тарелку с омлетом. – Так в чем дело?

– А дело в том, дева, – хмыкнула главенствующая во главе стола Кувырла, – что каждая должна явиться на смотрины в том, что было заявлено при поступлении!

– В смысле? – заковырялась я в тарелке, выбирая лакомые кусочки.

– В смысле – у тебя это набор номер восемь для гарема высшей категории! – ласково объяснила мне бабушка.

Омлет резко встал в горле, забыв направление. Потом испуганно заметался туда-сюда. Я мужественно продавила его вниз, откашлялась и со слезами на глазах прохрипела:

– Никогда!!! Только через мой труп!

– Князь не любит мертвых! – рассерженно стукнула кулаком по столу Кувырла. – Они не шевелятся!

– Я и живая не буду! – упрямо сказала я, пытаюсь представить себя в этом наряде на презентации.

– Знаю я, чегось тебе подсунули, – недовольно хмыкнула (так и подмывает в мыслях заменить на «квакнула») Кувырла, пока остальные молча следили за нашей пикировкой, – тока думала, што эти прикроют... А тапереча и их тряпки в негодность пришли. Так, девки?

– У меня весь подол на ленточки порезали, – кивнула эльфийка. – Все ноги наружу.

– И у меня, – поддержала ее орчанка.

– А мне вырез сделали поглубже, – Шушу аппетит не потеряла и закидывала в свой молодой растущий организм все, что стояло на столе, – до самого подола.

– Что делать будем? – спросила бабуля, подпирая отвисшую морщинистую щеку рукой и становясь похожей на мутировавшего шарпея.

Я прокрутила в голове несколько вариантов дальнейших событий и поняла: либо пан, либо пропал.

– Шоу, – заявила я, расставаясь с омлетом и наливая себе чай. – Будем делать шоу!

– Эт как? – заинтересовалась бабуля. Остальные тоже смотрели в удивлении.

– Сейчас все расскажу, – вздохнула, придвигая себе блюдо с клубникой.

Спустя несколько часов и ценой титанических усилий я была готова к показу местной гаремной моды и обзавелась изумительным эскортом.

Пожелав друг другу удачи и сосредоточившись, мы вышли за дверь и направились в центральную залу дворца, где должно было состояться явление меня князю. Очень надеюсь на крепость его нервов...

Часть вторая

Гаремная рулетка: испытай женщину и останься в живых!

Кувырла поводила нас каким-то путаными переходами, один отрезок мы даже проследовали подземным ходом, и в конце концов всей компанией отаборились в небольшом предбаннике с высокой дверью.

С другими претендентками на входе мы не пересеклись. Как мне шепотом объяснили девчонки, запускать всех выступающих через одну дверь очередью здесь не принято. Считается признаком бедности и безвкусицы. Дескать, в богатом доме в зале для выступлений должно быть не меньше двадцати дверей.

«Господи! Тогда зал для выступлений должен быть размером с футбольное поле!» – с ужасом представила себе я. И почти не ошиблась.

Где-то через полчаса нас позвали, и мы по одной торжественно вступили в диэрскую обитель порока.

Я изо всех сил пыталась разглядеть ихнего князя. Очень уж заинтриговали. Но оказалось – ничего особенного. Сидит себе такой истукан в накидке и золотой маске. Хотелось сказать – ни кожи ни рожи! И вот почему: наружу даже клочка кожи не пробивается. Умотался, замуровался и молчит, как партизан на допросе. К нему знай придворные да слуги подбегают, он на них посмотрел, рукой махнул – они погнались монаршую волю исполнять. Одним словом, фараон в отставке, который мумия!

Теперь вернусь в начало. Вошли мы туда вчетвером. И остановились перед малиновым пологом, отделяющим входную дверь от общего зала.

Первой за него скользнула Шушу:

– Ну, девчонки, пожелайте мне удачи! Счас я им сбацаю «Танец маленьких змей»!

Мы остались подглядывать в щелку.

Итак, зал для представлений был таким огромным, что представился мне гладиаторской ареной. И совсем не случайно. Его выстроили амфитеатром. Ага. Ну вроде: «Ave, Caesar, morituri te salutant!»

Цезарь, то бишь князь, сидящий в первом ряду круглой арены, немедленно получил заряд бодрости от Шушу.

Для этого мира змеелюдка выглядела более чем необычно... Ее зеленое с золотом платье с вырезом до подola так смущало даже евнухов, что я полезла в гардеробную подбирать – чем ей прикрыть то, что выставять было неприлично, но очень сексапильно (девчонки заявили, что «пильно» они только с будущими мужьями и никак иначе!). Шушу перемерила все кофточки и шали и вцепилась загребущими руками в кожаную косуху. Представляете себе видок?

Мало того, меня еще и ограбили на фуражку, торжественно водруженную на множество косичек, заплетенных в африканском стиле.

– Лепота! – сделала вывод Кувырла и пошла потрошить стражников на предмет ремней. Из которых орчанка, немного подумав, сделала портупею. Правда, кинжалы у нас отняли, потому как с ними к князю не пропустят... Хотя, когда стража увидела выползшую из гардеробной Шушу, то попыталась отдать оружие обратно – и свое, и чужое! Но мы, как честные девушки, железный лом не взяли и выпроводили ошарашенных мужиков наружу.

Шушу проявила невиданную сердобольность и пошла их провожать. Отсутствовала она около часа, но вернулась жутко довольная и тихо хихикала, изредка поглаживая ножны.

– Что у тебя там? – не выдержала Эсме, сооружая эльфийке из волос два хвостика с пышными бантами.

– Сюрприз! – расплылась в широкой улыбке Шушу и вымелась помогать Кувырле.

В общем, Шушу вломила на арену змеиным солдатским шагом, изящно вильнув хвостом, подкатила к диэру...

Охрана настолько опупела, что проморгала почти весь ее «заплыв», и очухалась лишь тогда, когда наша змеелюдка приблизилась к возвышению с тронном вплотную. Впрочем, диэр сделал им знак, и они не стали ее задерживать.

С песней, полной неизвестно откуда взявшихся шипящих: «Мы пришли к вам с девой и чаркой браги пенной! Выпей поскорее водки, драгоценный!» – Шушу всучила диэру стопарик водки с подноса (стопарик был размером с поллитровку). Бедному диэру ничего не оставалось, как делать вид, будто он отпивает.

Задорная змея на этом от него не отстала и звонко осведомилась:

– Стесняюсь спросить – вы будете занюхивать или закусывать?

Мне показалось, что глаза золотой маски стали квадратными.

Ошарашенный князь не нашел ничего лучше, как кивнуть – дескать, будет закусывать.

Шоу продолжалось. Непосредственная Шушу продемонстрировала содержимое первых ножен.

– Предпочитаете вегетарианское меню... – Жестом фокусника достала из ножен огурец. – Или питательное? – Из второй кобуры она выудила белую мышь.

– И-и-и! – завизжали многие из присутствующих дам. Это те, у кого еще остались нервы.

Плюх-плюх! Шлеп-шлеп! – отреагировали остальные.

– Фулюганка! – Откуда сбоку появилась команда гестапо во главе со штандартенфюрером. – Отдай последнее оружие производства!

Замотанные в черное тетки с криками и гиканьем носились по всей арене за змеелюдкой, издевательски орущей во все горло:

– Ни за что! Это мой сувенир на память!

Дышать было трудно... от смеха. Если смех продлевает жизнь, то я не умру никогда!

Наконец очухалась стража и выставила заслон между Шушу и тетеньками. Самый главный стражник (судя по его большому и красивому головному убору из блестящего металла, постоянно сползающему на лоб) встал впереди.

Змеелюдка один раз пожалела дяденьку и ловко поправила ему шапочку кончиком хвоста. Стражник попытался изобразить кролика перед удавом, но, глянув на злобных теток, передумал. Вместо этого бочком подобрался к Шушу и, мило улыбаясь сведенными челюстями, мягко и непреклонно отобрал несчастного замурзанного мыша и вернул его владельцам из гестапо. Тетки в черном приняли грызуна как родного и каждая по очереди поцеловала стражника в лоб. Дяденька чуть не умер то ли от ужаса, то ли от счастья и уполз с арены, бережно поддерживаемый Шушу.

– Продолжать будете? – безнадежно спросил распорядитель, уже отчетливо понимая, что все это добром не закончится.

– А как же! – гордо возвестила змеелюдка уже практически у выхода. – Девочки, пошли!

И девочки пошли... с пипикастрами (слово ужасно неприличное, но, кажется, обозначает всего лишь пучок лент у группы спортивной поддержки).

Со слаженным криком:

– Даешь молодежь! – на арену выпали орчанка с эльфийкой. Девчата представляли собой изумительную пару. Шифоновые гаремные платья закачивались на уровне бедер, дальше шла бахрома из ленточек, сквозь которую мелькали стройные ножки в синих лосинах у Эсме и розовых – у Миримэ.

Охрана сначала впала в ступор, следом – попыталась пасть на колени, а кое-кто – и ниц.

Знаем мы эти приемчики! Не на тех напали!

Девушки, потрясая пучками лент, исполнили зажигательный эльфийско-оркский танец и ввергли всю мужскую половину зрителей в экстаз, а женскую в зависть. Многие дамы драли свои носовые платки и вуали на маленькие клочки. Потом выкидывали кусочки ткани. Так что танец моей группы поддержки сопровождался конфетти из дорогих материалов.

Девчонки мастерски изобразили помесь вальса и кобылиных плясок с элементами канкана, показав всему миру, где раки зимуют. Раки, впрочем, были готовы провести там же круглый год!

Разноцветные ленты так и мелькали в тонких ручках, изредка попадая страже по лицу. Стража мужественно держалась и чихала через раз, поэтому носы у бравых вояк покраснели, и они своим красно-белым облачением напоминали Дедов Морозов.

С лентами отдельная история. Я на них упорно настаивала, и бедной старушке-квакушке пришлось бегать в швейные мастерские: заниматься с мастерицами бартером. Они нам – ленты, мы им – конфеты с коньяком из моего бара и шампанское. Теперь, скорей всего, обновок до-олго не будет...

Действо на арене набирало обороты. Танцующей походкой Миримэ порадовала публику номером с чирлидерскими лентами, а Эсме усилила впечатление, устроив игрища на манер чего-то среднего между художественной гимнастикой и танца с кинжалами, потому что мы привязали ее две ленты к удлиненным палочкам и сами полоски шелка лишь приспособили, а не сшили... В общем, картина получилась разнородная, но по-своему захватывающая.

Князь уже никак не реагировал, пристроившись на троне и подперев золотую маску рукой. Слова у диэра, видимо, закончились, потому что рядом стоящий глашатай молчал в носовой платок, изредка вытирая слюни, когда подружки излишне высоко вскидывали ноги.

Когда моя группа поддержки совершила круг почета, уважаемая публика получила возможность лицезреть Кувырлу...

И начало ее выступления можно смело предварять словом «абзац». Бабуся-лягуся в лапах на каблуках, в шароварах и наморднике была бы просто экзотична, но если добавить туда еще и «аксесюр», висящий на шее, потому что руки у нее были заняты плакатом «ЛЕЛЯ ФОРЕВОР!», то... Размахивая плакатом, бабушка трижды обнесла его вокруг арены и, как последний штрих, вручила князю, квакнув:

– НАШИ ДЕВКИ – ЛУЧШИЕ!!! – И повязала ему на шею пионерский галстук.

Ступор плавно двигался в кому. Все уже были подготовлены к моему выступлению, и я, не желая разочаровывать публику, ступила на сцену!

– Прекрасно Леля Блин! – объявил меня распорядитель и был расчленен моим горящим взглядом. Потом, успокоившись и улыбнувшись, я выплыла из-за занавеса.

Аудитория просто умерла от восторга. И я в который раз убедилась, что красота – страшная сила! В струящемся красно-алом с малиновыми всполохами платье, которое крепилось на правом одном плече подобно сари, и открытым левым плечом, с длинной юбкой годе, клинья которой размывали цвет от алого сверху до бело-розового у пола, и в длинных красных перчатках я выглядела сногшибательно. Мой наряд дополняли черно-красные туфельки от Louboutin и элегантная золотисто-серебряная бижутерия Tiffany на шее и руках. Волосы уложили в прическу из нарочито небрежных локонов, местами перевитых кремово-алыми цветами и скрепленных в сложную конструкцию у затылка, из которой на шею и спину спускались каскадом волны. Они создавали обманчивое впечатление летящей воздушности. В ушах я оставила радужные серьги – подарок Мыра. Они вполне подошли и смотрелись великолепно.

– Позвольте предложить вашему высочайшему вниманию, – начала я, останавливаясь посередине арены, – изящное платье золотистого цвета из гаремного набора высшей

категории...

Выскачившие девочки продемонстрировали линялую, универсального размера тряпку серо-желтого колера, украшенную многочисленными затяжками и порванную по шву в двух местах. Пока сие произведение портновского искусства обносили по кругу, я продолжила:

– Это платье легко и непринужденно привлечет и захватит внимание! А также этот шедевр снабжен дополнительной вентиляцией. К тому же винтаж снова вошел в моду...

– Двести золотых! – раздалось с верхних рядов.

– Двести десять! – азартно включились нижние.

За полчаса ставки увеличились до пятисот. В конце концов платьишко уплыло к князю, который заплатил семьсот, не желая расставаться с реликвией портновского произвола.

«Вышитую золотыми нитками вуаль», напоминающую сморщенный комочек марли с торчащими во все стороны ошметками ниток, прикупил церемониймейстер за двести золотых.

Бархатные туфельки на тумбообразном каблуке сорок последнего размера оторвал в качестве лодок для декоративного пруда распорядитель. Он при этом радовался как ребенок.

Пункт номер четыре, «эксклюзивные духи с феромонами», – достался начальнику стражи, который пришел в дикий восторг от нового вида оружия.

«Косметический набор для лица» мы распродавали поштучно, и дамы просто давились в очереди за подарком для соперницы.

«Золотое» облезлое бюстье с «антверпенскими розами» выиграл конюх и ускакал на конюшню, радостно горлая на весь дворец:

– Сейчас я тебе покажу, пакость такая, как меня с седла скидывать! Сейчас ты увидишь, что можно на тебя надеть!

Еще три предмета, оставшиеся мне в наследство от почившего эльфийского агентства, мы на торги не выставляли. Кружевные панталоны добровольно-принудительно позаимствовала Кувырла как средство устранения навязчивых поклонников. «Универсальный разрешитель» попросила орчанка, бережно поглаживая скалку, словно шею любимого, и мечтательно закатывая глаза. Книжку Кубикуса Квадратикуса Пятого я пока придержала, потому что почитать мне было нечего. Опус Феопеклы за чтение не считался.

– Дамы и господа! – лучезарно улыбнулась я. – Наша демонстрация на сегодня закончена!

Зал загудел, словно рассерженный улей.

Откуда-то сверху раздался неожиданный вопрос:

– Простите, а вы повтор устраивать не будете?

Его задала хрупкая изящная женщина со множеством золотых браслетов на руках. Остальных ценностей, спрятанных под шелковыми слоями светлых покрывал, просто не было видно.

– Простите, нет, – вежливо ответила я.

– Жа-алко, – протянула почти невидимая собеседница. – Мне бы немного тех духов для мужа...

– А вы у начальника стражи попросите, – посоветовала я, в глубине души искренне жалея мужа. – Вдруг поделится...

Дама вздохнула и умолкла.

- Разрешите откланяться! – завершила я аукцион.

Князь диэров благосклонно кивнул.

Девочки обрадовались и исполнили гибрид канкана с танцем живота. Кто-то с верхних рядов начал подтанцовку и свалился на передние. Передние ряды не растерялись и вышли на сцену. Скоро весь подиум и пространство вокруг него были заняты тусящим народом. В центре круга впрыскав лихо отплясывала Кувырла и пользовалась бешеным успехом.

- Леля, – проникновенно начал замотанный по самую макушку госслужащий, – вас приглашает на танец сам... – Он зачем-то поднял указательный палец и ткнул в потолок.

Я подняла голову и полюбовалась затейливой лепниной. «Самого» там не было. Ни в общем, ни в частности. Если, конечно, не брать во внимание шикарное мозаичное панно в центре. На нем от светила в стороны шли золоченые лучи, как бы озаряя благим светом все сущее.

- И?.. – не совсем поняла суть нашей беседы.

- И вас приглашают, – взял меня за локоток распорядитель.

- Куда? – полюбопытствовала я, мягко высвобождая локоть.

- В приватный сад. На танец, – пояснили мне, настойчиво выталкивая из толпы.

- Ага! – дошло до меня. – А кто?..

- Вы же умная женщина! – с намеком сказали мне, упирая на мою мифическую сознательность. Ту самую, которая у меня даже с друзьями не ночевала и в гостях никогда не бывала.

- Это вы меня оскорбляете?.. – поддержала я беседу, проталкиваясь в обратную от указанного направления сторону.

- Это комплимент, – жестоко обиделся напыщенный собеседник и обходным маневром все-таки направил в нужную сторону.

- Извините, не поняла, – повинулась я, упираясь каблуками.

- Ничего страшного, – пропыхтел распорядитель, настойчиво толкая меня в спину, словно овцу на заклание.

Я срочно включила «блондинку» и заорала:

- Товарищи! Он меня оскорбил! Смертельно!

- Чем? – Рядом, как по мановению волшебной палочки, возникла Эсме, поигрывая «разрешителем».

- Он сказал, что я хуже чем страшная, – наябедничала я, прячась за орчанку.

- Это как? – нарисовалась в поле зрения змеелюдка.

- Вот так, – развела я руками. – Разве мужскую логику поймешь? Сказал – «ничего, что страшная»...

- Я сказал – «ничего страшного»! – завопил обиженный в лучших чувствах мужчина.

- Угу, – оплела его хвостом Шушу. Ласково посулила: – Ты сейчас и не то скажешь!

- Ничего не скажу! – сложил руки на груди распорядитель.

- Что и требовалось доказать! – удовлетворенно кивнули девочки и под усиленным конвоем вывели меня из зала.

Последнее, что я видела, – разъяренную Кувырлу. Она что-то очень эмоционально

объясняла своднику на пальцах. Трех.

Пока плутали по коридорам и совались во все двери в долгих поисках наших апартаментов, мы успели обзавестись несколькими разноцветными тряпками, кинутыми нам от радости... наверное. Претендентки на почетную роль самой любимой жены диэра нас также душевно наградили: двумя толстенными томами «Любовных поз» – вторым и шестым, массивным серебряным подносом, четырьмя бронзовыми подсвечниками, множеством разнокалиберных сандалий (все на одну ногу!), тремя симпатичными медными вазами, крохотной миской, тазом, изысканной чашей для шербета с инкрустациями из полудрагоценных камней и целой горой фруктов. Один раз даже метнули открытую пудреницу. Чихали потом все...

Получив первый раз персиком в лоб, Шушу впредь стала осторожней. Теперь она открывала дверь кончиком хвоста и сначала вместе с девочками ловила то, чем нас решили одарить на бедность. Как видите, одаривали нас много и часто.

Меня поставили в тыл как самую ценную и абсолютно неприспособленную к выживанию в гаремных условиях особь.

– Если тебе кто-то арбузом по «тыкве» закатает, – прочавкала орчанка сочной грушей, – весь наш план насмарку. Так что стой сзади и бди!

Что имелось в виду – она не уточнила, и на всякий случай я бдела на все.

Когда нас, пытая и сопя от возмущения, догнала сердитая Кувырла, мы всячески отбрыкивались от презента: мелкого вертлявого евнуха с белоснежными зубами, которого нам пытались вручить в воспитательных целях. Кто кого там должен воспитывать – вопрос, конечно, интересный... но не актуальный!

В то время как девочки пытались выяснить, кого именно нужно воспитывать – его или нас, – Кувырла уперла руки в боки и заорала, размахивая «аксесюром»:

– Девки, нашли на что польститься! Пошли в нумера, я вам лутче подберу!

После ее возгласа к нашей гоп-компании незаметно попыталось присоединиться еще несколько замотанных в шелк дамочек. Видимо, пристроились в надежде на «лутче».

– Угомонитесь, озадаченные князем! – фыркнула бабуля. – Мне своих девок хватат, чтоб ишшо чужих куда ни попадя впихивать!

Выслушав сие признание, все желающие поувяли и быстро отпали нераскрывшимися бутонами в свои комнаты. Кое-кому оказали первую помощь от лица «подруги в гареме». Удостоившиеся особых знаков внимания были метко катапультированы в надлежащее место хвостом.

– Буду требовать доплату! – бурчала змеелюдка, отправляя в бреющий полет последний «бутончик»... килограммов на восемьдесят с гаком. – Я на такие нагрузки не рассчитывала и хвостовую броню оставила дома.

– Справим! – радостно отозвалась бабка, приставив руку ко лбу и всматриваясь в конечную точку полета. Раздался грохот...

– Антикварная стела «Победа разума над плотью» погибла, – потеряла руки Кувырла. – Таперича девку выпрут, и конкуренция меньше!

– Угу, – кивнула я. – Плоть победила.

Нашу содержательную беседу о торжестве мирского над духовным прервал звук взлетающего самолета.

Я нервно заоглядывалась.

Из глубины комнаты, сопровождаемое этим звуком, выскочило что-то кругленькое. Ростом метра полтора... и столько же в объеме. Существо гневно вперило в нас громадными коричневыми глазами и раззявило маленький пухлый ротик с криком:

- НИЗЗЯ!!!

Отличительной особенностью нового... э-э-э... пришельца была невообразимая толщина.

В общем, представьте себе круглый водяной матрас, сверху которого есть личико, из середины высовываются пухлые ручки, и все это чудо катится на пухлых ножках.

Вся впечатляющая масса была закутана в зеленую драпировку, почему-то напомнившую мне занавеску в актовом зале. То есть видно было чуть-чуть сверху, немного снизу и самую малость – руки.

Кожа симпатюли отливала коричневым, и это сочетание вместе с зеленым напомнило мне о Мыре. Поэтому я посмотрела на прыгающий «мячик» весьма благосклонно.

- Ой, мамочки! – отчаянно взвизгнула Миримэ, пятясь по коридору. – Не дайте боги!

- Что случилось? – задала я резонный, на мой взгляд, вопрос. По идее такой симпатяшки пугаться нечего.

Ответить на него успело создание. Оно подлетело на всех парах ко мне, понюхало, запрокинуло то, что условно можно считать головой, и радостно вцепилось мне в ногу:

- Дитё!

- Это кто? – спросила я тише, стараясь не двигаться, пока мою коленку прижимали к груди.

- Шмырг, – скривилась Эсме.

- Это имя или определение? – Я проходила новые университеты.

- Это раса! – рыкнула Шушу, рассматривая нас с затаенной жалостью.

- Можно меня вкратце просветить о последствиях? – поинтересовалась я, осторожно поглаживая по верхней точке прилепившийся ко мне шарик.

- Можно, – кивнула змеелюдка. – Если вкратце – то кирдык.

- В смысле? Может убить?! Оно? Не верится как-то... – округлила я глаза и замерла, прислушиваясь к ощущениям организма. Вдруг меня уже начали есть, а я ни сном ни духом?

- В смысле – любить и оберегать тебя будут крепко, часто и неотлучно, – пояснила Шушу. – От них нет спасения! Шмырги – прирожденные няни. Никто не знает, откуда они взялись и как размножаются. У нас встречаются только взрослые женские особи с нереализованным материнским инстинктом...

- Но-но! – подала голос няня. Строго оглядела «нарушителей». – Тут дитё!

- Где? – вырвалось у меня.

Шмырг ласково погладила по коленке, похлопала длинными густыми ресницами и, лучась искренней любовью, заявила:

- Ты – дитё!

- Кирдык! – проинформировала я окружающих, разглядывая новую напасть на мою голову. За сегодня я устала морально так, что уже ничему не удивилась.

- Ай-ай-ай! – покачала головой няня из стороны в сторону, но мою коленку не выпустила. – Плохие слова маленьким девочкам употреблять НИЗЗЯ!

- Кто маленький? Где? – У меня возникло стойкое желание запустить руки в шевелюру и почесать затылок, почухать подбородок, потереть уши и остальные подходящие для этих целей органы.

- Ты! – убежденно ответила шмырг.

- Я уже выросла! – попробовала я ее переубедить под жалостливыми взглядами остальной компании.

- То-то и оно, – фыркнула няня. – Что-то выросло, а что-то еще нужно вырастить!

- И что? – заинтересовалась я своей дальнейшей судьбой. Дико все как-то воспринималось.

- Достоинство, скромность, воспитание, справедливость, благонравие, благоразумие...

- Зачем спросила? – бурно веселясь, хихикнула эльфийка.

- Пока она перечисляет, слушай дальше, – вклинилась Шушу. – Шмырги выбирают себе воспитанников по только им одним ведомой системе. Понравился – и все! – будут воспитывать и оберегать до тех пор, пока не найдут себе новый объект заботы...

- ...долг, мужество, честь, принципиальность...

- Но в этом есть и одна очень хорошая сторона! – радостно воскликнула Эсме, потирая руки и лукаво поглядывая то на меня, то на остальных. – Теперь тебя никто не сможет обидеть!

- Да-а-а? – покосилась я на шмырга. Выпала: – Почему?

- Она не даст, – кратко ответила орчанка.

Я внимательно окинула взглядом крошечную няню и, честно говоря, не поверила.

- ...бескорыстие, сдержанность, мудрость, надежность... – долдонила неугомонная местная няня Вика, словно бесплатный музыкальный автомат.

- Это что за шум? – Из-за угла нарисовался отряд стражников из пяти гремящих железом мужчин. – Кто вам разрешил нарушать беспорядки в отдельно взятом мной гареме?

- Какое интересное утверждение! Можно сказать, целое открытие в управлении... и в филологии! – искренне восхитилась я. – Господа! Вы об этом князю докладывали?

- Самая умная, да? – окрысился старший, взваливший на себя благородную миссию по взятию гарема. Или защите?.. Тогда кого от кого?

- Нет, – призналась я.

- Что нет?! – не понял страж порядка.

- А что – да? – любопытствовала я.

- Нарываешься, да? – с надеждой спросил воин.

- Нет, – ответила я.

- Что нет?! – повысил голос начальник.

- А что – да? – повторила я из-под зажимавшей мне рот ладони орчанки. Звук оттуда выходил неотчетливо, переходя в мычание. Но охранник уразумел и отреагировал по-мужски.

- Получить хочешь? – с надеждой уточнил страж.

- Че-его? – вытаращилась Кувырла. Ее рука бережно коснулась «аксесюра». Мужики, стоящие рядом с главным, опасливо попятились.

- Воспитания! – гордо рапортовал командир пятерки. Вот же орясина! А главное – не заткнешь!

- ...гуманность, человечность, человеколюбие, милосердие... Э-э-э? – удивилась подколенная меганяня, отвлекаясь ненадолго от безудержного процесса шлифовки

чужих несовершенных мировоззрений.

Монотонное бубнение навевало дрему. Мне припомнился работающий в гостиной телевизор, и на душе потеплело.

Усатый стражник продолжал поглядывать в мою сторону с неистребимым чувством мужского превосходства. «Право сильного» называется. Правда, глядел он так недолго.

– Воспитываю здесь я! – прикрикнула шмырг. (Все служивые не задумываясь немедленно стали во фрунт. Потом под критическим взглядом командира пятерки сразу перешли на «вольно».) Добавила с угрозой: – И попрошу МОЕ ДИТЁ грязными взглядами не лапать!

– Это еще кто?!! – заржал главный, тыкая пальцами в «надувной матрасик». – Ручной клоп? Га-га-га!

Остальные поддержали инициативу начальства и тоже громко загоготали, будто гуси. Ага. Рождественские.

Няня отклеилась от моей ноги, предварительно ободряюще похлопав воспитанницу по ляжке, словно породистую кобылу, повернулась к гогочущей страже...

И тут начались чудеса.

Во-первых, маленькое создание за считанные секунды раздулось до размеров мяча в средний человеческий рост. Во-вторых, за спиной новоявленного монстра затрепетали небольшие кожаные черные крылышки. В-третьих, превращение сопровождалось воинственным кличем, напоминающим микс сирен пожарной, «скорой» и полицейской.

С этим вдохновляющим музыкальным аккомпанементом шмырг с легкостью рванула на стражу и в мгновение ока чуть не раскатала оглушенный отряд противника, состоящий из пяти достаточно сильных и рослых мужчин, до состояния блинчика.

– Ик!

– Вот это я понимаю! – с уважением в голосе призналась Шушу. – Красиво!

– Блеск! – поддержали ее остальные участницы отбора, я в том числе.

– Благодарю! – ответила няня, утрамбовывая проход. Победительница не упустила случая заметить: – Воспитанные девушки всегда благодарят за сделанный комплимент!

– Дайте я пожму вам руку! – расчувствовалась Кувырла. – Так поставить... положить мужиков на место мне еще не удавалось!

– Крайне признательна! – Шмырг осмотрела дело своего тела и, удовлетворенно бултыхнув подобием головы, сдулась до нормальных размеров. – С удовольствием поделюсь с вами личным богатым опытом. Но пообещайте научить меня пользоваться этой чудесной вещичкой, – указала она на «аксесюр».

– Всенепременно! – расплылась в лягушачьей улыбке Кувырла, демонстрируя ярко-розовые десны.

Няня докатилась до меня и строго сказала:

– Пойдем, дитё, у нас впереди много интересных уроков. Но сначала тебе нужно отдохнуть, принять ванну...

– Может, ограничимся чашечкой кофе? – с затаенной надеждой поинтересовалась подопечная.

– Кофе детям пить вредно! – строго сообщили «воспитаннице» и принялись настойчиво подталкивать в сторону апартаментов.

Я временно сдалась и поплелась на автопилоте, мечтая закрыть глаза и отрешиться от этого дурдома в масштабах страны. Но тут меня посетила умная мысль... я надеюсь. В смысле, надеюсь, что умная, а не что посетила.

- Стоп! - Я застыла посередине коридора и вперилась в лицо няни. - Меня очень заботит один вопрос...

- Заботиться теперь буду я! - Ласково, но твердо меня снова начали пихать в нужном направлении.

- Это я уже поняла, - покладисто согласилась жертва педагогики, вцепляясь в Шушу. Змеелюдка счастливо улыбнулась и свернула свой хвост кольцами, создав преграду между мной и шмыргом.

Няня, пыхтя, полезла брать «Великую Китайскую стену», продолжая меня просвещать:

- Ребенку нужно быть послушным и следовать советам старших... Немедленно уберите эту негигиеничную чешую!

- Она гигиеничная! - обиделась Шушу и показала ядовитые клыки. Клыки были в палец длиной и производили неизгладимое впечатление.

- И это уберите! - категорично потребовала няня, упругим мячиком взбираясь на баррикады. - Ребенок может порезаться!

- Че-ем?! - удивились мы обе. Оставшаяся не у дел троица просто застыла, открыв рты.

- Этим! - Шмырг деликатно ткнула мизинцем в клыки.

- Каким образом? - Я вовремя поймала свои глазные яблоки, пока они не решили совершить кругосветное путешествие.

- Любым! - Няня взяла вершину и начала спуск.

- И зачем я буду совать руки в рот своей подруге? - попробовала я воззвать к чужой логике. Логика схоронилась в кустах и отзываться на мой зов категорически отказалась.

Шушу передернулась и переложила хвост, создав новое препятствие.

- Дети всегда все везде суют! - Шмырг оглядела новую помеху и мужественно попрыгала вперед, к победе просвещенной педагогики. Гм...

- Я не ребенок! - возмутилась я. - И у меня есть вопрос!

- Вот видишь! - удовлетворенно заметила няня. - Дети всегда задают вопросы!

- А взрослые? - зашла я с другой стороны.

- А взрослые на них отвечают! - проинформировали меня, чуть не доводя до состояния взрыва парового котла.

Ладно, пойдем другим путем...

- Послушайте... э-э-э... Арина Родионовна, - подлизалась я, вызвав у существа просто буйный прилив счастья.

- Ар'Инна! - радостно выдохнула няня со слезами на глазах. - Ты знала! Какое умное дитё!

Ну что за невезуха! Угадала!

- Пристрелите меня! - простонала я, опираясь на стенку.

- Могу придушить, - посочувствовала Шушу, откровенно веселясь.

- Не дам! - встревожилась Ар'Инна.

- Может, мы все же выслушаем вопрос Лели и пойдем в апартаменты? - внесла разумное предложение Миримэ.

Все немного подумали и согласились.

– Говори, – милостиво разрешила няня, выуживая из хламиды тряпочку и начиная полировать чешую. – Я пока займусь делом. Если уж вы собираетесь общаться с моим дитём, то вам всем следует пройти специальную обработку...

– Мать Божья! Надеюсь, не термическую, – прошептала я себе под нос. И громко сказала: – Ар’Инна, тут вообще-то гарем, и лично я принимаю участие в конкурсе на любимую жену года. Поэтому вопрос... сочетается ли это с вашими принципами воспитания?

Няня немного подумала и спросила:

– Руками трогать будут?

– Думаю, что нет, – покривила душой, зато искренне на то понадеялась.

– Тогда участвуй, – разрешила шмырг, дыша на чешую чуть ли не мурлыкающей от удовольствия змеелюдки. – Вас тут много, так что – одним больше, одним меньше...

– То есть вы нам мешать не будете? – осторожно уточнила я.

– Это сделает мое дитё счастливой? – поинтересовались у меня.

Я на минуту задумалась... и получила мощный пинок от обошедшей меня с тыла орчанки:

– Прекращай, иначе мы тут до конца конкурса застрянем!

– Да! – выпалила я, чуть-чуть покраснев.

– Помогу чем смогу, – заверила меня Ар’Инна и перешла к вытряхиванию Миримэ из платья.

– Что вы делаете?! Зачем?! – неподдельно возмутилась большеглазая эльфийка, получив крепкой ладонью по... нижней части спины.

Ар’Инна проигнорировала ее реплики и преспокойно продолжила свое черное дело. Удары стали чаще и сильнее.

– Пыль вытрясаю, – наконец невозмутимо ответила няня, продолжая трудовой подвиг во имя чистоты.

Дамы откровенно занервничали.

– Я пошла! – объявила Эсме и рванула по коридору со скоростью стрелы, выпущенной из лука.

– Я с тобой! – крикнула Шушу и в прямом смысле поскакала за подругой. Никогда прежде не видела, как змеи скачут, но все когда-нибудь бывает в первый раз.

Кувырла... о, Кувырла растерянно почесала в шевелюре топором, умудряясь сохранить лицо и все остальное в неприкосновенности. Баба-ляга с бегающими глазами заявила:

– Пойду погляжу, как тама комнаты убрали. И хлопцев девкам пошукаю, – и быстренько ушлепала вслед за остальными, вздымая волны пыли из напольной ковровой дорожки официального бордового цвета.

Эльфийка посмотрела на меня взглядом умирающего лебедя, нанюхавшегося чего-то очень едкого, и прошептала с тонким намеком:

– Если мы сейчас туда не пойдем, то кого-то туда понесут.

Я впечатлилась. Лично мне не улыбалось тащить на себе Миримэ. Она девушка, безусловно, хрупкая, но все же не невесомая. Ар’Инну хотя бы можно катить...

– Няня, мы сегодня будем кушать? – выдала я первое, что пришло в голову. И не прогадала.

Шмырг немедленно отвлеклась от наведения чистоты на отдельно взятой эльфийке и, всплеснув ручками, разохалась:

– Ребенок хочет кушать! Какая прелесть! Здоровый аппетит – признак здорового тела!

Я не стала уточнять: «здорового» – в каком смысле. Вдруг она имела в виду объемы... В общем, я подобрала подол платья и сравнительно бодрым шагом поцокала в ту сторону, куда удалились остальные члены команды заговорщиц.

Вскоре меня обогнала шипящая на очень непонятном, но весьма эмоциональном языке Миримэ. Видимо, сочиняла эльфийские поэмы... матом, ой! – нет, метром.

Через несколько шагов мой каблук подвернулся, и я накренилась, размахивая руками в надежде за что-то уцепиться. Не судьба... Вернее, не так – судьба у меня была! – плюхнуться на что-то мягкое, теплое и шевелящееся.

Когда я перестала визжать, меня довольно бодро доставили до дверей.

Это была незабываемая поездка. Впрочем, у меня в этом мире все поездки незабываемые.

Так вот, если кто-то скакал на большом мяче в качестве упражнения, тот меня поймет! Няня выполняла роль самопрыгающего мяча, а сверху громоздилась я, не знающая куда девать ноги. То ли поднять, чтобы не мешались, – но было жалко шмырга, то ли опустить, чтобы отталкиваться, – но в этом случае шмырга становилось еще жалче.

Мы уже практически приблизились к заветной двери, столь гостеприимно распахнутой, как сзади раздалось деликатное покашливание и робкий голос:

– Лейни и лайни...

Мы развернулись посмотреть, кто там такой преувеличенно вежливый.

Перед нами стоял давешний отряд стражи во главе с немного помятым начальником. Зато щиты у них стали прямые! И сабли!

– Да-да?.. – вспомнила я о воспитании, стараясь не думать, в каком виде я нахожусь перед мужчинами.

– Извините, дамы, – начал прочувствованную речь командир пятерки. На этот раз стражник держал глаза опущенными долу. – Мне бы с лайни поговорить.

– Я слушаю, – вынырнула снизу няня, поднимая меня на сильных руках и ставя вертикально. При этом мне ревниво одернули юбку и загородили собой.

– Уважаемая лайни, вы бы не хотели поменять место службы? – Начальник перестал делать вид, что он не смотрит на мои ноги, и приступил к обсуждению волнующего его вопроса.

– С чего бы это? – подозрительно поинтересовалась Ар’Инна, пока я интенсивно кивала в знак согласия. Похоже, сигнализировала не одна я, поскольку стража что-то рассматривала за моей спиной.

Я мельком оглянулась, скользнув взглядом по остальным участникам трагикомедии.

Так и есть...

Вся наша дружная компашка застряла в дверях и разнообразно выражала горячую и самоотверженную готовность прямо сейчас расстаться с няней. Шушу, например, выводила кончиком хвоста вензеля в виде сердечек и отправляла страже с воздушными поцелуями. А я-то, наивная, думала, что это они от вида няни так куксятся...

– Видите ли... – замялся старший.

– Не вижу! – отрезала шмырг, оттесняя меня внутрь и показывая всем остальным дамам внушительный кулак. – Мужчина должен выражать свои мысли четко, быстро и в двух словах!

- Каких? – заинтересованно вякнули с задних рядов воины.

И получили ответ.

- Да, дорогая! – проинформировала бронированных мужчин Ар'Инна и впинула дам в наши же апартаменты. После чего милостиво сообщила в узкую щель, перед тем как захлопнуть дверь: – Я подумаю... когда дитё вырастет.

- Да, дорогая! – дружно оттарабанили стражники только что выученный урок.

Дверь с грохотом отрезала нас от свежевыдрессированной половины человечества. Все дамы, включая меня, вздрогнули и преданным собачьим взглядом уставились на няню.

Та грозно обвела нас очами-кнопками, заложила руки за спину и принялась скакать вдоль нашей шеренги со свежей порцией нравочений.

- Можете даже не рассчитывать на мое отсутствие! – Пухлый пальчик замаячил перед носом Кувырлы.

Заслонившаяся «аксесюром» бабуля засмушалась и сделала покаянное лицо. Выражение этого лица было таким, что у всех остальных пропал дар речи, атрофировался слух и умерла совесть. Поэтому остаток морали мы простояли живописной скульптурной группой, очнувшись на словах:

- А теперь все марш мыть руки!

И мы ломанулись по команде. Зачем нас понесло в спальню, причем всех разом – известно лишь одному Богу или женской интуиции. Но и то и другое наукой до конца не изучено...

- Ой! – воскликнула Миримэ. Она углядела что-то впереди и внезапно замедлилась.

- Ага! – азартно присоединилась к ней Шушу.

- Ни-и-че-го себе! – протянула Эсме, втиснувшись между двух подруг.

- Какая прелесть! – зачмокала губами Кувырла, широко растопыривая перепончатые руки.

- Ик! – Это все, на что меня хватило, когда я узрела своего подросткового фикакуса рядом с такой же особью, только более интенсивного цвета – изумрудного с золотисто-коричневыми пятнышками. Она обвилась вокруг нашего экземпляра и взяла в захват нашего Кусика, словно кобра добычу.

На столе высился огромный керамический горшок. Пустой.

Пикантная деталь: два растения занимались... э-э-э... скажем так – перекрестным опылением. Интенсивно так опылялись. С пылом, жаром и анатомическими деталями. Это особенно сильно бросалось в глаза на атласном синем покрывале и бордовых простынях.

Вокруг разлился удушающий растительно-цветочный запах. Это было что-то невообразимое: смесь горького аромата осенних листьев, сладких тонов иланг-иланга, ландыша, душистого гиацинта и сирени с крепкой, чисто мужской терпкостью дубового мха и дымным послевкусием можжевельника.

Запах... оглушал. У меня мгновенно распух нос, закружилась голова, и я хватала воздух, тяжело дыша. Надо было срочно открыть окно, но у меня временно отключилась способность соображать. Замечу, не у меня одной!

- И как это понимать? – несколько гнусаво обрела я дар речи, сгорая от возмущения при взгляде на немного гм... опыленную кровать, уже не пригодную для нормального отдыха.

Потому что даже если прикинуться дурочкой и принять желтую пыльцу, толстым слоем покрывавшую ложе, за современную экологичную пудру, то столько мне не нужно! И вообще... я всегда берегла свою психику и не вдавалась в подробности, откуда берется мускус и где находятся органы секреции. Меньше знаешь – больше мажешь!

Видимо с перепугу, фикакус затрепетал всеми своими листиками и попытался выскользнуть из тесного любовного захвата. Наверное, уже вдоволь наопылялся. Но дама оказалась начеку – думаю, ей как раз показалось мало! – и сжала его еще сильнее. Одновременно с этим она зашипела не хуже злой Шушу и щедро плюнула в нашу сторону тучей острых колючек.

Кувырла оторопела и даже не воспользовалась привычным «аксесюром». Девочки попытались отскочить назад. Я тоже онемела и застыла от неожиданности.

Колючки застучали словно град, вбиваясь во что ни попадя, будто туча пылающих стрел китайского войска времен династии Минь, а может, и Цянь.

Заткнув уши пальцами, я самозабвенно визжала на одной ноте. Миримэ с воодушевлением вторила моей арии. Остальные, по-моему, оглохли.

На пути зеленого облака мужественно возник вырвавшийся на свободу фикакус, но нам все равно хорошенько досталось.

После обстрела девочки разукрасились экстремальным пирсингом под ежика. У Миримэ пострадали рукава и прическа. Шушу получила дополнительные дырочки под сережки. Кувырла... старушка, откровенно скажем, пострадала средне. Баба-ляга прикрыла лицо перепонками и теперь щеголяла мохнатыми зелеными конечностями, которые изумленно разглядывала с кривой улыбкой. Судя по всему, больно ей не было.

Одна я отделалась относительно легко. Основной заряд пришелся в юбку, чудом не зацепив ноги. Платью хана.

И еще длинная зеленая колючка болезненно впилась в шею и доставила пару оч-чень неприятных минут. Потом, слава богу, боль и жжение прошли.

Я задумчиво потерла кончик носа. Рука сама тянулась выдернуть эту пакость, но колючку без зеркала и пинцета самостоятельно выдергивать страшновато. Мало ли, вдруг под кожей кончик обломается, как часто бывает с хрупкими колючками опунции? А здесь юг и полчища микробов! Не хватало мне со всей этой гаремной суетой еще и нагноения в придачу!

Пробка на выходе, организованная из дезорганизованных вражескими снарядами девочек, и мое не так чтоб плотное телосложение не позволяли быстро выскочить из зоны поражения. Тупиковая ситуация.

Покинутая кавалером дама увидела, что выразительное «фэ» противнику, разрушившему ее личное счастье, особого вреда не нанесло, и разозлилась еще больше, переходя в фиолетовый оттенок. В воздухе резко запахло миндалем. Фикакуса напряглась и начала выдавать залпы один за другим, расстреливая в упор враждебных чужаков, то есть нас.

Я прихватила с пола валяющуюся думку и защитила лицо. Остальные последовали моему примеру.

Наш милый, славный фикакус превратился в одну большую подушку для булавок. Его изрешетило. Насквозь. Просто удивительно, и откуда столько колючек у страстной зеленой барышни взялось! Это ж не растение, а ходячий оружейный магазин!

И только мы, спасаясь от бандитского нападения, решили залечь в окопы из ковров, как в комнату протиснулась няня и отдала четкое распоряжение:

– А ну прекратить! Быстро!

Зеленая дама замерла и вопросительно склонила зеленый кочанчик-голову на сторону, как бы прислушиваясь.

– Прополку устрою! – пригрозила Ар’Инна зловеще-тихим и ласковым голосом и начала расти. «Надувная подушка» оформила мысль окончательно: – С культивацией!

Самочка фикакуса задумалась над такой перспективой и начала потихоньку отползать с поля боя в сторону окна.

- А ты чего стоишь врасстырку, отключив ветки? - все так же грозно поинтересовалась няня у моего растения. - Видишь, даме на воздух надо!

Совет был воспринят благосклонно. Как только орка отворила окошко, два растения в мгновение ока умелись в сад: продолжать благородное дело и озеленять окружающую среду.

- Дурдом с доставкой на дом, - сообщила я больше для себя, но была услышана.

- Почему у ребенка такие неподобающие пособия по семейной жизни? - нахмурилась шмырг. - По ним ничего не выучишь! Много зелени, и ничего не видно!

- Няня! - хмыкнула я. - Разве «ребенку» моих лет можно на такое смотреть?

- Нельзя! - убежденно сказала Ар'Инна. - На такое никому нельзя смотреть, чтобы эстетику не испортить. Вот лет через десять я покажу тебе чудную книжку с подробными рисунками...

Во входную дверь раздался настойчивый стук.

- Это кто там? - сдвинула брови няня. - Мы кого-то ждем?

- Чисто теоретически - нет, - дипломатично ответила я, пожав плечами и раздумывая, кого попросить вытащить колючку.

У Кувырлы - перепонки. Пошлепает по шее безрезультатно. Нет, в смысле результат будет - мне дадут по шее. У Шушу - когти. Выковыряет змеелюдка все, что можно, но вот где она остановится? Под пятками еще пол есть... Миримэ чересчур впечатлительная. Сначала мне ее придется несколько раз поймать при падении в обморок, а потом, честно говоря, будет уже все равно - осталась в шее колючка или нет. Ар'Инна безмерно заботливая. Если не наматает на меня километра два бинтов и не утопит в антисептике - значит, я легко отделалась. Остается Эсме...

- А практически? - подозрительно осведомилась шмырг.

- А может, мы все же посмотрим? - широко улыбнулась Шушу и поспешила к двери. Вот уж кого колючками не проймешь.

- Ой, какие к нам люди! - раздалась ядовитая реплика от входной двери. - И без охраны!

- Обижаете, девушка, - забасили в ответ. - Стража за дверью.

- Вы тут, мальчики? - Змеелюдка, видимо, на слово никому не верила.

- Да, дорогая! - Слаженный ответ настоящих мужчин.

Няня нахмурилась и вылетела встречать новых гостей. Проявлять, так сказать, местное гостеприимство.

- И что вам дома не сидится, шаромыжники? - Хм, вот уж точно пример для подражания! Оказалось, радушие в списке шмырга непозволительная роскошь.

- Мы пришли сообщить приятнейшее известие! - У кого-то нервы толще канатов.

- Если к нам едет ревизор, то я его убью! - прошипела я, стягивая туфли.

- Странно все это, - заметила орчанка. - Нападение, визиты, няни...

Только я собралась хоть что-то умное ответить, как из-за двери донеслось:

- Я могу воочию увидеть Лелю?

Я скривилась, как среда на пятницу, и пошла предъявлять свою личность. А если кто не спрятался, то я не виновата!

Распахивая створку, нацепила на лицо самую лучшую улыбку и вломилась в помещение с сиянием на лице.

Посреди приемной стояли трое мужчин весьма почтенного возраста. Впрочем, может, и не мужчин... Все же мы в гареме, и дотошно проверять меня как-то не тянуло. Будем условно считать всех существ противоположного пола мужчинами.

Хотя... Тут и без гарема, в своем мире, некоторых можно назвать лишь особью или раритетом. То есть, глядя на таких индивидуумов, понимаешь: Красная книга – это самое лучшее место для их проживания. Но не будем о грустном...

В моей гаремной приемной (а звучит-то как!) отирались натуральные три волхва!

Все, как невесты, при фате и в чисто-белом, так что наружу торчат практически одни глаза и усы. Один негр, второй европеец, а третий... гм-гм... будем считать, что бедуин. Светлее негра и темнее белого. На шеях толстые ряды бус, в руках четки, усы скорбно повисли. А, и вокруг одно ядовитое благоухание. В смысле надушили товарисчей безмерно. Еще хуже, чем гаремных барышень. Сладковато-терпкий запахок амбры, мускуса и прочего. Чтоб незаметно к дверям мужики не подходили, наверное.

У меня опять начал опухать нос. Да что ж такое! Удавить они меня этими благовониями стоворились, что ли?!

– Я вас слушаю, – привлекла к себе внимание.

Визитеры развернулись в мою сторону и как-то померкли. Неужели переборщила с сиянием?.. И уже свечусь безумием? Может, тогда азбуку Морзе глазами озвучить?

– Великолепнейшая Леля! – справился с шоком один из пришедших. – Мы так счастливы лицезреть вас...

– Взаимно! – включилась я в процесс мазания медом, зная, что где-то там припасена маленькая ложка дегтя, и потому не расслабляясь.

– Мы пришли сообщить вам, изумительнейшая, о выпавшем на вашу долю счастье! – продолжал велеречиво вещать старец, пялясь на мое платье, поменявшее фасон.

– Надеюсь, оно падало не на голову? – прошептала мне на ухо Эсме, заговорщицки подмигнув.

– И долго вы еще будете тут пнями стоять? – рыкнула няня.

– Уважаемая лайни, – осторожно ответил один, пресекая агрессию, – мы пришли сюда по высочайшему повелению...

– А вымететесь отсюда по нижайшему указанию! – зловеще парировала Ар'Инна.

– ...и нам поручено донести до разума прекрасной девы... – не обращая внимания на выпад, монотонно продолжил оратор.

Вот тут уже обиделась я! Судя по их речевым загибам, я произвожу впечатление девушки, которой просто сказать – мало, нужно обязательно «донести».

– Донесите, – милостиво согласилась шмырг, – и уносите себя вдаль. Нам спать пора, и мужчинам тут делать нечего!

– Совсем? – наивно осведомился бедуин.

– Совсем! – отрезала няня. – В вашем возрасте можно только гидом работать!

– Зато каки-им! – игриво подмигнул чернокожий. – Опыт – сын ошибок трудных!

– Эва! – подбоченилась Ар'Инна. – И ведь совесть ни в один глаз не тыкнет!

– Вы о чем? – вылупил на нее третий, опасливо отодвигаясь.

– О том, о чем и вы! – фыркнула няня.

– А мы о чем? – удивился негр.

- Здравствуй, склероз! – провозгласила шмырг.

- Тут еще кто-то есть? – заволновался бедуин.

- Тихо! – крикнула я.

После этого все вдруг вспомнили, что пришли ко мне, и понеслась душа в рай, а язык на волю...

- ...Бу-бу-бу... прекраснокосая!

Да-а-а, ностальгически вспомнилась одна такая... Прекраснокосая... или косая... А я бы сейчас, между прочим, не отказалась от рюмочки чего-то покрепче чая! Глазки в кучку, и камень в ручку.

- ...Бу-бу-бу... тонкостанная!

Звучит как-то двусмысленно. Но сделаю вид, что внимаю с умилением, и продолжу мечтать об ужине, ванне, постели... и бейсбольной бите.

- ...Бу-бу-бу... пышногрудая!

- Но-но! – вклинилась няня, пока я пребывала в раздумьях – есть ли в этом мире линзы и если есть, то не делают ли их из увеличительного стекла.

После получаса славословий, когда мы уже спали стоя, бедуин вспомнил о цели визита:

- И примите наши поздравления о переходе во второй тур соревнований!

- Аллилуйя! – вырвалось у меня.

- Значит, здесь кто-то есть? – снова заволновался бедуин. – А мы не представились!

- Сейчас представьтесь, – зловеще пообещала Ар'Инна, – если не прекратите отнимать наше время и мешать наведению красоты!

- Вы ее уже наводили? – осторожно поинтересовался европеец.

- А что, не видно? – любопытствовала молчавшая до этого Кувырла, поигрывая топором.

- Не совсем, – дипломатично выкрутился смертник. – У меня сужение зрения.

- Сейчас прорубим zenки пошире – и будешь смотреть на мир с детской улыбкой. Хочешь? – услужливо предложила бабуля.

- Почему «с детской»? – Видимо, остальное старца не смущало.

- Потому что с беззубой! – квакнула Кувырла.

- Спасибо! – выкрикнула я, останавливая дебаты. – Весьма тронута оказанной честью!

- Чем тронута? – рассвирепела няня. – Кто посмел моего ребенка коснуться?!!

- Разум, няня! – прошипела я сквозь стиснутые зубы.

- Ему можно, – успокоилась шмырг.

- Это не жизнь! – простонала я.

- А что? – По-моему, у бедуина инстинкт самосохранения отсутствовал как таковой. Вместо, скажем мягко, здорового и правильного основного инстинкта (ага, одного из двух... или трех) у старца оказался избыток жажды познания. А следовательно – стремление к получению сведений, их утрамбовыванию и следующему за тем коллективному поглаживанию по его квадратной голове. В этом, чую, сильно поспособствует топор лягули в шароварах. Лично я на этот предмет туалета уже часа три как смотрела с вождением и обожанием.

- Протестую! - вклинилась няня. - Вопрос некорректный!

- А-а-а! - простонала я, хватаясь за голову. Событий явный перебор. - Закончится когда-нибудь этот бардак?!!

- Риторический вопрос, - важно перевел европейский дедушка африканскому. Кстати, черненький уже минут пять как шарил по карманам с торжественным выражением лица. Интересно, что он там искал? Или просто проверял - на месте ли?..

- Итак! - Бедуин вспомнил о цели визита. - Сейчас вам вручат символ прохождения к следующему соревнованию, и вы официально станете проходимкой.

- Ке-э-эм?!! - Глаза все же вырвались в кругосветку, только не могли договориться, в какую сторону идти.

- Я что-то не то сказал? - совершенно искренне удивился дедуля, кося темно-карим круглым глазом, словно петух.

- Не отвлекайтесь! - прошипела я сквозь зубы, предостерегая гневным взглядом остальных от комментариев по этой теме.

Потому что кое-кто уже радостно жевал топорище, фуражку, косу, пипикастр и готовился пожевать троицу засланцев. Только вот не мог решить, с кого начать.

- Мы вручаем прекраснейшей звезде сераля... - Бедуин запнулся.

Европеец развернул шпаргалку и громко подсказал:

- Блин!

Жевать в пределах досягаемого было уже нечего, и грянул дружный гогот.

Бедуин переждал шквал радостных эмоций и начал заново:

- Мы вручаем прекраснейшей звезде сераля... - Снова заминка.

- Леле! - рыкнула я.

- Спасибо! - торжественно наклонил голову спикер.

- Внимаю вам дальше. - Моего терпения все же еще на что-то хватало!

- И сейчас в знак согласия вы должны принять сей дар. - Бедуин не глядя протянул руку в сторону африканца, все еще рыщущего по карманам.

Когда в откинутой руке ничего не появилось, дедуля все же посмотрел в сторону собрата. И присоединился к поискам. Теперь они ковырялись там вдвоем.

- Может, мне *это* не надо? - высказала я робкое предположение.

- Надо, Леля, надо! - заявили мне разногласицей.

Теперь все с громадным интересом наблюдали, как к двум путешественникам-натуралистам присоединился третий. И на данный момент два деда выворачивали третьего наизнанку, проделывая все это с извинениями:

- Мы тут...

- Да-да, я вижу!

- Простите за секундную задержку!

- Сколько у вас длится секунда?

- Сейчас мы найдем нужное!

- Нимало не сомневаюсь!

Наконец орчанке пришла в голову дельная мысль, и Эсме благородно поделилась ею с окружающими:

- В другом месте искать не пробовали?

Деды отвлеклись, немного подумали и захлопали каждый по своим запискам. В результате искомое обнаружилось у бедуина. После чего африканец вспомнил о предке... многократно... и взял в руки палку, а европеец принялся страдать миротворческой миссией.

- Глубокоуважаемые гаремопровожатые! - привлекла я их внимание. - Давайте сначала вы мне вручите... или всучите то, что нужно, а потом уже продолжите свои бои без правил! ВНЕ МОИХ ПОКОЕВ!

Бедуин воспользовался моментом и достаточно резво поскакал ко мне с футляром. Впрочем, я бы тоже, наверное, так подпрыгивала, если бы мне норовили попасть по коленкам тяжелым посохом.

- Это вам! - сунули мне в руки сафьяновый футляр, попав с третьего раза. Да и то... лишь потому, что я поймала бедуина в крепкие объятия, а Шушу отловила африканца и ультимативно предложила ему направить бурный поток энергии в благое русло. И это не о том, о чем многие бы непременно подумали! Змеелюдка просто предложила деду попрактиковаться на коврах.

- Спасибо! - с трудом отцепила я от подношения скрюченные старческие пальцы и отодвинулась.

- Открывайте и надевайте! - приосанился бедуин, кося одним глазом мне в вырез платья, а другим на ноги эльфийки. Многостаночник, вашу Машу!

- Не экономь! - предостерегла няня, оттесняя окривевшего посланца. - Косеть лучше всего от чего-то покрепче и не такого опасного для здоровья!

В то время как эта парочка выясняла: кто чего имел в виду и где этот вид у кого расположен, я открыла футляр.

Там сверкала отполированными алмазными гранями изящная витая цепочка белого-желтого золота с кулончиком из красивого радужного камня. Ожерельем я бы это не назвала, но уже где-то очень близко. Можно сказать, тепло. Вокруг камешка изогнутой волнистой формы висела элегантная золотая оплетка, в узлах которой испускали яркие лучики мельчайшие напыленные не то стразики, не то даже фианиты или цирконы. Уж очень ярко в глаза солнечная радуга била. Но вещь явно дорогая, изящная и сама просилась в руки, излучая почти мистическое тепло.

Я взяла гладкий отполированный камешек и рассмотрела поближе.

То, что поначалу показалось мне простой оплеткой, было не то мотыльками, не то другими занятными конструкциями, крылья которых составляли сердечки. Верх, где крепилось кольцо для цепочки, опять было замысловатым не то мотыльком, не то двумя сердечками. Исполнено с огромным вкусом и любовью к своему делу. Однозначно, работа мастера.

В моих руках камешек на какую-то секунду загорелся на свету, словно алмаз. Но увы. Алмазом он не был. Мне показалось. Это была всего лишь обманка - недорогой радужный камешек наподобие тех, которые я в последнее время носила в ушах.

- Красота! - завороченно прошептала Миримэ.

- Вот это да! - Шушу попыталась обкапать подарок слюной. Но поскольку слюна была ядовитой, я отодвинулась.

- Сколько стоит? - поинтересовалась здравомыслящая Эсме.

- Что за это хотят? - нахмурилась практичная шмырг.

- Это ценный приз за переход в следующий тур, - пояснил европеец, мужественно

сражаясь с африканцем за право пользования посохом и заслоняя обзор бедуину для возвращения того в деловую среду.

- Спасибо, конечно. - Я не сводила взгляда с шикарного подарка. - И что мне нужно сделать?

- Вы согласны пройти следующее испытание? - Деды прекратили интернациональный теракт и сплотили силы перед моим лицом.

- Да, - кивнула я. А что тут скажешь?..

- Тогда позвольте надеть эту вещичку на вашу лебединую шею, - выступил бедуин вперед.

- Почему это ты? - заволновался африканец.

- Потому что я старше! - объяснил дедуля, гордо выпятив грудь.

- Относительно чего? - влезла няня. - Сотворения мира?..

- Нет! - обиделся бедуин. - Я старший по званию.

- И давно?! - прищурился европеец.

Выяснения грозили перейти на новый виток разборок. У нас были еще незаконченные дела. К тому же стоило выспаться.

Исходя из этих причин, я выхватила украшение и попыталась надеть.

Дедули, видимо, посчитали такое самоуправство ущемлением своих прав и манкированием обязанностями. Старцы дружно толпой рванули ко мне.

В результате атаки меня смели с ног и плотно утрамбовались сверху. Я начала понимать Магриэля...

Бедуин пополз дальше, старательно ставя вешки локтями и коленками. Маголику я уже сочувствовала от всей души...

Европеец из самой ни на есть северной части Финляндии остался на месте, но зато решил вдумчиво изучить свое местоположение и заерзал. Африканцу сие не понравилось, и он прекратил чужие исследования вердиктом посоха.

Но тут, слава тебе господи, вмешалась няня, быстренько раскидавшая испытателей моего хрупкого здоровья и чугунного терпения. Спасительница вовремя отскребла меня от пола.

- Ты как, ребенок? - На меня с тревогой взглянули карие глаза.

- Я люблю эльфов! - сообщила я глазам, плавающая в тумане.

- Белая горячка, - констатировала орчанка. Снисходительно уточнила: - Их нельзя любить, они жесткие.

- Все равно люблю! - заупрямилась я, скребя по шее.

- А что это у вас? - полюбопытствовал африканец, подползая из дальнего угла.

- Колючка, - машинально ответила я. - Фикакуса подарила. Вроде как сувенир на память.

- В вас стреляла колючками женская особь фикакуса?!! - испуганно уточнил бедуин, сползая по шторам с карниза.

- Да, - подтвердила я. - И не в меня одну! Всем досталось.

Кувырла продемонстрировала изнанку своей перепончатой ладошки.

- Это катастрофа! - задрыгал ногами в вазе европеец. - Она же ядовитая! Вы бы все уже

умерли!

- Извините, - я тоже сегодня была не в меру ядовитой, - мы об этом не знали! Нас заранее не предупредили. Иначе бы точно померли. С перепугу!

Девочки согласно покивали, выстроившись клином и потихоньку напирая на противника.

- Почему вы живы? - продолжал искренне недоумевать африканец. - Женские особи фикакуса настолько ядовиты, что убивают колючками в течение пары минут!

Натуралист проклятый! Это он нас спрашивает?! Почему мы, такие-сякие, до сих пор не очоурились?! До-обрый дедушка! Все тут такие... добрые. Заботливые - аж жуть!

На секундочку задумалась: в самом деле, почему? И легко отыскала блондинистый ответ - потому, наверное, что зараза к заразе не липнет!

- Почему?.. - эхом греческой трагедии долдонили свое «волхвы».

- Нам за это извиниться?.. - надменно вздернула я бровь, застегивая цепочку на своей шее. На матерную конструкцию я не способна в принципе, но и смолчать в такой ситуации - прямой позор.

- Но от яда фикакусы нет противоядия!!! - напирал бедуин.

- А почему, позвольте вас спросить, во дворце спокойно разгуливает столь ядовитое существо?! - Кувырла вспомнила, что она пострадала больше всех, и пошла в любовую. Раз уж не умерла, то надо хоть какую-то компенсацию стребовать!

- Это безобразие!!! - громко возмущалась Шушу, поддерживая потерявшую сознание эльфийку и подпирая ослабевшую орчанку хвостом.

- Сей момент! - Деды снова собрались в одну могучую кучку. Посланники с грехом пополам сообразили: лучше сбежать, пока не поздно. Иначе сейчас будут бить! Больно и долго. Троица со всей возможной скоростью вымелась за дверь, забыв попрощаться.

- Что это было? - Лично мне этот вопрос давно не давал покоя, но только сейчас появилось время его задать.

- И кто ж его знать! - разочарованно ответила за всех Кувырла, нервно почесываясь и разглядывая с непередаваемой гримасой опущенные колючей зеленью руки.

- И все же? - попробовала я настоять, подходя к дивану и залезая на него с ногами.

- Не о том, дева, думаешь! - наставительно подняла палец с колючками Кувырла. Вот еще один политрук на мою голову нашелся! Мало нам евнуха и прочих должностных лиц, я уж не говорю про шмырга!

- Извините, что перебиваю, - отозвалась я, потирая раненую шею. Обратилась к орке, она казалась не сильно пострадавшей: - Эсме, не сможешь вытащить колючку?

- Не вопрос! - с беззаботной улыбкой матерой садистки отозвалась орчанка и в порыве милосердия цапнула меня железной хваткой за горло.

- Хр-р-р... Пр-родолжайте, - прохрипела я Кувырле, отчетливо понимая - настал мой последний час.

- Завтра новое испытание, - ухмыльнулась бабуля и сграбастала со столика бумажку в рамочке. - Вот, «оценка способностей к развлечению». То бишь нужно спеть, сплясать и складно че-нить набазлать.

- Набаз... чего-о-о?! Что сделать? - До меня доходило туго. Правда. Во-первых, я жутко устала. Во-вторых, мне немножко перекрыли доступ кислорода к мозгу. А в-третьих, я блондинка, если кто не помнит.

- Объясняю специально для тюти Лели, - фыркнула Кувырла. - Спеть песню на тему «Как я рада быть здесь!». Повилать бедрами под музыку, плотски завлекая князя. И навесить ему на уши длинную бахрому, рассказав, что лучше тебя только ангелы, однако

тела оные не имеют и в гарем не стремятся.

Я поняла: это не мой последний час – это затишье перед последним и решающим боем! Срочно зачесались руки, ртом чуть не пошла пена, а в голове стали формироваться кроважанные дизроубийственные замыслы. А, чуть не забыла – эльфоубийственные тоже!

Слава богу, меня от них отвлек вопль орчанки.

– Вот она! – радостно заорала мне на ухо Эсме.

– Ой! Первая контузия... – поведала я миру очень громко и почти безэмоционально, пытаюсь попутно сообразить, слышу ли я хоть на одно ухо и берут ли инвалидов в любимые жены. Положительные ответы на оба вопроса вызывали острые сомнения.

– Я хочу есть! – приступила я к самому главному.

– А что ты любишь, ребенок? – тут же подлетела Ар’Инна с блокнотиком.

– Эльфов! – наябедничала Шушу.

– В каком виде? – деловито осведомилась няня, искоса поглядывая на Миримэ.

У меня между лопатками пробежал холодок.

Миримэ проявила мудрую осторожность и на всякий случай укрылась за спиной орчанки.

– Так в каком? – продолжила клевать меня горе-няня.

Она что, и впрямь не шутит?!

– Что значит – в каком?!! – Мои закрывшиеся было глаза широко-широко открылись. Да-а-а... «Долог путь до Типперэри»...

– В жареном, тушеном, отварном?.. – на полном серьезе перечислила няня под тихое хихиканье остальных.

Так она теперь, чтобы мне угодить, за эльфами и прочей потенциальной разумной «пищей» с копьем и топором охотиться станет? Мой взгляд наполнился ужасом.

– В живом! – сообщила я, успев вклиниться в опасный перечень.

Шмырг с уважением посмотрела на меня и выдала:

– Так с эльфами даже драконы не поступали!

– Я хуже дракона, – сообщила я. И попросила: – Мне бы пока салатика... перед эльфами... И фруктов.

– Бегу! – обрадовалась няня и умелась доставать прокорм на пищеблок.

Вернее, попыталась это сделать. Потому что за дверью попала в «пробку».

– Чего это вы тут выстроились, дармоеды?! – послышался гневный возглас шмырга.

– Да, дорогая! – ответила обученная часть воинства.

– Приказали! – бойко отрапортовала другая.

Несмотря на усталость, я все равно поползла к выходу – поглазеть, кто там такой говорливый, зачем мужиков тут поставили и что из этого можно извлечь.

– Э-э-э... мм! – сказал усатый страж, когда из-за дверного косяка появились пять голов, одна над другой: Кувырла, Миримэ, Эсме, Шушу и я. Один хвост. О! И еще один топор, зажатый в ладошке, утыканной маскировочными колючками.

– Правильнее говорить «Ом»! – пожалела я мужика.

- Да, дорогая! - бойко грянула обученная половина стражи.

Ар'Инна прокладывала себе дорогу локтями и громко рассказывала сказки на новый лад, используя некоторые интересные литературные приемы.

- Че-то я не поняла! - Кувырла выползла перед строем и разогнулась с некоторым трудом. - Ой, уморили старушку...

- Ом! - Усатый уставился на нее преданными глазами. И ненавязчиво попытался отодвинуться подальше от колючек.

- Говорливый какой! - едко заметила ляга. Обратилась к остальным: - А более общительные тут есть?

- Да, дорогая! - грянул стройный хор.

- Это усиленный наряд! - робко пискнули откуда-то сзади придушенным фальцетом.

- Мила-а-ай! - расчувствовалась Кувырла. - Ты вернулся! Иди ко мне, я все прощу!

Лесом рук к нам вынесло бедуина.

- Я на пять минут! - заявил дедуля, прилипая к щитам. Ага. Предусмотрительно. Типа «кто к нам с вестью придет, тот на щите и повиснет!».

- Успеешь? - игриво подмигнула Кувырла, приглаживая вздыбленную прическу.

- Не перебивать! - взвизгнул дедуля. - Мне некогда! У меня дела!

- Да ты что? - вытаращилась лягуля. - И давно?..

- Молчать!!! - рявкнул дед. - Иначе вы все познакомитесь с моим склерозом!

Ой, боюсь-боюсь... Там еще много с кем знакомиться придется. Мне уже заранее страшно.

- Кстати! - Бедуин махнул рукой.

Из-за широких спин воинского строя вышли несколько дюжих молодцов без оружия, но при полном параде. Одна часть хлопцев держала опахала, другая просто глазела по сторонам, лукаво постреливая škodливыми глазками в сторону дам.

- Вы! - Дед ткнул в нас узловатым ссохшимся пальцем. - Подверглись внеплановому нападению!

Я с трудом подавила порыв встать по стойке «смирно» и отрапортовать: «Йес, сэр!» Видимо, перед отбытием в этот дурдом пересмотрела боевиков.

- Стесняюсь спросить... - подала дрожащий голос эльфийка.

- Стесняешься - не спрашивай! - отрезал бедуин, раздувшись от собственной важности.

- И все же, - продолжала настаивать Миримэ. - У вас и плановые нападения есть?

- У нас все есть! - брякнул дед.

Миримэ посмотрела на нас, моргнула ресницами и отправилась в обморок.

Эльфийскую деву поймал один из отряда спасения и протянул второму под вентилятор из опахал.

- Р-разумно, - пробормотала я, подавляя на корню стойкое желание почесать темечко.

- Итак, - бедуин проследил за оказанием первой помощи пострадавшим от его речи, - возвращаемся к нападению! К вам была внедрена опасная женская особь фикакуса, по внешнему виду совершенно не отличимая от мужской особи.

- Понятно. Унисекс! - кивнула я.

- Кто о чем! – поморщился вестник. – В гареме о сексе говорить неприлично!

- Опа! – вытаращилась я на него. – Во-первых, я о нем не говорила, а во-вторых – о чем тогда говорить в гареме?

- О мужчинах! – поведал нам бедуин. Все остальные, причисленные к мужскому полу, закивали в поддержку.

- То есть о мужчинах, но без секса? – уточнила я, мотая головой, будто лошадь, укушенная оводом. Соображать я перестала гораздо раньше, поэтому процесс впитывания новых познаний проходил куда легче и безболезненней.

- Да-а, – сообщили мне нестройным хором. Но потом под строгим взглядом недремлющего (или правильнее говорить – недремлющей?) шмырга опомнились и добавили: – Да, дорогая!

- О-о-ом!

- Понятно, – пожала я плечами. – Ладно, тогда будем говорить о размере достоинства!

Кто-то на этих словах поперхнулся, кто-то застонал. А бедуин чрезмерно бурноотреагировал на совершенно безобидное послание.

- Нет! – взвизгнул дед. – Это тоже неприлично!

- В смысле? – удивилась я. – Ничего не понимаю! Когда это золото стало неприличным?

- А-а-а, вы об этом... – вздымая ветер облегченным вздохом, отозвался бедуин.

- А вы о чем? – поинтересовалась я.

- А я о фикакусе! – застеснялся дедушка. – Вас хотели отравить!

- О как! – только и смогла сказать я, разглядывая, как под второй «вентилятор» укладывают орчанку.

- Да-да! – эмоционально подтвердил глашатай плохих вестей.

Где-то в задних рядах начали принимать ставки: кто упадет следующий.

Финансовая сторона моей натуры буквально исстрадалась от невозможности поучаствовать!

- Женская особь фикакуса, будем обозначать ее для краткости «фикаса», ибо научное ее название длинно, непроизносимо и никому не ведомо. Правда, особо посвященные говорят...

- Мы поняли, – прервала его я. – И что дальше с вашей фикасой?

На меня взглянули как на злейшего врага народа и продавца брома в одном лице, но все же неохотно продолжили:

- Фикаса не выносит женщин. Вернее, не так. Она их просто переваривает, предварительно отравив.

Тут влезла Шушу:

- То есть она травит, а потом жрет?

- Не совсем, – поморщился дед. – Она травит, потом ждет разложения и использует как подкормку.

- Ой, – сказала Шушу.

Первый раз в жизни я увидела белую змеелюдку. Хотя, если честно, Шушу была первой и единственной знакомой представительницей этой расы.

В углу оказания первой помощи соображали уже на троих.

- И чем она травит? - помахала я подруге в знак ободрения.

- Колючками, - просто сказал бедуин и всем оставшимся на ногах резко поплохело.

Кувырла, взглянув на свои утыканные ладошки, пошла сдаваться медбратьям сама.

Меня успела отбить няня. Приняв в мягкие объятия, шмырг возмущенно заорала:

- Ты че, пенек старый, не мог сообщить все это покультурней и помягче?!!

- Это как? - выкатил на нее «телескопы» бедуин. - «Вы только не волнуйтесь, но вас отравили и жить вам осталось минус две минуты»?

- Не знаю! - сердилась няня. - Но надо было полегче!

- Угу, - почесался дедок. - Вот только никак не возьму в толк, почему вы все живы...

- Какое упущение, - съязвила я, лихорадочно размышляя о том же. Какое-то просто фантастическое везение! Ну ладно, может, у меня иммунитет к яду как у иномирянки. А у девочек?.. Странно.

- А мужская особь ядовита? - задала главный вопрос няня.

- Нет, - покачал головой бедуин. - Более того, в период опыления рядом с мужской и женская тоже становится безвредной.

- Да здравствует секс! - оторвалась я от раздумий и мягкой груди няни.

- Это неприлично! - в очередной раз сделал мне замечание бедуин.

- Зато здорово! - подмигнула ему я, уползая в покои.

Оставшаяся часть мужчин была со мной молчаливо солидарна.

- Теперь вас будут усиленно охранять! - крикнули мне вслед. Вернее, я бы сказала - «в борозду».

Кстати, за мной потянулись остальные. Мы открыли Великий Путь Возвращения Домой и радостно следовали по нему, более не отвлекаясь ни на какие провокации.

- И к вам теперь никто и ничто не попадет! - надрывался бедуин.

- Ну-ну! - искренне усомнилась я и прикусила язык, чтобы не высказаться по этому поводу сполна.

- Изыди! - раздался вопль Шушу.

На балконе, грустно помахивая листиками, устроилась чета фикакусов. Растения сплелись в большой куст и являли собой трогательную картину семейного счастья. Бездомную, к слову, картину.

- Мириться пришли? - догадалась я.

Питомец просигнализировал о положительном ответе и принялся быстро жестикулировать, защищая возлюбленную.

- Помолчи, пожалуйста, - попросила я. - Так орешь, что голова раскалывается.

Фикакус замер.

- Мадам! - обратилась я к фикасе. - Вы обещаете мне больше не покушаться ни на чью жизнь?

Растение засмушалось и согласно кивнуло.

- Я отказываюсь мириться! - фыркнула эльфийка.

– Твое право, – пожала я плечами, слишком уставшая, чтобы спорить. – Можешь не мириться, только куда я дену эту сладкую парочку? У каждого свой крест. У меня вот такой – с листиками, колючками и ядом.

Фикакусы по стеночке пробрались к выходу и выпрыгнули за дверь. Видимо, желая одним махом покончить с неприятным делом.

Раздался грохот, а потом воцарилась гробовая тишина.

– Ну что еще? – простонала я. – Когда уже все закончится? Сколько можно! – Но все же взяла себя в немытые руки и поплелась выяснять причину.

За дверью никого не было, кроме двух растений, расстроенно машущих листиками. Путь тактического отступления был усыпан – нет! не розами и шипами, – а саблями, копьями, опухами, щитами, сапогами, бурнусом и вуалькой.

– Если это осталось, то что же ушло? – поинтересовалась я. – Мы есть будем?

– Уже ушла! – Няня «взяла под козырек» и бодро потрусила за хлебом насущным.

– Мне можно без изысков! – крикнула ей вслед Кувырла и повернулась к нам. – А теперь, девы, давайте решать, что мы будем завтра показывать!

– И в чем, – заинтересованно добавила эльфийка. Она слушала растопырив уши. Лицо загорелось вдохновением, взгляд мечтательный, устремленный вдаль...

Все же кровь не вода, и от моды никуда!

– Меня больше волнует – как! – мрачно сообщила я и поплелась в гостиную, отчетливо понимая – чуда не произойдет и мирно соснуть часик-другой мне пока не светит.

Когда появилась шмырг, пинавшая десятерых евнухов по очереди для придания ускорения, мы уже практически пришли к консенсусу – то есть были на грани войны.

– Кувырла, при всем моем к вам уважении, – шипела «перспективная звезда сераля», то бишь моя персона, – я не умею танцевать, по вашим словам – «завлекательное, но приличное». У нас либо то, либо другое!

– Сосунки! – возмущалась ляга, небрежно ковыряясь в зубах одной из колючек фикакуса. – Ничего-то вы не умеете!

– Я бы с удовольствием посмотрела на ваши усилия! – огрызалась я, отмахиваясь от Миримэ, бодро скакавшей от гардеробной и обратно с какими-то сомнительными тряпочками и ленточками. – Но мне некогда учиться!

– Учиться есть время всегда! – влезла Шушу. Потом поймала мой искренний взгляд тайпана и застеснялась, прикрывшись хвостом. – Но не в нашем случае...

– Покушай, ребенок. – Шмырг потянула меня за руку. – Сразу настроение наладится и ум на место вернется...

– Если там еще свободно, – ехидно фыркнула Эсме.

Ей достался ласковый взгляд самки тарантула, и орчанка сочла за благо не высовываться. Дикарка начала радостно общаться с обалдевшей четой фикакусов.

Спустя какое-то время за столом...

– Кажется, мне пришла в голову одна умная мысль, – поделилась я с остальными свежей идеей.

– Она представилась? – захлопала ресницами эльфийка, делая кукольное личико.

– Угу, – кивнула я. – Так и сказала: «Вот той блондинке передай – будет умничать, к ней тоже приду!.. И не одна!»

Миримэ нахмурила гладкий лобик и ушла в себя. Через пять минут я не выдержала

характера и спросила застывшую деву:

- Что там такого интересного внутри?

Эльфийка очнулась и поведала с извиняющейся улыбкой:

- Подумала, если они придут, то хватит ли места, чтобы принять?..

- И как? - настырно влезла Шушу, на ходу облизывая с пальцев соус.

- Надо расширять площади, - вздохнула Миримэ.

Повисла минутная пауза, а потом грянул дикий безудержный хохот.

Смех смывал накопившиеся раздражение и злость, но сил не прибавлял.

Я зевнула и сонным голосом поинтересовалась, ковыряя в тарелке мясо с подливкой:

- Так что я буду завтра пить? Ой, пить?!

- Иди-ка ты, дева, спать, - хмыкнула Кувырла, все еще почесывая перепонки. Окинула взглядом наше неизысканное общество. - Мы тут уж сами как-нить договоримся, а с утречка порепетируем.

- Вы уверены? - Глаза открывались, но по очереди. Вместе они не дружили. Я была готова отрубиться на месте. Просто уже не осталось никаких сил.

- Уверены, - закивали все.

Няня тут же взяла меня в оборот и уволокла в ванную комнату.

Когда меня крутили, как куклу, в разные стороны, я было хотела вспомнить о феминизме и независимости и громко повозмущаться, но инстинкт выживания вылез и мощно заткнул остальные голоса и устремления. Так что я его послушалась, промолчала и в награду вскоре оказалась в кровати, под шелковым одеялом.

- Споко... - Это все, на что меня хватило. Тело отрубилось кулем. Глазки склеились, в моей голове погас свет. Спать, теперь только спать! Блаженство.

И я парила бы в сладкой невесомости без видений до самого утра, завернувшись в прохладную атласную простыню, если бы не...

- Леля! Лель! - Кто-то очень страстно шептал мне на ухо... И не менее страстно желал получить в это самое ухо. Видит бог, мой долг - ему в этом помочь!

- Если я сейчас проснусь, - апатично пробормотала я с тихой угрозой, поворачиваясь на другой бок, - то это будет всемирная катастрофа...

- Да все что угодно! - любезно сообщили мне и снова начали помогать. Грязно и со словами: - А ты милая!

Под домогательствами я подразумеваю откинутое одеяло, торможение и источник света у глаз. И еще движения теплого ветерка на шее и за ухом, когда меня щекотно обнюхивали.

Гадство!

- Нет в этой жизни счастья, - посетовала я и открыла глаза... на миллиметр. Буквально через пару секунд мои приборы ночного видения распахнулись во всю ширь, а встроенная аварийная сигнализация включилась на всю мощь: - А-а-а!..

Поверьте, на моем месте вы бы и не так заорали! Нельзя спросонья так пугать!

Мне зажали рот и вырубili источник звука.

- Тсс! - Практически вплотную к моему лицу приблизилась смазливая рожица... чертика.

Чертика?! Я неверяще уставилась на незнакомую физиономию. Впрочем, что я несусь?

Бред! Чертей среди знакомых у меня никогда не было. Как девушка благовоспитанная до такого состояния потери реальности я в жизни не допивалась.

В голове сразу вылезло крылатое выражение: «Мелкую пакость не придумывают при взгляде на ближнего – она приходит в голову сама по себе!»

А вторая догнала меня вслед за тем:

– Ну, Тринадцатый, кого должен любить черт?

– Тебя, меня... Всех! Хочешь сахару?

Сахару мне срочно захотелось. С валерианой! Ложек пять. Нет, целую сахарницу. Самосвал! Правда-правда!

Еще раз поморгала и всмотрелась в неверном свете луны. И увидела все того же возмутительно натурального чертика! Красноватая кожа, вздыбленные огненно-алые волосы, из которых выглядывали миниатюрные рожки. Горящие рубинами глазки на скуластом узком личике бегали туда-сюда, будто ходики.

Вылитый чертик из мультика «Чертеноч номер 13»! Единственная разница – чертеноч с той поры подрос... лет на десять. Передо мной стоял чертячий юноша лет двадцати – двадцати двух. Кажется, вот-вот скажет: «Еще ха-ачу!» – шмыгнет носом и свернет хвост кренделем. Смазливый, шустрый, юркий, словно маслом намазанный вьюн. Голыми руками такого не удержишь.

Я на Земле от подобных парней всегда держалась как можно дальше. Во-первых, за ними не уследишь; во-вторых, там, где они появляются, – жди неприятностей! Больших. Нет, огромных!

– Я сплю? – вяло поинтересовалась претендентка на звание любимой жены года, когда мне все же освободили рот. И я его понимаю! Мне тоже вот не нравится, если мои руки вдруг больно кусают.

– Хочешь проверить? – осклабился пришелец. – Ущипни... Ай! С ума сошла?!! Себя надо было щипать!

– Я что, больная? – надула я губы. Глухо пробормотала: – Если уж хочешь убедиться в чем-то, исходящем от мужчины, то его и нужно щипать. Себя-то зачем наказывать заранее?

– Почему – заранее? – попался в ловушку чертик.

– Потому, что мужчины и так наказание! – поучительно заметила я, прикрывая ладошкой зевок.

– Мужчины – венец эволюции! – напыжился краснокожий мутант.

– Угу, – не стала я спорить, но последнее слово оставила за собой: – Терновый...

– Леля, а тебя ничего не смущает? – коварно перевел разговор на иные материи лукавый пришелец. Вот хитрый жук! Угорь! В голове мелькнуло: «электрический»...

Хвостатый скорчил уморительно серьезную рожицу.

Сразу вспомнилось: «Я вам покажу! Я из вас вышибу эти человеческие штучки! Насмотрелись!» Ну-ну... Скажи черту, что тебя беспокоит... Щас! Может, исповедаться на дорожку?!

Меня все смущает! Все, что встречается на моем пути в вашем ненормальном мире!!! Но кому-то много знать вредно.

– В смысле, что я сижу тут полуголая перед незнакомым колючим венком с раздутым сомнением? – хихикнула я, на всякий случай подтягивая одеяло повыше.

Чертик плюхнулся на кровать рядом:

– Да хотя бы...

– Нет, – позевывая, сразу открестилась я. – И тому множество причин. Во-первых, я устала и мне, в общем, все равно – как на данный момент выгляжу. По этому важному поводу я порыдаю, когда выплусь. Во-вторых, если мое неглиже тебя особенно волнует, то мне тебя жалко до глубины журнала «Playboy». В-третьих, если бы мне кто-то сказал, что после того, как я обнажусь, меня надолго оставят в покое... Разденусь, даже не задумываясь, и даже устрою под музыку шикарный стриптиз. Потому что если задумаюсь, то уже точно не разденусь...

– Хорошо-хорошо, – прервал рогастенький поток моего пустопорожнего многословия. – Тогда спрошу по-другому... тебя ничего не удивляет?

– А должно? – изумилась я. – После всего случившегося меня можно удивить, только если ты сообщишь мне о немедленной отправке домой вместе с компенсацией морального ущерба...

– Леля! – привлек мое внимание гость.

Жадный какой! Как только о деньгах – так сразу «Леля»!

– Ну?! – набычилась я, обидно слетая с вымышленных финансовых «пирамид». Вот чтоб ему помолчать еще с пяток минут! Никогда бедной девушке спокойно помечтать не дадут!

– Тебе... – Чертик осекся и нехотя продолжил: – Вам письмо. – Рогатый протянул небольшой свиток, элегантно перевязанный темной шелковой ленточкой.

– Странно, – пробормотала «звезда сераля», но послание взяла.

Чуть-чуть повоевав с тесемкой, я развернула эпистолу, благодарно кивнув гостю, поднесшему горящую свечу.

Размашистым, но красивым почерком значилось краткое:

«Леля, будь добра, поторопись с нашим уговором. Скоро выйдут все сроки! Надеюсь на твое благоразумие. М.»

– И кто бы это мог быть?.. – прикинувшись недоумевающей, легкомысленно заметила я, невольно выпуская из рук эльфову цидулку. В самом деле, а у кого еще в обычной записке будут водяные знаки-вензеля проступать на гербовой бумаге и ленточки одеколоном «Шипр» пахнут?

Бумага снова свернулась в трубочку.

– Надеется он! – бурно возмущалась жертва чужого амура. – Как можно надеяться на то, чего уже не осталось? Его же стараниями! А «М» – это, наверное, первая буква от неприличного слова, в словаре объясняющегося как «всякая особь мужского пола с несоразмерно развитыми яйцами»?

– Фу! – эмоционально отреагировал забытый посланец.

– Молодой человек! – строго сказала я. – Не мешайте мне негодовать! Иначе я забудусь и распишу уже вам на доступном языке, что есть посланец и куда идет гонец!

– Понял, – широко улыбнулся чертенок. Он предельно сократил мое волеизъявление, подытожив: – Что передать на словах? Или писать будете?..

– Передас... передам... И где мой литературный язык? – закатила я глаза.

– Во рту? – наивно поинтересовался гость, давя рвущееся на волю хихиканье.

– В за... – начала я заводитьсь, но вовремя осеклась.

– Интер-ре-есная у те... у вас анатомия. – Чертик скроил невозмутимую рожицу. – Можно посмотреть?

- Естественно, – сладко пропела я, скалясь улыбкой горгоны Медузы. – Только осмотр мы начнем с колена!

- Сдаюсь! – поднял руки гость. – Так что мне передать этому... на яйцах?

- Чтоб он их высиживал и ждал, – устало сказала я. – Все что могу – делаю, а что не могу – сделаю потом!

- Так плохо? – Чертик погладил меня по руке.

- Хуже некуда, – вздохнула я. Пожаловалась: – Все как-то неправильно.

- Бывает, – посочувствовал паренек. – Меня, кстати, Ладом зовут. Если что...

- А если что? – У меня прорезалась подозрительность.

- Ну на всякий случай, – пожал плечами Лад.

- Какой «всякий»? – прицепилась я к словам.

- Мало ли что... – многозначительно ответил чертенок.

- Кому мало? – сдвинула я брови, полная решимости выяснить все до конца. И лучше его.

- Ребенок! – раздался вопль няни. – Ты с кем это ночью разговариваешь?

- Мне пора! – шустро отреагировал Лад, выпрыгивая в распахнутое окно. – Пока!

Опа! Еще один потенциальный самоубивец!

Я прислушалась. Поскольку гулко-го удара тела снизу не прозвучало, то немного расслабилась. Выжил, черт рогатый.

- Уже ни с кем, – успокоила я Ар'Инну. – Вы мне помешали, не удалось мне с умным человеком побеседовать.

- Тогда побеседуй со мной, – предложила шмырг.

- Всенепременно, – пообещала я, зарываясь в подушки и одеяло. – Завтра с утра – на любые темы. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, дитё, – пожелала няня и, задув свечу, удалилась на покой.

Сон пришел практически сразу. И не один...

- Леля, открой глазки! – Возглас прозвучал для меня в высшей степени неожиданно. Голос, тихий и бархатный, показался хорошо знакомым. Он словно гладил изнутри, вызывая легкую щеку. Ласково обволакивал, сладко очаровывал...

Я сонно хлопнула ресницами, смерила взглядом борт шикарной яхты и проснулась. Сразу.

Я лежала на притененном шезлонге. Рядом со мной терся бедром уже знакомый по прежнему сну невидимка и протягивал мне коктейль с зонтиком. Меня сразу обдало жаром: в фигуре знакомого незнакомца таилась тонкая и искусно скрытая красота атлета.

Мышцы играли, словно у дикого жеребца. Длинные стройные ноги вызвали недоверие совершенством пропорций. Атласная гладкая кожа сама просилась погладить. Лицо... временами мне даже удавалось его разглядеть, но через секунду что-то во внешности размывалось, и запомнить черты было практически невозможно.

Мы оба в купальных костюмах: красивый мужик – в синих плавках, я – в ярком малиново-желтом бикини и панаме. За бортом – полуденное солнце, тридцать пять градусов по Цельсию и синее море.

- Леля... – В руку ткнулся запотевший бокал.

Я повернула голову – дальше открывался вид роскошной лагуны с полуразвалившимся остовом деревянного парусного корабля на изумительно чистом песчаном пляже.

Безлюдно. Вдалеке кричат чайки. Синяя вода настолько чистая, что отлично видно, как юркие серебристые рыбки играют у самого дна.

Я потерла ладонями лицо и провела рукой по слегка обгоревшему на солнце плечу – и когда успела, спрашивается?

Приложившись к соломинке, сама не заметила, как оприходовала коктейль, а пить все еще хотелось.

– Айда купаться!

Противиться ласковому приглашению было невозможно. Противиться мужскому притяжению моего визави было и вовсе невыносимо. Я благоразумно предпочла остудить непонятные устремления и страсти и охладиться в водичке.

Отдых получился замечательным!

Мы купались долго-долго, плавали в море, будто дельфины. Мой спутник нырялся так, что, по-моему, у него вода уже носом шла. Зато показал мне работу с аквалангом, без него натащил мне множество красивых ракушек со дна моря и даже подарил настоящую жемчужницу, внутри которой таилась большая розовая жемчужина.

Сказка!

Через несколько часов, когда жара начала спадать и подул приятный бриз, когда мы накупались до одурения и сблизились, будто родные, мой незнакомец провел хитро задуманную атаку на мое целомудрие.

Сильные руки надежного мужчины, к которым я полностью прониклась доверием после того, как они целый день меня поднимали из воды, вытирали насухо, ласково массировали миндальным маслом и ненавязчиво каждую минуту присутствовали рядом, всегда готовые прийти на помощь... Эти самые руки поймали меня со спины и взяли в плен без права выкупа.

Если честно, не могу сказать, что дама так уж противилась. Будучи в кольце прохладных, надежных рук, я разомлела, расслабилась и впервые за долгое время захотела близко познакомиться с этим мужчиной. Познакомиться по-настоящему.

Я прикрыла глаза, когда мое сердце начали захлестывать давно забытые чувства. Он скользнул губами по моей шее, и я невольно замурлыкала, подаваясь вслед за волшебными ощущениями. Губы прошлись по плечу, шершавый язык лизнул в основание шеи, а руки... Ох уж эти хулиганские ладони и пальцы!

Они должны быть запрещены законом, ибо они есть источник падения многих порядочных женщин и мерило глубокого разврата! Его ладони гладили меня так, что, казалось, он одевает меня в невесомую одежду ласки. Он так поклонялся моему телу своими руками, что в это невозможно было поверить! Я растаяла.

После его волшебных пальцев у меня ныла каждая жилка; каждый нерв просил, жаждал, требовал мужчину. Этого мужчину! Безумие. Настоящее наваждение.

Я не стала противиться своей насущной жажде и, повернувшись к нему лицом, тоже прошлась подушечками пальцев по его коже. Теперь он мелко задрожал, как и я. Мы поменялись ролями – он был пугливым жеребцом, а я – укротительницей, наездницей, умелой властительницей мужских фантазий.

Этот странный танец привел к тому, что дрожащей не то от холода, не то от страсти девушке накинули на плечи китель, подхватили на руки и повлекли вниз, в каюты трюма.

И тут что-то меня остановило. Точнее – мысль. Напоминание.

Все это уже было! Леля, проснись, он не любит тебя, слышишь – не любит! Это все –

обман, изощренная игра!

Я уперлась руками в проеме, соскочила вниз и грустно покачала головой:

- НЕТ!

- Что, опять Мыр жить не дает?! - взбесился мой невидимка.

- ДА! И Мыр тоже!

- Я! Я!! Я!!! Да я этому зеленомордому клыки на уши натяну! Он у меня моргать задницей будет! Этого тролля потом бригада водолазов не разыщет! Он...

- Хватит! - Я настолько резко рванула с плеч китель, что в моей руке осталась пуговица, выхваченная с мясом. Сказала ровно и совсем тихо: - Мыра здесь нет. А ты - оставь меня в покое! С меня довольно. И не приходи в мои сны. Впредь не желаю тебя видеть!

- Лелечка, - успокаивающим ласковым тоном завел новую песенку соблазнитель и попытался меня обнять.

- Не твое - не трогай! - рыкнула я.

- Мое, Леля, - шепнул он мне на ухо. - Уже мое!

И сильные руки притиснули меня к груди. Я начала выкручиваться. Отпихивалась изо всех сил, но это было все равно что упираться в скалу.

- Оставь меня! - Я пинаясь и царапаясь.

- Не могу, Леля. - Тихо, но с какой-то угрозой.

- Не трогай ребенка! - раздался рядом сердитый вопль няни.

Я воспрянула духом.

От неожиданности меня выпустили.

Я обернулась на звук голоса. Сзади стояла, уперев руки в боки, Ар'Инна.

- А ну убери свои загребушие руки от ребенка! - нахмурила брови мой личный цербер.

- Ничего себе «ребенок»... с такими формами! - возмутился красавец-атлет, повторяя руками мой абрис.

- На себе не показывают, - не задумываясь, автоматически сказала я. И тут же прикусила язык. Немного помедлив, возмутилась: - И что?! Если это выросло, то и в детство нельзя впасть?

- Ребенок, это нехороший дядя! - сказала шмырг, протискиваясь между нами. - Он тебя плохому научит!

- Неправда! - неподдельно возмутился соблазнитель. - Все в пределах нормы!

- Смотря что считать нормой, - нравоучительно заметила Ар'Инна. - Многие путают это понятие с патологией...

- О боги! - рявкнул красавец и рассыпался поземкой из золотых искорок.

- Видишь, - ткнула пальчиком няня, - я была права. Смылся! Причем без обратных координат.

- Может, он просто не успел? - пожала я плечами, совершенно не желая расстраиваться во сне. Мне и бодрствования для этого дела вполне хватало.

- Может, - согласилась шмырг. - А может, просто проявил свою сучность.

- Оговорка по Фрейду, - зевнула я. - Будем дальше спать или мозги морочить?

- Спи, ребенок, - выбрала няня правильное решение. - Спокойного тебе остатка ночи!

И я провалилась в черную яму без снов.

- Нас утро встречает делами! - пел фальшивый голос надо мной, вызывая тупую головную боль. Громко так пел, с выражением.

Не открывая глаз, я тоже перебрала в уме выражения, которыми я бы поприветствовала этот «будильник». Вырисовывалась совершенно нерадостная картина: выражений оказалось много, а сказать было нечего.

- Леля! - заорали над другим ухом. - У нас репетиция!

- В каком ухе у меня жужжит? - вспомнила я домомучительницу Карлсона.

- Неважно! - радостно квакнула гаремомучительница Кувырла. - От шума в ушах прекрасно помогает легкое сотрясение мозга.

- Правда?! - заинтересовалась Эсме. - Никогда бы не подумала.

- А тебя уже сотрясали? - Это Шушу проявила любопытство.

- Да. - И так наивно попасться?

- Поэтому и думать нечем! - заржала змеелюдка. - Все уже растряслось!

- Ах ты, шушера! - рыкнула орчанка и полезла в бой. Видимо по чистой случайности, ее путь лежал через мою кровать.

Утро начиналось как продолжение вчерашнего дня. На манеже все те же... и Леля!

- Тихо! - Я прекратила скачки с препятствиями. Потому что препятствием служила сама.

- Доброе утро! - поздоровались все присутствующие коллеги-«проходимки», пролезшие ко мне в спальню.

- Кому доброе, а кому... - Я разжала кулак и уставилась на пуговицу. И застыла.

«Все смешалось в доме Облонских».

Хотя я бы свою голову домом не назвала, может быть, в лучшем случае бунгало, в худшем - туристической палаткой, причем уже давно используемой.

- Ты чего замолкла? - Две активистки застыли, вопросительно уставившись на меня. Шушу озвучила видимо волнующий всех вопрос.

- У-у-у... - Мыслей не было. Мало того, они ушли вместе со словами.

- «У» что? - осторожно поинтересовалась Эсме.

- Мм... - выродила я, выразительно глядя на пуговицу. Хотя бы что-то у меня было выразительным!

- Она сказала «ум»? - шепотом спросила орчанка у подруги. - А что она имела в виду?

- То, что я имела, я бы, знаете, куда ввела!!! - прорвало меня наконец. Возмутилась: - Это даже хуже, чем изнасилование!

- Что может быть хуже? - округлили подруги глаза.

- Недоизнасилование! - степенно пояснила Кувырла, вплывая в спальню.

- Убью! - подорвалась я, не уточняя - кого, где и сколько раз. «Должна быть в женщине какая-то загадка».

- После конкурса - пожалста! - отрезала бабуля, ставя ограничения моей активности топором. - Кого угодно, лишь бы не здесь.

- Дай поносить, будь человеком! – умильно попросила я, указывая на заветный топорик.
- Не могу! – Кувырла пожадничала и спрятала «аксесюр» за спину. – Это нарушит целостность моего наряда.
- Что она сказала? – вытаращилась Шушу.
- Имидж она испортит! – пояснила Миримэ, высовываясь из гардеробной.
- Еще одна умная! – фыркнула Эсме.
- Всем молчать и завтракать! – нарисовалась шмырг.

Всё! Банда в полном сборе. Утро в дурке продолжалось...

Меня, как звезду сегодняшнего шоу, утащили умываться и приводить себя в порядок.

Я вспомнила соседку по дому – незабвенную Манюню, племянницу покойного участкового. Девушка выдающихся способностей и объемов, Манюня была одинока и жестоко страдала по этому поводу. Всем-то она удалась – и характером, и статью... Только слишком уж ее было много даже для хорошего человека. Мужчины, окидывая взглядом даму с размером бицепса с мою голову, восхищались... но восхищение свое благоразумно держали подальше. Себя, впрочем, тоже.

Так вот, возвращалась однажды Манюня с работы усталая и раздраженная. Соседка подвизалась в трамвайном депо на ремонте путей. (У меня всегда было стойкое подозрение, что ее там использовали в качестве автопогрузчика.) По дороге домой на нее абсолютно случайно, видимо, спяну или сослепу, выскочил маньяк и, угрожая зажигалкой в форме пистолета, потребовал тела.

Тела у Манюни было с избытком, и она с радостью согласилась с дефективным маньяком поделиться. Тот понял, что крупно попал, и, шустро спрятав в карман заветную зажигалку, тут же пошел на попятный. Поздно! Когда вожденный мужчина включил задний ход, Манюня насторожилась и встала в низкий старт.

На робких словах маньяка: «Ну я пошел?..» – Манюня жестоко оскорбилась и сграбастала мощной дланью неудачливого поклонника.

Как тот выкрутился – я до сих пор не знаю, но бежал мужик быстро, ставя по дороге в полицию все возможные мировые рекорды. Но и там бедолагу настигла наша русская женщина, за неимением коней и горящих изб переключившаяся на захватывающую в прямом смысле слова игру в догонялки с весомым призом на финише.

Маньяк в отчаянии предпочел сдаться полиции, нежели подвергнуться угрозе быть мучительно раздавленным в нежных объятиях местной культуристки. Полиция страшно обрадовалась добровольной явке с повинной и раскрытию доброго десятка «глухарей», но наказание выбрала своеобразное, выдав незадачливого извращенца Манюне на перевоспитание.

Когда девушка выносила несчастного мужика на плече, тот цеплялся за все дверные косяки и верещал на всю полицию:

- А еще говорят, что у нас самый гуманный суд в мире! Требую пожизненное!!!

До сих пор, наверное, требует. Дома у Манюни. Она девушка бдительная и на улицу его не выпускает. Вдруг еще кто-то позарится и уведет.

- Ты меня слышишь? – видимо, не в первый раз повторила свой вопрос Кувырла.

- Что мне нужно делать? – успела я спросить между ложками с йогуртом, запихиваемыми мне в рот няней.

- Счас расскажу! – довольно потерла ладошки Кувырла. И рассказала... Еще раз повторила, когда увидела, как у меня перестал закрываться рот. И еще раз... после того как челюсть мне подперли, но забыли надеть смирительную рубашку.

- Ни за что! – твердо сказала я, оказавшись в коконе из покрывал.

- Тебе же нужна победа? - искушала меня бабуля.

- Не ценой моего позора! - не сдавалась я.

- Это как мерить, - пожала плечами няня. - Позор - понятие относительное.

- Относительно чего?.. - повернулась я к ней и получила в дыхательные пути еще одну ложку йогурта. - Кхе-кхе-кхе!

- Относительно цели, - пояснила Ар'Инна, вытирая мне лицо. - Стоит твоя большая цель маленького позора?

- Не знаю, - смешалась я.

В конце концов, проделать треть пути и теперь думать о... Нет! Не знаю. Может быть. Скорей всего. Да!

- Хорошо, - покорилась я судьбе и отправилась в гардеробную.

Платье я отхватила элегантно до простоты. Муаровый черный топ без бретелек до талии и белоснежная плиссированная юбка из струящегося шелка длиной в пол. Внизу подола с правой стороны прицепили белый же кокетливый бантик, вроде как намек на мнимую легкомысленность хозяйки. На поясе черная роза - частично из стекла, частично из блесток.

Как говорится, одета просто и со вкусом. Если рассказывать - почти примитивно. А в жизни - сногшибательная вещица. Я в ней выглядела словно королева парижских подиумов. Настоящая хищница и женщина-вамп, вольная охотница за мужчинами.

Прическа. Ну, с прической было все несложно. Мне элегантно приподняли волосы сзади, прихватив шпильками, а спереди разделили прямым пробором, пропустив на лбу тоненькую косицу из моих же отрезанных прядок. Ее прикрепили с помощью заколок под легкую вуаль, чисто символически.

Пока меня причесывали, я изучала либретто первого выступления и мученически морщилась.

- Мне обязательно *это* петь? - Последняя попытка остаться в своем уме.

- Да! - отрезали путь к отступлению окружающие, сплотившись единым фронтом.

- Это сумасшествие, - поделилась я своим мнением.

- Зато представь, как это отразится на князе! - посоветовала мудрая няня, одергивая мне подол и застегивая ремешки черно-белых туфель.

Я представила и... успокоилась. Мне-то один раз позориться, а ему с этим жить! Страшная-престрашная месть!

В дверь робко постучали. Фикакус пошел открывать, поскольку был единственный незанятый в процессе.

Вернулся мой питомец через пару минут, недоуменно шевеля листиками.

- Кто там был? - поинтересовалась я, подкрашивая губы розовым блеском.

Фикакус продемонстрировал: мол, никого.

- Странно, - дружно удивились мы. - Зачем тогда стучали?

Спустя пару минут в окно начали кидать камушки. Попали в фикасу. Та обиделась и вышла на разведку в сад. Сад опустел...

Чуть позднее в окно прилетел почтовый голубь с надушенной запиской: «Прекрасная Леля, скоро ваша очередь! ПыСы. Не берите с собой фикакусов, а то выступать будет не перед кем».

Путь до гильотины повторился в точности как вчера. Только глашатай не рискнул здоровьем и просто объявил:

– Прекраснейшая, неповторимая, изумительная, восхитительная Леля! – И посмотрел на меня преданным собачьим взглядом.

Вот что значит – могучая сила системы Павлова! Рефлексы и еще раз рефлексы!

Я кивнула.

Дяденька приосанился и добавил:

– С эскортом!

И получил хвостом по шее. Похоже, после нас объявлять будут исключительно сурдопереводом.

– За что ты его? – любопытствовала я на ходу.

– За оскорбление достоинства! – прошипела змеелюдка. – У нас этим словом называют... В общем, нехорошо называют.

– А поточнее? – не отставала я.

– А поточнее... – оскалилась Шушу, демонстрируя змеиные клыки, капающие ядом. – Я скорее буду тебя есть, чем с тобой спать!

– Я не лягаюсь, – поставила ее в известность звезда сераля, все еще не понимая.

– Приятно слышать, – фыркнула орчанка. – Но Шушу имела в виду спать шевелясь...

– А! – До меня дошло, и я бегом повернула назад, чтобы и от себя щедро добавить каблуком или коленкой.

– Стоять! – В меня вцепились эльфийка, орчанка и Баба-ляга.

– Ладно, – покладисто согласилась я. – Потом вернусь.

– Страшная женщина! – фыркнула Миримэ. – Ничего не забывает!

– Страшная женщина – это та, которая все помнит! – поправила ее я. – А я просто девушка с хорошей памятью.

Мы домаршировали до центра зала и преданно уставились на типа в золотой маске. Качественно закамуфлированный тип выдержал приличествующую паузу и милостиво кивнул, дозволяя начинать выступление.

Я широко улыбнулась, разводя руки в стороны... Девочки заключили меня в круг. Музыканты взмахнули смычками. Трубачи потешно надули щеки. Заиграла музыка. И... я забыла слова. Напрочь!

Музыка играла. Я стояла. Все сидели и ждали, когда же я разрожусь дивной одой. Ода все не звучала. Зрители начали нетерпеливо ерзать и переглядываться. Даже болван позолоченный изволил пошевелиться.

– Пой! – прошипела орчанка, проплывая мимо меня в русской хороводной пляске.

– Слова забыла! – прошипела я в ответ.

– Пой, что не забыла! – с приклеенной улыбкой рыкнула Шушу, заворачивая хвост в затейливые кренделя.

Я застыла, мучительно выуживая из резко опустевшей головы хоть какое-то подобие песни.

– Пой уже хоть что-нибудь! – не разжимая губ прошипела Кувырла, проходясь мимо вприсядку.

Я кивнула, открыла рот и запела, тщательно повторяя интонации Пугачевой...

Жил был правитель один, Замок имел и страну, Но как скучающий царь Часто менял он жену...

Девочки радостно ощерились и начали кружиться в тройном тулупе, подпевая не в такт:

Миллион, миллион, миллион юных дев, Во дворце, во дворце, во дворце видишь ты. Выбирай, выбирай, выбирай! Или наступят кранты!

Спасало, на мой взгляд, только изобилие стройных ног, показываемых в разных ракурсах, и «Цыганочка» в исполнении бабули, потрясавшей мощным бюстом и топором. Топор запоминался особо.

Девочки плыли розовыми бутончиками вокруг меня, а меня несло дальше:

Утром он встал с бодуна, Глянул спросонья в окно, В пятки рванула душа: Мимо бродило оно. Страхом сковались уста – Что за колдун тут чудит? А под окном, развалясь, Жертва гарема сидит.

Припев мы спели уже более бодро и под аккомпанемент женской половины аудитории, видимо имеющей свои обоснованные претензии к князю. Это явно слышалось в тщательно выкрикиваемых словах.

Ободренная таким горячим приемом и боясь взглянуть на высокое жюри, чтобы не сбиться ненароком, я на последнем издыхании просипела последний куплет:

Встреча недолгой была, Мощная сила – краса! Нашего батьку-царя «Скорая» вдаль увезла. Прожил с тех пор он один, Долго ночами вопил, Но в его жизни была...

Дальше в рифму не придумывалось, и я валила уже вразнобой, как говорила моя бабушка – через пень-колоду:

Дева без румян и белил.

Я застыла, пока зал скандировал припев.

Успех был оглушающий. У женской половины. Дамы хлопали, топали и свистели. Нас закидали розочками, надушенными платочками и многочисленными записками (с приглашениями нашего коллектива в гости, на выступление, как потом оказалось).

Мужская сидела тихо и не отсвечивала, дожидаясь высочайшего решения.

Маска на троне еще немного посидела, задумчиво подперев рукой подбородок, а потом подняла затянутые в перчатки руки и вяло изобразила три хлопка. Этого вполне хватило остальным сомневающимся. Зал взорвался бурными аплодисментами. Особенно тщательно отбивали ладони те, кто во время моего номера сидели насупившись.

Одобрение золотомасочного дало мне весомый повод задуматься о скверном музыкальном вкусе и дурном эстетическом воспитании правящей верхушки или (об этом думать не хотелось, но последняя мысль весьма обеспокоила) как об изощренном издевательстве.

Возвеститель около трона важно надул щеки и проорал:

– Второй тур! Танец!

А у меня в голове отчетливо прозвучало: «Слабо сбацать стриптиз?»

Мотнув головой, чтобы отогнать назойливый глас больного рассудка, я пропустила вступление.

«Ну что же ты боишься? – не отставал от меня глючный собеседник. – Здесь же все свои!»

Я «по-свойски» мысленно показала фигу, собралась плясать и... снова пропустила вступление.

Музыканты заиграли в третий раз. Тут уже не вынесла Кувырла. Бабуля сдернула меня с места, поставила себе на ласты и повела в танце.

Все бы ничего, только немного мешал зажатый в ее зубах «аксесюр», повернутый ко мне лезвием. Каждый раз, когда Кувырла поворачивала голову, мне приходилось за этим бдительно следить и либо отклоняться назад, либо нырять под топор.

Где-то на середине нашего импровизированного шоу я случайно бросила взгляд в сторону трона. Не берусь утверждать, но мне показалось, что глаза золотой маски из продолговатых стали восьмиугольными как минимум. Наверное, показалось... У прочих слушателей глазки были всего-то-навсего расширенными.

На финальных тактах танца бабуля смиростивилась и, взяв угрозу моей жизни в одну руку, а меня в другую, несколько раз поменяла нас местами. Это даже воспринималось почти терпимо, потому что уворачиваться приходилось уже постоянно, не расслабляясь.

После того как меня отпустили и сзади приперли топором, а с боков девчонками, я испытала невероятное облегчение и кое-как смогла разжать сведенные судорогой челюсти, изображая ослепительную улыбку. По-моему, переборщила, потому что передние ряды как-то подобрались и подались назад.

– Прекрати демонстрировать свои кровожадные инстинкты! – прошептала на ухо Эсме. – Здесь никого есть нельзя!

– Почему? – изумилась я.

Ответить мне не успели. Князь снова выразил свое восхищение нашими талантами, прищелкнув пальцами. И я еще сильнее заподозрила издевательство! Но удержалась и промолчала, еще раз мило улыбнувшись князю. Его тут же окружила стража. Теперь я понимаю, отчего вымерли динозавры... Они просто не умели улыбаться.

– Тур третий! Сказания! – завопил возвеститель.

Помощи я уже дожидаться не стала. Просто сбегала в публику и притащила себе стульчик. Плюхнувшись на мебель и закинув ногу на ногу, я повернулась к князю выгоднейшим ракурсом разреза и мило прощebetала:

– А сейчас я вам расскажу, как я ночь провела... Ночь была лунная и страстная.

Зал замолк и развесил уши.

– Звезд было больше, чем алмазов в казне вашего князя... Правда-правда!

«Ну просто как гламурный дамский телефон, щедро утыканный стразами!» – ядовито прокомментировала моя белая горячка.

– С моря дул легкий бриз, овеяла наши разгоряченные долгим ожиданием тела, – заливалась я сиреной, мрачно выискивая в себе признаки раздвоения личности.

«Что правда, то правда!» – немедленно отреагировал мысленный собеседник.

– И вот когда я потянулась, чтобы обвить пальцами... – Тут запнулась, лихорадочно вспоминая отрывки из любовных романов. Неуверенно протянула: – Сапфировый...

«Передавила, значит», – удовлетворенно заметил голос.

Я поморщилась и исправилась:

– Агатový...

«Гангрена», – мрачно прокомментировал собеседник.

– Нефритовый! – вспомнила я наконец подходящее случаю слово. Ой! И мрачно отмахнулась от видений. У меня очень развито воображение.

«В смысле – зеленый? – придиричливо уточнил голос. – Что, опять тролль?!»

«В смысле – твердый!» – огрызнулась я мысленно.

«А-а-а, тогда продолжай», – милостиво дали мне «добро» на эротику.

В зале стояла тишина, прерываемая лишь томными вздохами женщин и тяжелым сопением остальной половины зала.

– Мы уже были готовы слиться в экстазе, – сообщила я, закатывая глаза.

«Экстаз об этом знал? – угрюмо поинтересовался собеседник. – Потому что я – нет».

«Ну, на нет – и алиментов нет!» – отрезала я. Продолжила вслух:

– И вот, когда соитие...

Князь встал.

Я не поняла. Это наглядная демонстрация или протест?

– Их светлость очень довольны вашим сказанием и высокохудожественным исполнением остальных номеров программы! – расшаркался возвеститель, культурно выживая меня со сцены. Впрочем, однако.

Я облегченно вздохнула, но все же решила немного выступить, разворачиваясь стратегическим разрезом в сторону князя:

– Можно, я вам потом дорасскажу? В подробностях?

– Да!!! – единодушно выдохнули дамы в едином порыве. – И если можно, то в письменном виде!

«Нет! – прогремел возмущенный голос в голове. – Это неэтично!»

«Зато эротично!» – фыркнула я в ответ.

«Это не тема для обсуждения!»

«Обсуждать не будут, будут читать!»

«Нет!»

– Вам пора! – прекратил сеанс связи переводчик с княжьего. – О результате вас известят.

– Спасибо! – вспомнила я о давно забытом воспитании, увлекаемая к двери своей командой «Ух».

– Что это было? – строго поинтересовалась Кувырла уже за дверью.

– Ты о чем? – невинно захлопала я ресницами, все еще судорожно сжимая в кулаки вспотевшие руки. Все-таки подобный стресс легко не проходит!

– Я об *этом*! – На меня выразительно посмотрели, толсто и непрозрачно намекая на мое выступление.

– О том, что я спела милую песенку, или о том, что ты чуть не оттяпала мне голову своим топором? – продолжала я притворяться дурочкой.

– А надо было за твои художества! – квакнула бабуля. Злобно прищурилась. – Это ж надо такое учудить!

– А мне понравилось! – призналась всегда открытая и непосредственная Эсме.

Остальные молча с ней согласились. Вслух не осмелились, опасаясь разъяренной Кувырлы.

В тишине и относительном спокойствии мы дошли до моей комнаты. Относительном – потому что к нам пару раз приставали с просьбами о подробностях моего «сказания». Я уж было едва не поддавалась на многочисленные уговоры и хотела повторить на бис, но

слушатели впечатлились бабулиными угрозами и демонстрацией топора и поотстали.

Мы ласково поздоровались со стражей у дверей и просочились внутрь.

Няня встретила нас восхитительным вопросом:

– Кушать будешь, дитё?

Как своевременно!

– Буду! – сказали мы в унисон, не разбираясь, кто здесь кто, и с гиком и топотом помчались к столу.

Слава богу! Наконец-то я смогу хоть нормально поесть! Вечером я была слишком уставшей, а утром кусок в горло от волнения не лез.

В гареме, с учетом местной летней жары, обычно накрывали обильный стол два раза в день – к завтраку и ужину. На обед нам приносили что-то легкое, иногда среди блюд попадались те, что остались от завтрака. Сласти, булочки или фрукты. Правда, к чести местных поваров должна заметить: все было замечательно свежее, ни капельки не черствое и очень-очень вкусное. К еде прилагалось обилие всевозможных напитков: вина, лимонад, приторно-сладкие шербеты, кисленькие компоты из ягод и сухофруктов, чистая вода, привезенная прямо с горных ледников.

Чаще всего пир горой начинался только после заката. Роскошный ужин при открытой балконной двери, откуда тянет приятной прохладой, и при свечах – можно сказать, основное отличие уклада гаремной жизни.

Но сегодня для нас сделали приятное исключение. Обеденный стол был обилен и радовал глаз. Наверное, сделали поправку на пережог калорий во время стресса.

Я оглядела уставленный разнообразными яствами стол, довольно потерла руки и плюхнулась на первую попавшуюся подушку на полу, подтягивая к себе тарелку. Идти переодеваться было лень.

– А руки помыть? – сощурилась шмырг.

– Потом, – замотала я головой, нервно запуская зубы в свежайший хлебец.

Няня настаивать не стала, пробурчав что-то под нос о том, что воспитывать нужно, пока дитё лежит поперек лавки. Когда вдоль – тогда, мол, уже поздно.

– Передай мне йогурт. Пожалуйста! – попросила Миримэ змеелюдку, когда та запустила свои клыки в жареного барашка.

Шушу хвостом изобразила – дескать, передать она может только привет и только по шее.

Эльфийка оказалась понятливой и встала за искомым сама. Жалко лишь, в этой блондинистой головке одновременно не зародилась мысль о некоторой умеренности, и девушка потащила всю громадную чашку прямо у меня над головой...

Часть третья

Пришел, увидел, наследил - меня любовью наградил...

Бухнула входная дверь. Радостный голос проревел:

- Приветствуйте сиятельного князя!

Его и поприветствовали! От души!

Йогурт оказался у меня на голове. Кого там приветствовать - я уже в упор не видела...

Льшу себя надеждой, что преодолела я эту катастрофу с достоинством. Проковыряв в йогурте обзорные отверстия, я узрела практически перед собой золотую маску. Кстати, у «маски» подозрительно тряслись плечи.

Выкинув из головы настойчиво жужжащую мысль о том, что надо мной смеются, я предпочла беспечно уверить себя в том, что это слезы жгучего сострадания к моей проблеме.

- Мы, кажется, не вовремя... - скомканно пробормотал один из сопровождающих.

- Мы тут масочку делаем, - мигом нашлась жизнерадостная эльфийка, уверенно размазывая густую массу по моим волосам. Нахалка прибавила, улыбаясь широкой улыбкой наивной лесной дурочки: - Очень, знаете ли, для кожи полезно! - И даже привстала на цыпочки для убедительности.

Все внимательно посмотрели на мою многострадальную голову и задумчиво покивали, соглашаясь.

Миримэ что-то сообразила и заодно щедро размазала мне кисломолочный продукт по лицу со словами:

- И для волос!

Я обтекала гордо и молча.

- Мы позднее зайдем! - пообещал кто-то невидимый, гулко икая.

- Да-да! - залопотало мое окружение. - Когда вас ждать?

- Сколько вам нужно времени... для наведения красоты? - мягко и тактично поинтересовались у двери.

Я в это время упорно сражалась с мерзким йогуртом и подлой эльфийкой, которая никак не хотела уgomониться и не прекращала размазывать по моему лицу продукт активной жизнедеятельности коров и бактерий.

- Часа два, - честно сказала Кувырла, видимо на глазок определив масштабы катастрофы.

- Я так не дума... - начала я прочувствованный спич. Но меня живо заткнули, быстренько засунув в обнаруженное на гладкой белой поверхности отверстие кусок лепешки.

- Обрадовались, блин! - злобно прочавкала я, перерабатывая продукт со скоростью уничтожителя бумаги, потому что изнутри перло такое первобытное желание сказать о всех окружающих столько доброго, нежного и ласкового! Столько я еще никогда не говорила. И в жизни не думала! И не слышала даже в женском туалете в офисе.

- Это не блин! - поправила меня няня, вытирая мне лицо полотенцем. - Это пита. И цвет лица просто бесподобный...

- Хрен редьки не слаще! - обиженно ответила я, начиная видеть хотя бы на один глаз. Пользуясь этим, выдрала из рук шмырга тряпку и принялась в раздражении елозить по своей физиономии.

- Можно поспорить, - стала отрицать очевидное Ар'Инна. Осторожно заметила: - Ты сотрешь себе лицо.

- Какая ужасная перспектива! - ядовито пробормотала я, но пыл свой поумерила.

- Естественно, - влезла орчанка. - Кто ж тебе его будет восстанавливать?... Никто из нас рисовать не умеет...

- И что? - устала я на нее с подозрением.

- Мало ли что можно нарисовать, - вздохнула девушка. Встряхнула своими косичками. - То, что князь будет заикаться, - не беда, его личные проблемы и неприятности, но нам-то за что страдать бессонницей...

- Убью! - сказала я кротким голосом и метнула в нее блюдо с оливками. К сожалению, плохо прицелилась! Блюдо не долетело, но оливки рассыпались повсюду, внося пикантную ноту в общий беспорядок. - И любой суд меня оправдает!

- Не сомневаюсь! - сообщила Кувырла, внимательно изучая свой маникюр. На летающие оливки она даже ухом не повела. Ой, ушами! Это если они у нее были. Поиздевалась: - После того как тебя в таком виде покажут судьям, они тебя просто в принудительном порядке оправдают... раз пять... на будущее!

Моя рука незаметно потянулась к чаше с финиками. Осторожная Эсме быстренько подгрела ее поближе к себе и от меня подальше.

- Все настолько плохо? - любопытствовала я с видимым безразличием, но с надвигающимися истеричными нотками в голосе.

- Еще хуже, - успокоила меня бабуля.

- Значит, бояться уже нечего! - гордо сказала я, в глубине души совершенно в том не уверенная, и прошествовала в ванную под конвоем.

- Кроме зеркала, - безоговорочно согласилась со мной Шушу.

Змея подколотая! Кобра недобитая! Гюрза ошипанная! Тебя бы так опозорили!

Я немного подумала. Еще подумала... и легким движением руки откинула волосы со лба, обляпав змеелюдку йогуртом.

- Ты чего? - громко обиделась Шушу, вытираясь. А вот не надо лезть под горячую руку, не надо! - Шутки не понимаешь?

- Понимаю! В шутках я толк зна-а-аю... - многозначительно и важно ответила я, делая невинные глаза и сводя их к носу. Пусть понимают как хотят. - Но... не сейчас! И потом, мне так хочется два-в-одном...

- Это как? - растерянно заморгала эльфийка. - В смысле помыться вместе с Шушу?

- В смысле - намылить ей шею и отходить кого-то венником, - намекнула я со значением.

Народ озадачился. Видно, не видели они меня ранее после йогуртовой масочки настолько разъяренной! И слава богу! Самой страшно.

- А кто у нас этот «кто-то»? - наивно поинтересовалось дитя дремучих лесов и необрунных полей, сдувая со лба пушистую прядь и поправляя манжет пышного рукава.

- Лучше молчи! - предусмотрительно посоветовала орчанка, загораживая собой Миримэ. Девушка прекрасно видела, как в моих глазах разгорается темный пожар гнева, и понимала, что потушить его можно будет только кровью!

- Молчу! - пискнула эльфийка, прикидывая, куда бы нырнуть или где окопаться из соображений личной безопасности.

- И это правильно! - сообщила я на пороге ванной комнаты. - Молчание - золото!

Купание смыло гадкий привкус неудавшегося randevu с местным князем.

Выбор костюма не занял много времени, но доставил бездну удовольствия. В шкафу громоздились залежи исключительных костюмов и разнообразных платьев. Выбирая простой и удобный наряд, я любовалась сочными оттенками и богатством отделки, искусной невесомой вышивкой и тончайшей проработкой швов и деталей.

Когда нашла подходящий прикид – невольно присвистнула от восхищения. В самом деле, должно же в моей жизни быть что-то хорошее!

Теперь – косметика, бижутерия и косметика! Пройдясь плотоядным взглядом по местным залежам, которые я дополнительно обнаружила сваленными в конце шкафа (штабеля наборов теней, помады, пудры, румян, духов от Dior, Givenchy, Saint Laurent и прочих лидеров индустрии украшения), я с удовольствием занырнула в любимую стихию. Бижутерии было столько, что я даже растерялась, и в результате почти ничего не выбрала, оставляя все как есть.

Готова я оказалась гораздо раньше, нежели через два часа, но решила не спешить и с сумрачным видом уселась за стол, обедая всех присутствующих тяжелым взглядом людоеда, змеееда и оркожевателя. А, и француза-лягушатника!

Обед прошел в теплой и дружественной обстановке. Основная часть приглашенных вела себя тихо и незаметно. По крайней мере, мне так казалось, потому что под стол я не заглядывала.

Когда я уже наслаждалась кофе с хрустящим круассаном, тающим во рту, в дверь робко заполз один из служащих и, робко поглядывая на нас взглядом из разряда «что ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня», проблеял:

– Прекраснейшая Леля, вы готовы к встрече со светлейшим?

– Всегда! – бодро отрапортовала я, вставая и одергивая тунику цвета синего неба из тонкого летящего шелка. Мой наряд дополнился зауженными у щиколотки шальварами из той же ткани и мягкими сапожками. Кувырла сказала: мол, в нашем деле главное – не то, что видишь, а сколько нужно искать. Я ей поверила. Бабулю небось давно днем с фонарем ищут!

Меня вежливо проводили в гостиную и оставили в компании рояля. Служащий, ласково улыбаясь, мягко, но непреклонно выставил за дверь моих девочек.

Девочки немного посопротивлялись. Совсем чуть-чуть. Так, для проформы...

Шушу, вскинув руку жестом «рот фронт», заехала мужику в ухо; орчанка, полезшая улаживать конфликт, отдала ему ноги; а эльфийка, принявшая на себя роль миротворца и матоугомонителя, – чуть не задушила беднягу в объятиях.

В общем, в гостиную меня сопровождал милый молодой человек синюшной наружности, хромающий на обе ноги и с ухом, напоминающим пельмень из столовки.

– Вам надлежит немного подождать, и их сиятельство присоединится к... – Провожатый слегка запнулся, подбирая слова.

– ...К моему сиятельству! – лучезарно улыбнулась я, приходя на помощь.

Я вообще-то всегда готова протянуть руку помощи, но нигде не говорилось, что я должна при этом протягивать ноги.

– Не совсем, – замялся парнишка.

– Не совсем «сиятельная» или не совсем «присоединиться»? – сузила я глаза.

Ну люблю я точность во всем!

– Вы меня не так поняли! – заалел «аленький цветочек», уже не чая избавиться от прилипчивого одобрения в моем лице.

Не тут-то было! Я вспомнила свой выпускной вечер. После того как мальчишки где-то

украдкой попробовали алкоголь... Причем представлен он тогда был лучшими сортами «элитного» спиртного... самогон, бормотуха и что-то неопределимое на первый взгляд. В общем, приняв оное на грудь и почувствовав себя гигантами мысли, мальчишки предложили пойти купаться. Девочки намерение поддержали, потому что мы вступали во взрослую жизнь. Но почему эту жизнь нужно было начинать именно с купания в грязной речушке – до сих пор никто не может объяснить! Видимо, выпускной выпускал не только нас, но и мозги.

Итак, мы прибыли на берег, и тут обнаружилось, что у слабой половины человечества купальников нет. Сильная половина расстроилась. И немудрено. Им пришлось испытать на себе прелести купания в одиночку. Хотя... нет. Вместе с алкогольными парами.

Девочки отошли в сторонку, мальчики начали раздеваться, но тут у одного из выпускников случилось помрачение рассудка (как потом оказалось – перманентное!), и он решительно освободился от последнего бастиона – плавок, чтобы войти в воду достойно.

Не могу умолчать о том, что после его заявления единственным желанием многих присутствующих девочек было лишить его достоинства надолго, если не навсегда, а единственным действием – закрыть глаза.

Но нашему герою это не понравилось, и он решил наверстать свое! Поэтому, выпрямившись во весь рост, наш герой подошел к первой попавшейся однокласснице и грозно сказал:

– Нет, ты смотри!

Девочка, на его беду, туда посмотрела... и подтвердила свое авторитетное мнение достаточно острой коленкой.

Вопль: «Я сказал – смотри, а не трогай!» – будут помнить все участники этого купания.

Так вот, с такой же настырностью я приставала к молодому человеку:

– И все же, как я вас должна понять? Фигурально или прямо поговорим?

– Прямо поговорим, – раздался за моей спиной низкий бархатный голос с провокационными интонациями.

Подпрыгнув ошпаренной кошкой, я чуть не приземлилась на четыре конечности и зашипела:

– Ты?!!

– Я! – согласно кивнула золотая маска, возвышавшаяся надо мной на добрых полметра.

– Шляпу... сними! – прошипела я, вспоминая товарища Саахова из «Кавказской пленницы» и мечтая только об одном: добраться до чего-нибудь толстого, длинного и удобно умещающегося в руке!

И это бейсбольная бита, а не то, о чем вы ошибочно подумали. Кстати, я об «этом» тоже подумала, но в другом контексте: программа минимум – оторвать на фиг, программа максимум – оторвать два раза!

– Конечно, дорогая, – пропел этот засранец, даже не подозревая, что творится у меня в голове.

«Вот тут ты ошибаешься, милая», – отреагировал этот извращенец, причем – В МОЕЙ ГОЛОВЕ!

Я показала фигу. Мысленно.

Не подействовало.

Показала две – снова облом.

Но не тут-то было! От меня живьем еще никто не уходил! И я мысленно разделась... до

нижнего белья. Кожаного.

А что такое?

- Хм-м-м, – сказал этот презренный тип в маске и сел в кресло.

- Слова закончились? – хмыкнула я и мысленно потянулась, демонстрируя свои изгибы.

- Н-ну-у... – отреагировал князь и положил ногу на ногу.

- О-о-о! – округлила я глаза, рассматривая что-то очень возбужденное.

- Это подарок, – пробурчал посетитель.

- Для кого? – делано удивилась я.

- Для тебя, прекрасная Леля, – польстили мне, копаясь в недрах одеяния.

- Эм... – Мне как-то не хотелось прямо сразу такой подарок получить. Я все же стеснялась, и потом мы были так мало знакомы...

- А как же наши свидания? – удивился князь, вытаскивая футляр. Выпуклость пропала.

Черт! Черт! Черт! Когда я перестану быть такой наивной?

- А что «свидания»? – поддержала я тему разговора.

- Ты так млела, – чуть ли не облизывался диэр. – Была такой мягкой, податливой. Прямо лепи что хочешь...

- Из чего лепить?.. – подозрительно осведомилась я.

- Из того, что есть под руками, – объяснили неразумной обитательнице гарема.

Если это из разряда «Я тебя слепила из того, что было...» из песни Алёны Апиной, то хотелось бы уточнить составляющие...

- Просвещаешься? – нарушил ход моих мыслей проходимец в маске, кивнув на томик, забытый на рояле.

- Угу, – сдвинула я брови, натушно размышляя, стоит ли убить гада сразу... или сначала сильно помучить, а потом убить... и уничтожить цвет их генофонда на корню и вместе с корнем.

- И как успехи? – вкрадчиво спросили меня, щекоча слух и нервы обволакивающим баритоном.

- Потрясающие! – не замедлила я отреагировать, хотя понятия не имела – о чем идет речь.

- Может, вместе просветимся? – еще вкрадчивее спросил князь и «сделал стойку».

Подвох я чувствовала всей душой и тем местом, которое может быть универсальным интерфейсом, то есть попой... но, к сожалению, подумать я не успела, а просто схватила злосчастную книгу Кубикуса Квадратикуса и, открыв на первой попавшейся странице, выражением прочитала:

- «Для того чтобы слияние двух параллельных прямых превратилось в перпендикулярное, вам, юная леди, придется приложить много стараний и усердия. Для начала запомните, что терпение и труд заменяют все средства, используемые для геометрической прогрессии организма...» – Я подняла обалдевшие глаза на князя. – Что нужно сделать с геометрической прогрессией?

- Может, «терпеливо» почесать за ушком или «трудно» погладить по головке?

- А где головка у прогрессии? – вырвалось у меня в недоумении.

Взгляд князя красноречиво опустился вниз, и я мучительно покраснела. Уткнулась в

книгу, скрывая лицо за страницами талмуда, и продолжила, чтобы спрятать неловкость:

– «Подходите к делу творчески и с фантазией. Для начала посчитайте периметр объекта и рассчитайте КПД, с которым стоит этот объект обрабатывать. Если ваш объект внимания находится в статике, то встаньте синусоидой или покажите тангенс...»

Глаза у меня полезли на лоб. Все, безусловно, было очень познавательно, но каким образом нужно показывать тангенс – я так и не поняла. Я все же была девушкой образованной и не думала, что фигура из трех пальцев сойдет за тригонометрическую функцию.

Но любопытство однажды сгубило кошку, и я опять углубилась в дебри странного математического пособия:

– «...Если ваш тангенс не произвел впечатления, то превратите аксиому в теорему и нападите на объект эпсилоном.

Но будьте аккуратны! Чрезмерное усердие может привести к необоснованным выводам, и вам придется все начинать с основ.

Не забывайте бережно относиться к биссектрисе вашего испытуемого. Также объект может хорошо воспринять поглаживание или одобрить пощипывание периметра.

Если и это не подействовало, то остается еще вариант – подарить эротический укус его интегралу и подержаться за бесконечность, но ваше число пи может оказаться не таким уже определенным, и тогда вам стоит забыть эту лекцию и, подложив под синус этот томик, предаться разнузданному изучению практического материала, будучи первоисследователем...»

– Могу предложить неограниченное использование подручного материала, – мурлыкнули над ухом.

Я еще немного постояла, растерянно хлопая ресницами, пока до меня не дошло.

ВСЁ! Пленных не беру! Мстя моя страшна и безбашенна!

– Мне больше понравился «эротический укус», – облизнулась я в ответ. – Одна только проблема – не могу вовремя остановиться! Могу запросто откусить!

– Ле-еля... – Этот нахал позволил себе подкрасться со спины и нагло облапить. – Ты не представляешь, что тебя ждет впереди!

– Зато я хорошо представляю, кто у меня сзади! – холодно сказала я.

– Это хорошо. – Меня сжали чуть сильнее. – Это о-о-очень хорошо-о...

– Не сомневаюсь! – фыркнула я и шлепнула полезной литературой по маске.

И что такого?.. Говорят, «знание – сила!» Согласна на все сто, утверждение верное.

Я проверила. На живом материале.

Нокаут, естественно, не удался, но эхо погуляло знатное. Оно весьма порадовало мою израненную душу.

– Су... – начал конструктивный диалог контуженный на маску князь.

– ЧТО-О?! – вскинула я брови.

– Су... рово. – Все же членораздельная речь отличала его от обезьяны. В смысле той, чья эволюция закончилась, не успев начаться.

– А то! – загордилась я. – Могу еще первую помощь оказать – резиновый жгут на шее, например, затянуть...

– Не надо! – спешно уверили меня. – У меня все в порядке.

- Жаль, – откровенно расстроилась я.

- ЧТО?!! – обалдела маска.

- Жаль, говорю, что помочь не удастся, – широко улыбнулась новоявленная Кимберли Сайенс.

- Я тут кое-что принес... – Пациент начал отвлекать меня от дела моей жизни и его смерти, протягивая футляр.

- Подкуп должностного лица при исполнении, – сурово сказала я, но коробочку взяла. И даже открыла. А там...

Мне вручили... нечто. Нет, разумеется, если описывать данную вещь русским языком, то ее следовало бы величать диадемой. Это если сильно вкратце и не глядя. А если с чувством, толком и расстановкой, то... у меня пересохло во рту.

Я примерила.

Золотое великолепие, почти золотая шапочка, состоящее из двух рядов оправленных драгоценных камней с висюльками внизу, которое должно плотно охватить голову, и не менее дорогого и увесистого придатка посередине. Данная часть диадемы по идее крепится сзади, на затылке, на изящный замочек. Далее цепочкой камней проходит по всему пробору по центру головы и спускается вниз, на лоб, почти до самых бровей. На лбу оно завершается феноменальной по красоте композицией с многоступенчатым переливчатым кулоном, с многочисленными цепочками на заколках, которые должны цепляться на волосы на висках, и даже часть из них – на уши, соединяясь с сережками.

Как объяснить неискушенному человеку, что мне попало в руки?... Ага. Придумала! Нарядную индийскую невесту видели? Всю в золоте, спереди и сзади? (Я про голову говорю, а не про то, о чем вы подумали!) Вот нечто похожее и попало ко мне в виде очередного диэрского подарка! Конечно, у нас такое носить в условиях цивилизации просто невозможно. Даже на званый вечер не наденешь – фасончик не тот. Но и отказаться пощупать, примерить для восторженного женского сердца – немислимо!

В душе каждой женщины живет маленькая девочка, которая мечтает хоть раз в жизни нарядиться восточной принцессой. Чтобы восхищенные, пусть даже не ее красотой, но хотя бы прелестью многочисленных ожерелий и украшений, мужчины вошли в ступор при виде сказочного блеска и были готовы немедленно пасть ниц от лицемерия подобной роскоши.

Да что там говорить! Я сама была от себя готова пасть ниц!

Этот блеск, сияние камней, переливы бесценных жемчугов, чистые слезы кровавых рубинов и ярко-синих сапфиров... они... завораживали. Заставляли гордо развернуть плечи, широко улыбнувшись, склонить голову навстречу зеркалу и сказать: «ДА! Я ДОСТОЙНА!»

И даже в это поверить!

Потому что ни одна женщина в *таком* украшении не останется Золушкой! Она превратится в королеву, загадочную красавицу, да что там – волшебницу, богиню! Мы все знаем: не одежда делает человека. Так-то оно так. Может быть... НО НЕ В ЭТОМ СЛУЧАЕ!

От радости воспарив до небес, я кружилась с веселым смехом, на одну-единственную минутку став восточной принцессой. Висюльки нежно звенели в волосах, причиндалы оттягивали уши, лицо в зеркале было окружено ореолом драгоценного сияния. Думается, потом от меня потребуют все это вернуть, так сказать – сдать обратно на хранение для очередной любимой жены...

Но пока моя очередь! Еще немножко, совсем чуть-чуть я позволю побыть себе волшебницей. Я так хочу!

- То, что доктор прописал! – Меня грубо сбросили с небес на грешную землю. Ну-у-у, раз так, то мне тоже есть что сказать в ответ!

- Чей доктор? - ласково окрысилась я, стаскивая с головы диадему и наматывая на кулак навроде кастета. Увесисто получилось и богато. Нет. Не так. Бох-хато!

- Это всего лишь фигура речи, - как несмысленшу, ответил диэр, удобно устроившись в кресле.

- Фигура, говоришь? - Я нежно поглаживала самодельный кастет и высчитывала КПД его применения. Зря, что ли, я прочитала пособие по использованию? Сейчас ка-ак попользую! Такие отпечатки оставляю, ни одна дактилоскопия не опознает!

- Конечно, говорю, - подтвердил ни о чем не подозревающий князь, пролистывая книгу Кубикуса. - Но могу и показать...

И снова, подлец, залез в мою голову с эротическими картинками.

Я покраснела. Даже уши запылали. Нет! Так дело не пойдет! День у меня сегодня високосный. Погода нелетная. Магнитные бури, понимаете ли, на копчик дают!

И я ему показала... тоже мысленно... но с мельчайшими подробностями - куда и как ему нужно положить подарок, используя для этого исключительно подручные части тела. Ага. Те, что ниже рук.

Князь возмутился и встал, прикрываясь томиком. И я в нем изрядно разочаровалась!

Голову, гад, прикрывал. Видимо, это у него самое ценное. Снова на самом интересном облом и уничтожение самых тайных надежд!

- По-хорошему, значит, не хочешь?! - нависла надо мной эта золоченая дылда, разъяренно сверкая глазами.

Кстати, ничего у него глазки. Алые! Горящие, будто раскаленные угли! В смысле - ничего хорошего...

- Хочу! - надула я губы. - А как? Ты будешь моей золотой рыбкой и исполнишь три заветных желания?..

- Я и так исполню все твои желания во время завтрашней церемонии признания тебя фавориткой года, - милостиво заверил меня диэровский князь, успокаиваясь и предусмотрительно отодвигаясь на расстояние вытянутой руки.

Своей. Она у него намного длиннее.

- Что ты сказал?! - У меня на минуту пропал дар речи, но тут же нашелся и пошел посмотреть, кто там такой умный. - Здрате-мордасте! А третий тур? Соревнование? Как же остальные претендентки? И вообще - это честно?! Вдруг обвинят в использовании допинга?

- А смысл?.. - пожал широкими плечами мелкий шулер. - Здесь все равно выбираю я, а я уже выбрал тебя...

- Спасибо! - машинально произнесла я, примеряясь к размеру подложенного хряка-производителя. М-да... Нет, столько я не съем! И даже не понадкусываю!

- Не за что, - так же не задумываясь ответила золотая маска. Владелец частного гарема продолжил: - Все участницы завтра разъедутся. Некоторые, возможно, останутся на бал, но только по специальным приглашениям...

- Где дают? - деловито перебила его я.

- Что дают? - осекся мужчина.

- Контрамарки на вход, - пояснила я. - Нельзя ли ангажировать парочку? Мне очень нужно...

- Тебе нужно отдохнуть и привыкнуть к мысли, что следующий год мы проведем вместе! - резко осаждали меня.

- Это тебе нужно отдохнуть и хорошенько подумать – хочешь ли ты провести этот год вместе со мной! – Я сделала выразительную паузу. – Или все же попытаешь счастья и дашь девушкам третий шанс?

- То есть? – Все же инстинкт самосохранения у него где-то на донышке остался.

- То есть... – Я задумалась. Сформулировала мысль: – У вас же князя раньше срока на пенсию не выходят? И молоко за вредность им не выдают? И социальных пакетов покрытия производственных травм не предусмотрено? – Вопросы из меня сыпались один за другим, и на каждый я получала утвердительный кивок. – Видишь! Скажи, зачем тебе, такому молодому и здоровому, так рисковать?

- Ты мне нравишься! – с убийственной честностью признался диэр.

- А ты мне – нет! – выпалила я, совершенно не подумав.

- Тогда зачем ты здесь? – задал он резонный вопрос.

- У меня свои причины! – с усилием выкрутилась я. – И потом, ты нечестно играешь! Я перед тобой с открытым забором... ой, зубилом... тьфу, забралом, а ты, как девственница, личико в тазик прячешь!

- Для тебя это важно? – лениво поинтересовался князь.

- Принципиально! – сложила я руки на груди. – Ой! – Поцарапалась диадемой.

- Дай посмотрю. – Князь подошел и взял меня за руку, осматривая пострадавший пальчик. Потом поднес его к маске. И... маска растаяла.

К моей руке прикоснулись теплые губы, и тут уже начала вовсе таять я.

Честное слово, красивее мужика я в своей жизни не видела! И, честное-пречестное слово, мне это не нравилось!

Я неосторожно заглянула в сверкающие яростным блеском тигриные глаза и чуть не попятилась.

Это была даже не ожившая мечта с обложки журнала для женщин. Это был МУЖЧИНА!

Я изумленно изучала его потрясающе выразительное лицо, невольно отмечая удивительно гармоничные черты: высокий умный лоб; нечеловечески огромные продолговатые глаза, ставшие теперь изумрудно-золотистыми; хищный тонкий нос с надменными ноздрями; по-мужски тяжелые скулы, запечатлеть которые – мечта любого скульптора.

Вьющиеся огненно-рыжие, почти алые волосы могли бы сделать карикатурной внешность любого, испортить чей угодно облик. Но только не его! Напротив, удивительный, сильный, высокий князь диэров представал словно объятый языками пламени!

И он весь предлагался мне. Весь, представляете?!

Но... только в аренду и только на один год. Я даже всхлипнула от расстройства. Ну вот как так можно?! Поманить такой конфеткой, и так больно бить по рукам при этом?!

Потом мое разочарование переплавилось в обиду, а та жестоко и больно пнула ущемленную гордость. Я горько напомнила себе, что прежде никогда не разменивалась на мелочи, предпочитая иметь пусть маленькое, но свое!

Гордость, разочарование и обида сдружились настолько тесно, что перекрыли моему рассудку путь к мозгу. Я ляпнула в сердцах (на данный момент – это было единственно доступное мне место):

- Так и знала, что ты козел!

- Ты хочешь сказать – князь?... – мягко поправил меня диэр, предупреждающе сжимая мою ладонь.

- Да-да! - закивала я, вытаскивая руку из захвата. Перехватила инициативу: - Прямо князь козлов! Бабник!

- Леля! - нахмурился подлый охмуритель, чтоб ему красного перца в индийском ресторане недодали! - Не переступай черту!

- Иди к черту!

- Не переступай! - гневно сощурился он.

- А то что?! - заскрежетала я зубами. - Бить будешь? Голодом уморишь? Или исключишь из гарема?..

- Нет, - ласково ответил он, улыбаясь во все свои... много, короче. - Продлю твой контракт бессрочно!

- Садист! - мстительно сказала я. Потом немного подумала и срочно поменяла мнение: - Мазохист!

- Что так? - опешил он.

- Потому что только мазохист может оставить меня рядом и наслаждаться тем адом, в который я непременно превращу твою жизнь! Даже если мне придется для этого обзавестись рожками! - Я остановилась. Фраза прозвучала как-то двусмысленно. - Ой, нет, это уже лишнее!

- Ну что ты, дорогая, ни в чем себе не отказывай! - ядовито ухмыльнулся этот красногивый нахал.

- И не буду! - согласилась я.

- Зачем ты так активно сопротивляешься своей судьбе? - снова завел надоевшую шарманку соблазнитель. - Тем более что мы уже достаточно тесно знакомы...

- ЧТО? - вытаращила я на него глаза. - Не было такого!

- Было, Лелечка, - ухмыльнулся нахал. - А если ты не помнишь, то я могу посодействовать... - И щелкнул пальцами, запечатывая все выходы.

- Не подходи! - предупредила я, лихорадочно осматриваясь вокруг и соображая, как спастись от позора.

Вспомнила! У героини Феодоклы Перикопско-Суэмской была похожая ситуация.

Я воспрянула духом, подскочила к резному столику и пнула предмет мебели в направлении окна. Столик скользнуть по ковру не пожелал.

Я растерялась:

- Там было написано, что должен с легкостью поехать...

Князь поудобнее уселся в кресло и закинул ногу на ногу, с удовольствием наблюдая за представлением. Потом смилостивился, достал из воздуха эту книгу, открыл на нужной странице и прочитал:

- «Столик до окна не доехал, девушка подняла его и с грациозным изяществом разбила стекло...»

Я злобно зыркнула в сторону подсказчика и попыталась поднять облюбованную мебель. С натугой, кряхтя и пошатываясь, забыв об изящности и всем остальном, путаясь в длинном подоле платья, я доперла столик до окна и призадумалась.

И было о чем!

Тут вмешался диэр и процитировал:

- «Легко подняв одной рукой стол, она размахнулась и бросила его в оконное стекло...»

Посмотрела на свой столик и прикинула, какая у меня должна быть рука, чтобы его легко поднять... По всем расчетам выходило, что мне нужно вырасти еще сантиметров на десять и набрать мышечной массы килограммов двадцать, а то и тридцать. Времени на это не было... Обеими руками метнуть в окошко этот предмет мебели мне тоже не светит.

- Можно еще просто кинуть в стекло вазу, - снисходительно подсказал мне князь.

Я решила прислушаться к здоровой мысли и швырнула в окно цветочный горшок.

Дзинькнуло. Я обрадовалась. Оказалось, погиб горшок и чуть треснуло одно из стекол в свинцовом переплете.

- И что там дальше написано? - поинтересовалась я, подсчитывая, сколько нужно горшков и пролезу ли я в квадратное отверстие со сторонами в двадцать пять сантиметров.

- Там написано, - любезно откликнулся мужчина, - «свинцовая рама разлетелась на тысячу осколков, и девушка храбро прыгнула в проем...».

- У меня не разлетелась, - обиделась я.

- Помочь? - галантно предложил князь.

Я кивнула. Он щелкнул пальцами, и в середине окна образовалось отверстие достаточное, чтобы пролезть взрослому человеку, но щетинившееся острыми осколками.

- Прыгнешь? - полюбопытствовал диэр, видя, как я топчусь около проема. - Только учти, что девушка прыгала головой вперед, причем не повисла на осколках, зацепившись платьем, не разодрала до костей руки и спокойно приземлилась на ноги, вывалившись со второго этажа, при условии высоты этажа... локтей десять-двенадцать.

- Ужас какой! - окончательно расстроилась я.

- К тому же, - посмеиваясь, добавил мужчина, - обычно такие окна, как описываются здесь, - потряс он книжкой, - выходят на балкон. Так что дева должна была отшибить себе голову, если она конечно же у нее была.

- И что делают в таких случаях? - растерялась я. - У меня как-то опыта нет. Все больше по книгам...

- Обычно - кричат, - просветил меня князь. - Некоторые умные женщины громко кричат и не надрывают себе спину мебелью и не ломают шею, сгая из окон.

- И все? - не поверила я.

- Можно еще этим же горшком стукнуть особо настырного поклонника, - улыбнулся диэр. - А лучше всего не оставаться с таким мужчиной в комнате один на один.

- Это из личного опыта? - нахмурилась я.

- Это из логических выводов, - на полном серьезе поведал князь. - И прекрати читать подобную чушь, иначе рискуешь быть придавленной столиком и открыть свободный доступ к своему телу соблазнителью.

- Я подумаю, - кивнула я.

- Подумай лучше о том, что завтра ты примешь на себя обязанности моей фаворитки, - оскалился мужчина. - И я позабочусь об отсутствии в спальне столов, горшков и ваз.

- Ты!.. - набрала я воздуха в легкие.

Князь щелкнул пальцами, восстановил окно в первозданном виде, отпер двери и напялил обратно свой золотой намордник с капюшоном, словно у католического монаха. - Увидимся завтра! Не скучай!

- И тебе не хворать! - Тиран! Диктатор! Сатрап! Чтоб тебе рыбу фугу подали на стол

нечищенной! Три раза!

Я осталась стоять посреди гостиной, сжимая и разжимая кулаки.

- Лелечка, - бросилась ко мне вся королевская рать. - Что случилось?

- Вся королевская рать не может Шалтая-Болтая собрать! - прошептала я, находясь точно в таком же раздрае, как и бедный Шалтай-Болтай.

- Куда ты шатаешься?.. - не поняла основную идею Шушу и подперла меня хвостом. Как говорится, на всякий случай.

- Я завтра становлюсь любимой женой года, - мрачно сказала я, хлюпая носом.

- Так это ж здорово! - обрадовалась Эсме. Поздравила: - Радуйся, ты победила! Ты - первая!

- Угу, - шмыгнула я. - Первая... в этом году! - Завыла: - Мне не нужен секонд-хенд! У меня миссия!

- Миссия невыполнима! - мрачно сказала Кувырла.

- Это мы еще поглядим! - сжала я кулаки снова. Потрясла ими, грозя потолку. - Я всегда выполняю свои обязательства! Если будет нужно, я и до князя дойду, перейду, потопчусь, еще раз вернусь... и еще раз...

- Мы уже поняли степень твоих глубоких чувств к князю, дитё, - остановила меня няня. - Теперь нужно понять, как тебе найти подругу до завтра.

- Найти-то можно, - мрачно сказала Кувырла, почесывая топором переносицу. - Пройти никак. Там у дверей пикеты, как у сокровищницы. Только в два раза больше.

- Чего больше? - Мне все же выделили носовой платок... величиной с небольшое покрывало.

- Стражи, - угрюмо заметила бабуля. - Сокровищница-то на месте стоит и никуда не бежит, а ты можешь свалить. Так что тут без вариантов... Хотя...

- Ну! - У меня проснулся боевой дух, и я трубно высморкалась в простыню, издав рев раненого бизона.

Дверь распахнулась, и к нам ввалилось штук десять стражников, которые шустрыми тараканами расползлись по всем покоям, громко перекрикиваясь:

- Чисто! Тут чисто! Здесь чисто! И здесь чисто!

- Если где найдете пыль или грязь - убирайте на здоровье, не стесняйтесь и ни в чем себя не ограничивайте! - окрысилась я, понимая - через дверь в своих покоях я могу выйти только ногами вперед, и то... если вынесут.

- Рады стараться, ваше высочество! - отпраповали фетишисты с железяками, вдоволь налюбовавшись моим бельем в гардеробной. - Разрешите идти?

- Разрешаю, - мрачно согласилась я, прикусывая нижнюю губу. Выпала: - Если вы тут никого не нашли, то я сама поищу!

Вдруг меня озарило. Да, и такое в моей жизни бывает!

- Кувырла, а где содержат остальных? Ты знаешь? - обратилась я к бабуле.

- Как зовут подруженьку-то? - поинтересовалась бабушка и, получив ответ, ушлепала на своих лапах разгребать проблемы.

Ровно через пару минут после ее ухода ко мне ворвался высокородный ушлепок в миске - ой, в маске! - и заорал не своим голосом:

- Где?!!

– Кошелек тут забыл? – сумрачно поинтересовалась я, раздумывая – воспользоваться ли мне пилочкой для ногтей или это будет засчитано как попытка покушения на правящую особу. – Или паспорт?..

– При чем тут это?! – Не прекращая ора, меня схватили за плечи и потрясли. – Где он?!!

– Кто?! – Я слегка перевозбудилась. Пилочку в руки мне уже не хотелось, но я бы не отказалась от бензопилы или ручной гильотины. А уж «аксесюр» я вспоминала просто с обожанием, прямо-таки не терпелось его снова увидеть и подержать в руках, опробовать на...

– Мужчина!!! – Не переставая меня трясти, князь что-то еще шипел в промежутках.

Э-э-э? В смысле?..

Остальные участницы шоу мирно подпирали стены в сторонке, прикидываясь фоном, и явно опасались приближаться, чтобы не получить морскую болезнь.

– Ты себя имеешь в виду или просто чисто гипотетически спрашиваешь? – выстучала я зубами, уже чувствуя подступающую тошноту.

– Все шутишь? – Меня вдруг отпустили, и комната вокруг закружилась, танцуя не то джигу, не то вальс.

Сознание затуманилось, и я пала на грудь князя со словами:

– Никто, кроме тебя...

– Продолжай, – размякая, милостиво разрешил громадный мужчина, благосклонно впитывая мои столь редкие знаки внимания.

Комната кружиться перестала. Голова встала на место. Я навела резкость и выплеснула:

– Никто, кроме тебя, плевков эволюции, не мог придумать что-то более неправдоподобное, чтобы вернуться и оставить за собой последнее слово! – Я оттолкнула местное стихийное бедствие ака князь рукой. Уже своей. – А по-простому – нагадить!

– Выбирай выражения! – рявкнул диэр.

– Уже! Выбрала! И даже сказала! – бесилась я. – Уж не знаю, что ты там себе надумал...

– А что я мог подумать, когда начальник стражи явился ко мне с докладом, что ты ищешь любовника?! – прорычал ревнивец.

У-у-у?! О-о-о! Дайте мне йаду!

У всех гаремных полонянок пропал дар речи, очень неэстетично отвисли челюсти, а няня та просто раздулась от восторга и поспешила к выходу, видимо решив слегка повоспитывать всех, кто носит саблю.

– Здесь? – вытаращила я глаза. – Любовника? Это ж гадкая редкость!

– Это редкая гадость! – парировал мужчина. Сплюнул: – Тьфу!

– Не плюй в маску, а то себе в лицо попадешь, – хихикнула я.

Князь громко скрипнул зубами, сжал руки в кулаки, выпустил пар ушами и... снял маскировку.

– ВАУ! Ух ты! – бурно отреагировала публика. – Ничего себе мужик!

– Вот именно – ничего!.. – фыркнула я. – Хорошего! Мужик мужика видит издалека!

– Ты это о чем? – подозрительно быстро успокоившись, прошипел красавчик.

– О мифическом любовнике, – хлопнула я на него ресницами. – Неужели ты думаешь, что здесь мог спрятаться один мужчина... ОДИН!

- Рад, что нет, - сквозь намертво стиснутые зубы болотной гадюкой прошипел диэр.

- Правильно радуешься, - широко улыбнулась я, обводя аудиторию рукой. Для умственно отсталых и неразвитых уточнила свою мысль: - НАМ БЫ НА ВСЕХ НЕ ХВАТИЛО!

- А потрогать можно? - Шушу удачно поймала подходящий момент и влезла между нами. - Я всем буду теперь рассказывать, что трогала настоящего князя и участвовала в...

- НЕТ! - рыкнул мужчина. И устремился галопом к двери. - Завтра поговорим!

- Хам! - отреагировала я.

- И что я такого сказала? - огорчилась змеелюдка. - С каких это пор участие в отборе стало противозаконным?

- С тех пор, как я решил его отменить! - Дверь снова распахнулась. - Завтра ты, - в мою сторону обвиняюще ткнули пальцем, - наденешь браслеты и пояс невесты... на всю свою жизнь! - И один ушибленный ревностью самец треснул дверью об косяк.

- Кандалы и пояс верности носи сам! - метнула я в ту сторону вазу. Напольную.

- Ничего себе поворот! - ахнула эльфийка. - Папа расстроится!

- С чего вдруг? - отмерла орчанка.

- Кем же он теперь будет молодежь стращать? - пояснила Миримэ. - Если гарема больше не будет...

- Будет! - пообещала я, злобно сверкая глазами. - Евнухам где-то нужно жить!

- А что здесь происходит? - влетела встрепанная Кувырла. - Почему меня сбивают с ног в коридоре...

- Наглый и рыжий? - съехидничала я, все еще в ступоре от известия.

- Обалденный?.. - Эсме оттаяла и разродилась своей версией.

- Сногшибательный? - Это уже мечтательно-задумчивая Миримэ.

Не хватало нам эпидемии влюбленностей! На фиг, на фиг!

- Н-ну-у... как-то так, - озадаченно кивнула бабуля, испуганно оглядываясь на девочек. - И кто это?

- Князь! - ответили три голоса. Мой был самый громкий.

- Надо же, - почесалась Кувырла. - Ничего себе приз...

- Я бы сказала не «приз», а сюрприз, - рыкнула я. - Весьма неприятный! - Немножко успокоилась: - Так где мне искать Сириэль?

- Не так далеко, как поначалу казалось, - вздохнула бабуля. - Ее покои напротив твоих, через сад...

- Прекрасно! - обрадовалась я. - Пошли?

- Ку-уда? - помрачнела бабуля. - У нас за дверью теперь даже не полк! У нас там целая армия... причем морально укрепленная шмыргом!

- Да вы что! - Мне показалось это преувеличением. Но когда я выглянула за дверь, то поморщилась от блеска оружия. Захлопнула дверь и вернулась обратно.

- Да-а-а... - Я присела на краешек кушетки и глянула в окно. - Проблемка-а-а... Но если мне нельзя выйти в дверь, то я... я... я вылезу в окно. Тем более что урок, как нужно вылезать из окон, мне уже преподали.

- Еще скажи - выпорхнешь, - хмыкнула Шушу. - Птичкой... Ты когда-нибудь с высоты

спускалась?

– Теоретически? – задумалась я. В самом деле, интересный вопрос... может ли катание на перилах в нежном детском возрасте приравняться к скоростному спуску? И я не знаю.

– Стражи там, внизу, наверное, тоже полным-полно, – заметила Эсме. Заманчиво стрельнула глазками: – Правда, ее можно временно нейтрализовать...

– Нейтрализуй, – деловито кивнула я, и мы начали разрабатывать план Д.

В результате долгих препирательств со мной в качестве военной разведки пошла Кувырла. Няня выполняла роль обоза, то есть катила на всех бочку от двери. Миримэ, как самую ушастую, поставили на шухере, а Эсме с Шушу вызвались устроить отвлекающий маневр.

Через полчаса, еще раз обсудив все детали, мы засекли, с каким интервалом под нашими окнами ходят патрули, и приступили к реализации плана.

Для начала Шушу с орчанкой залезли на широкий карниз и доползли до углового балкона, освещавшегося множеством факелов, по дороге заплевав парочку озарявших мои окна (факелы гасила Шушу). После этого Эсме молодецки свистнула, привлекая всеобщее внимание, и начала самый настоящий стриптиз. К ее оправданию должна заметить: каждый раз, как только орка приближалась к полному обнажению – тут же возникал могучий хвост Шушу и делал «би-и-ип», организовывая цензуру.

Стража бесновалась и отчаянно пыталась подглядеть запретное всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Мы с Кувырлой, не теряя времени даром, спустились по простыням. Хм... кто-то, конечно, спустился, а кто-то – просто свалился, получив ощутимый укол топора в мягкое место, и распрощался с возможностью сидеть на неопределенное время!

– Поползли, – скомандовала Кувырла, когда оттерла свой топор от меня.

И мы поползли. По кустам. К сожалению, кусты были не везде, а трава не достигала того размера, чтобы скрыть мои выпирающие вверх формы, поэтому в некоторых местах пришлось ползти... перебежками... на четвереньках.

И конечно, в один из особо острых моментов мы напоролись на патруль.

– Ой, – сказал молоденький стражник, увидев нас с Кувырлой в позе скульптуры «Рабочий и колхозница», только вместо символов социалистического труда наши руки вздымались ввысь топор. – Что только эти... [цензура!] не придумают! – Он хмыкнул, сплюнул и потопал восвояси.

– Уф-ф-ф, – выдохнули мы и поползли дальше.

И надо же было такому случиться снова! Этот воистину неугомонный вьюнош совершенно не впечатлился зажигательным бесплатным стриптизом, зато рьяно заинтересовался культурным наследием и долго обозревал нашу новую скульптурную композицию «Самсон, разрывающий пасть льва».

Я в первый раз в жизни почувствовала себя атлетом и мужиком! Не дай бог никому!

Хорошо, что малец не полез бескультурно тыкать пальцем! Щекотки я очень боялась, а еще больше боялась за хрупкую психику молодежи, представляя себе, как он будет гнаться за своими глазами, если «Самсон» захихикает и начнет чесаться!

Лицезрение скульптурной группы, слава богу, длилось недолго. Вскоре любопытный страж отвлекся на стрип-шоу, и мы получили возможность удрать.

Остальное прошло как по маслу. Миновав опасный отрезок, мы встали, отряхнулись, как порядочные обитательницы серала замотались в шелка наподобие чадры и, горделиво качая бедрами, спокойно и совершенно открыто зашли во вторую галерею. Топор, способный обличить нашу социальную принадлежность, Баба-ляга с тоской во взоре

припрятала в кустах.

Мы прошествовали до нужной комнаты и постучали.

– Кто там? – Нам открыла дверь симпатичная эльфийка в широкой шелковой рубаше кремового цвета и таких же шальварах. Я вспомнила миниатюру и закашлялась. Да уж, правду сказали – с портретом никакого сходства!

И портрет тоже могли не давать. Зачем?

Предо мной стояла помесь Лелика и Болика. Девушка казалась более утонченной, сугубо женской вариацией Болика, а блондинистую раскраску она взяла у Лелика. Только лицо хозяйки жилища украшали огромные прозрачные серо-зеленые глаза. А у блондина они голубые.

– Лейни Сириэль?

– Да, это я.

– Я Леля. Здравствуйте! Видите ли, – обратилась к ней я, – мы пришли к вам по одному важному делу. Можно войти?

Тихое:

– Пожалуйста, прошу вас.

Милая, симпатичная эльфа, добрая и воспитанная. Не то что я в последнее время... Будем считать – мне стыдно и я на пути к исправлению... Наверное...

– Ваш жених, многоуважаемый Магриэль-как-его-там, – степенно начала я после того, как мы расселись и причастились напитком из саусепа.

Эльфа испуганно шарахнулась.

– И ваши многоуважаемые братья... – Я сделала вид, что не заметила ее минутной растерянности. – Полагают, что вас коварно похитили.

– Нет! – воскликнула Сириэль, мотыляя головой почище маятника. – Это не так! – Смутилась: – Меня никто не похищал!

– Да? – мягко удивилась Баба-ляга.

– Ну разве что самую малость... – опять смутилась эльфа, опуская вниз выразительные глаза. И тут же вскинулась, отчаянно оправдывая неведомого нам похитителя-дизера: – Но по взаимной договоренности и с моего полного согласия!

Короткими незатейливыми фразами, идущими от самого сердца, девушка стала рассказывать, как они с прекрасным юношей встретились на ярмарке неподалеку от ее замка и полюбили друг друга. Как длительно встречались тайком. Как она умоляла родителей разорвать прежнюю помолвку, а они в ответ назначили точную дату свадьбы с Магриэлем. Как ее не пожелали выслушать те самые любящие братья, которые всегда знают лучше всех, что для сестринского счастья нужно...

Короче, самая что ни на есть обычная история общения слепых с глухими. Слепой от любви девушки с глухими до безобразия братьями и родителями.

Мы деликатно сморкались в скатерть и диванные подушки. Знаю, это ужасно неприлично. А что делать? Салфеток никто не предложил, пришлось использовать подручные средства.

– И завтра у нас свадьба! – торжественно заявила будущая новобрачная. – Приглашаю вас увидеть все собственными глазами! Убедитесь сами, мой Саладин – самый удивительный жених на свете! Самый нежный, самый ласковый, самый достойный, самый... – И засияла, словно Эйфелева башня в ночи.

Я немного позавидовала и даже чуточку расстроилась. Где-то далеко ходит мой «самый-самый», а я тут заседаю. Я даже знаю, где этот засранец ходит! Там, где меня нет! И это

ему оторвется самым ужасным способом! Я сделаю вид, что это не он «самый-самый», – пусть хорошенько помучается!

Нежно улыбаясь, девушка встала и подошла к окну, невидящим взглядом всматриваясь в непроглядную темень. На худеньком большеглазом личике выражение удивительного, неописуемого, огромного счастья. Того счастья, когда, любя одного человека, оптом и в розницу готов любить весь мир. Лопухастые уши подрагивают, тоненькие руки перебирают бусины ожерелья на шее.

Я озадачилась. Миссия и впрямь становится невыполнимой. Вот как ее наружу тащить? Она ж руками и ногами упираться будет и громко вопить, что ее злые недруги похищают!

Представила... впечатлилась... поразмышляла. Отказалась от заманчивой идеи дать по голове и перекинуть через забор. И не по причине невыполнимости, а только из эльфолюбия! Бить по башке пришлось бы раза три, и не факт, что потом в этом месте что-то останется... думательное.

– Ладно. Хорошо... А что бы вы хотели передать моему нанимателю – своему бывшему жениху Магриэлю?

Девушка поникла и, вздохнув, начала нервно теревить длинную косу и многочисленные украшения на ней.

– Мы... Он...

– Обижал он тебя, девонька? – участливо спросила Кувырла, на всякий случай подтягивая к себе накидку с дивана. – Щемил?

Не слишком уверенное:

– Нет... Магриэль, понимаете... – Девушка слегка улыбнулась. – Он мне всегда был как старший брат – никогда не обижал, я всегда могла рассчитывать на его надежное плечо... – Вздохнула опять. – Но и никогда не желал услышать – чего же я хочу, что мне надо. Никогда не прислушивался.

– Хорошо, я поняла... – остановила я неисчерпаемый (по себе знаю!) перечень женских обид. – Так что мне ему передать? Я прошу вас дать ему подтверждение своих нынешних чувств...

– Передайте ему на словах: «Сердцу не прикажешь», – тихо-тихо промолвила эльфа. – Пройдет время, и он забудет меня, как сон.

Угу! Страшный. Но симпатичный...

И о чем я только думаю? А думаю я о том, что, как только Маголик узнает о свадьбе и чуток залечит болезненную травму эго, – он забудет Сириэль сразу. Моментально! Это ж слон толстошкурый! Индюк набитый! Носорог! Нет, мамонт! У мамонтов, кроме бивней и толстых ушных заглушек, в придачу еще и длинная шерсть есть, чтобы уж точно ничего не долетало! У Маголика же вместо сердца камень. Нет, мешок с шерстью! Нет, маятник с кукушкой! Как припомню его предложение стать любовницей, сразу сама этот проклятый маятник выковырять из его широкой груди готова.

– Я прошу прощения, не будете ли вы так любезны написать ему послание лично, – внимательно глянув в порозовевшее лицо, настойчиво попросила я. Призналась честно: – Боюсь, он мне на слово не поверит...

– Да-да, конечно. Разумеется! – Эльфийская дева (или уже не дева) достала из кипы элегантный свиток, длинное белое перо и накорябала необходимую эпистолу длиной в километр. Потом вторую. Затем третью... Увлечлась творческим процессом, что ли?

Красиво запечатала их алым сургучом.

– Вот... – Мне протягивали три свитка. – Это Магриэлю... – (Она так и не сказала «жениху», даже – «бывшему жениху»!) – Это братьям. Это – родителям с приглашением приехать к нам в гости с визитом...

О как! Мы еще не замужем, но маму в гости! То-то муж будет сразу счастлив! Так классно получить тещу в медовый месяц! Пусть привыкает!

Меня немного отпустило. Так или иначе, дело сделано. Совесть моя чиста, а ноги вымыты!

Или не сделано? Еще раз окинула испытующим взором младую эльфийскую поросль. Да, что есть, то есть – знакомая до чертиков, проклятая романтичность наружу так и прет! Такую чистую, невинную и – да что греха таить! – наивную натуру обмануть ничего не стоит. Это под силу здесь каждому, особенно если учесть некоторые опасные диэрские способности.

Я прикусила губу. Ладно. Сделаем контрольный выстрел.

Мы встали и склонились в прощальном поклоне.

Ничто так не сближает девушек, как ночь перед свадьбой! После пламенной исповеди эльфы мы расставались с нею хорошими подругами. Уже у самой двери я все-таки решительно оставила последнее слово за собой:

– Сириэль, я обязательно доставлю письма адресатам. И, прошу вас, пока время терпит – будьте любезны, подумайте в последний раз! Завтра, перед тем как вы дадите слово навеки стать супругой диэра Саладина, я попробую вас навестить. Если вдруг передумаете – пожалуйста, дайте знать!

Эльфа вежливо улыбнулась, но мысли ее были далеко-далеко. Где-то в районе брачной постели.

В глубоком молчании мы с Кувырлой забрали из-под кустов топор и пошлепали обратно. К нашему возвращению шоу затихло, на улице никто не бряцал оружием и не мелькал факелами. Наверное, правитель разогнал нашу маленькую демонстрацию. Судя по отсутствию возмутителей общественного спокойствия что с той, что с другой стороны – сурово и беспощадно.

Мы благополучно добрались по лестницам и по нахалке вошли через дверь как ни в чем не бывало. Возможно, мы и довели до инфаркта стражу в предпokoе, но задать интересующий всех вопрос: «Откуда вы тут взялись?» – открыто никто не осмелился.

Не-э-эт, они задали вопрос: «И че вам дома не сидится?» – но это же не одно и то же, правда?

Тут же из-за двери выглянула няня и построила всех ласковым взглядом анаконды.

Мне же досталось:

– Хватит уже шлаться! Завтра дел неупрощу, а девчонки до сих пор там на ветру, практически голые...

Стражу сдуло тем же ветром.

– ...уже посинели и теперь пьют горячий чай, – закончила шмырг. Удивленно огляделась: – А куда это они?

– Тоже чаю захотели, – пояснила я и пошла спать, чтобы завтра с новыми силами выступить в неравный эротический бой с князем и нанести ему ощутимое поражение.

Мечтать же не вредно?..

Сон начался тускло.

Я со свечой в руке, в длинной полурасстегнутой белой мужской рубашке очутилась в переплетении странных коридоров, в которые выходило множество комнат. Босиком. Все стены, двери и даже потолок сети коридоров были увешаны причудливыми зеркалами, которые множили мои искривленные отображения.

Пляшущие тени с ярким огоньком свечи скорее сгущали тьму и слепили глаза, нежели давали четкую картину. Я была словно шоколадка, которую завернули в праздничную фольгу, не забыв отчего-то снабдить фонариком.

Я шла и шла, а моя дорога, казалось, сворачивалась лентой Мёбиуса. Вдалеке слышалась музыка, в дверные щели пробивался свет... Но лишь только я этого места достигала – музыка замолкала, свет гас.

Пока было не страшно, скорее я себя чувствовала героиней второй части «Щелкунчика», пребывающей в сказочной стране. Правда, мучилась загадкой: где я и зачем? Глупо такими вопросами задаваться в собственном сне, не правда ли?

От ярких отражений свечи у меня уже начали болеть глаза. Наконец, сдуру или от отчаяния, я погасила свечу и, закрыв глаза, прислушалась. Как назло, музыка и голоса опять смолкли. Все заполнил странный шорох.

Открыла глаза. Галерея коридоров осветилась мягким лунным светом. Он падал из высоких средневековых окон с мелким свинцовым переплетом, кое-где окрашиваясь то красным, то синим, то зеленым оттенком – в тон разноцветных ромбических стекол.

Странный нарастающий шорох погнал меня вперед. Я начала дергать ручки дверей. Все заперты. Ни одна не открылась. А шорох, казалось, догонял, заставляя переходить на бег. Наконец впереди показалось светлое пятно.

Яркий прямоугольник приглашающе открытой двери, таинственная пасть освещенной комнаты ждала, тихая и молчаливая. Я бы сказала – обманчиво безопасная.

Я оглянулась и еще поднажала. Мамочки! За моей спиной, шурша, ползли конфетные фантики, целые горы пустых оберток. Брр! Такой гадости мне еще никогда не снилось! Любой психоаналитик причину искать замается!

Я вскочила в комнату и захлопнула за собой дверь. Комнатка, где я очутилась, оказалась большой квадратной прихожей, опять-таки в зеркалах (дались им эти зеркала! Прямо заклинило на них! Вот уж кто-то обожает собой любоваться!). Из предпокая вело много дверей – то ли пять, то ли шесть... поначалу я не присматривалась.

Из чистого любопытства сунула нос в одну из них. Хм... опять номер люкс из гостиницы для молодоженов! Стены в зеркалах и круглая бордово-алая кровать. Пряные ароматы воскуренных индийских палочек. В окно виден ночной пляж и лунная дорожка на теле океана. К чему бы это?!

Ладно. Я не гордая... Заглянула во вторую! Опять спальня! На этот раз в минималистском псевдояпонском стиле. Огромная кровать-шкаф, а больше, собственно, и ничего. Только красивая плетеная циновка с интересными мотивами танцующих журавлей под ногами. Циновки чуть поменьше, с искусно прорисованными ветвями бамбука, – на окнах. Плетеный комод с фигуркой китайского мандарина. Знаете такие? – толкаешь легонько верхнюю часть, и он еще минут пять задумчиво качает головой и пальчиком у подбородка.

Раньше подобные фигурки европейского и китайского фарфора стояли на полках старинного палисандрового буфета у моей бабушки. Дедушка был заядлым коллекционером и привозил их отовсюду.

Там были узкоглазые мандарины всех мастей, турки, кавалеры и дамы, китаянки и белочки, гуси и балерины. Еще какие-то подобные безделушки... Если я хорошо себя вела, мне разрешали запустить кого-то из них качаться и смотреть потом на их незатейливые выкрутасы.

Правда, перед смертью бабушка долго болела. Пришлось весь антиквариат распродать. С болью в сердце и со слезами на глазах брала я очередную фигурку, заворачивала в папиросную бумагу, чтобы за бесценок отдать в жадные руки старого лысого антиквара. А бабушка, помню, меня все утешала и говорила, что пыли в доме теперь станет гораздо меньше.

Я подошла к мандарину и толкнула его головку. Крупная статуэтка обрелаверху симпатичный маятник. Больно от воспоминаний, как больно!

Переместилась к окну... В сумерках шуршал красно-желтыми листьями знакомый сквер. Тоскливый дождик брызгал стекла мелкой изморосью. Самый обычный осенний вечер.

Я вздохнула и вышла. Слишком тяжелые чувства будит эта комната!

Пошла на разведку в следующую. С порога меня встретила спальня принцессы. Все такое воздушное, светло-розовое, атласное, с рюшками и пышным балдахином над лежбищем. Везде роскошные монограммы с золотыми коронками...

Я поперхнулась. У принцессы что, последняя стадия ожирения? Иначе зачем, спрашивается, кровать такого гигантского размера три на два?

В окна ярко светило солнце. Я проскакала к запертой балконной двери бельэтажа, судя по виду из окна. Никого. Пусто. На лужайке перед домом по всем правилам накрыты круглые столы для утреннего аристократического чаепития. С многоярусными блюдами пирожных, сливочником, вазочками с джемом и прочими прелестями богатой жизни. Весело чирикали птицы, над яркими цветочными клумбами порхали бабочки...

Я отошла в глубокой задумчивости.

Последний раз окинула взглядом принцессину «кровать» и скрипнула зубами. Бордель какой-то! Или дом «шведского» семейства.

Я, Мыр и князь. Бред и половая распущенность! Мыр, князь и няня. Ближе, но все равно распущенность! Ладно, князь, князь и... князь! И набор из секс-шопа! Самый большой! Красота!

Вылетела оттуда.

Не поленилась заглянуть дальше! Грр! Ну что за жизнь! ОПЯТЬ! На этот раз симпатичная такая, громадная лежанка в пейзажном стиле, с домотканым покрывалом и колоссальными подушками. Впрочем, как и вся комнатка, радующая глаз сельскими красно-белыми клетчатыми занавесками с аппликацией из рождественских оленей. Комод с неизменными вышитыми салфетками и примитивными фарфоровыми подсвечниками с горящими желтыми шариками восковых свечей...

На стене повис рождественский же венок. Над камином рядком выстроился комплект полосатых носочков. Я поинтересовалась их содержимым: марципаны, шоколадки и еще какие-то традиционные новогодние мелочи. Запах пчелиного воска, мандаринов и еловой хвои. Запах европейского Рождества.

Однажды я поехала с группой в рождественский тур в Австрию и Германию. Тот местный дух, аромат праздника ни с чем не путаешь!

Мельком глянула в окно: как странно! Кто бы сомневался? Белый день. В окно смотрят заснеженные ели горного курорта!

Я медленно вышла из рождественской комнаты и распахнула последнюю дверь, пока еще не исследованную. И брезгливо отшатнулась.

Фу! У моего подсознания, должно быть, ну оч-чень извращенное чувство юмора! Под зарешеченным снаружи окном, неподалеку от батареи в ржавых потеках, на вздувшемся паркете валялся старый драный матрас. Был он в использовании давно и успешно, о чем свидетельствовали засаленные бока и вылезшие клочья ваты.

Пахло кошачьей мочой и сыростью. Деловито шуршащие по углам тараканы добавляли колорита.

Голая, практически тюремная лампочка под потолком давала не слишком много света, но мне и того вполне хватило, чтобы понять: в эту комнату я не зайду! Ни за что! Никогда! Даже выглядывать в окно не рискну! Я тараканов боюсь!

Тяжело дыша, я шваркнула дверь с такой силой, что посыпалась штукатурка, и обвела тоскливым взором унылую окружающую действительность.

Вот угораздило, в самом деле!

У нормальных людей сны как сны. Им снятся Мальдивы, Канары или Рио-де-Жанейро! На худой случай, королевские замки, рестораны и театры. Балы и фейерверки.

А мне как ни приснится – то фэнтези, то эротика, переходящая в порно, а то и вовсе... триллер!

Я решила преломить эту донельзя порочную практику. В самом деле, последний сон вообще никуда не годится! Все из рук вон плохо!

Неуверенно потопталась в прихожей, чтобы выбрать – в какой из комнат создать себе заветный кусочек эротики с подходящей атмосферой. Еще немного помялась, выбирая между Японией, Германией и Англией, а потом с бесшабашной улыбкой проследовала в комнату принцессы. Англия победила!

По крайней мере, представлять себя там с мужчиной своей мечты вполне интеллигентно и достаточно изысканно! Я внимательно оглядела собственную внешность: и раздеваться не придется... полупрозрачное белье под мужскую рубашку на пуговицах – то, что доктор прописал.

И литр брома мужику теперь не поможет! Попался!

Я присела на кровать, крутя в руках пластиковую бутылку с надписью: «Бром концентрированный. Два литра. Употреблять внутрь». Улыбнувшись своей догадке, буркнула:

– Ну что, мужчина моей мечты! Давай уже, приходи. Зря старался, что ли?

Тишина.

Он надо мной издевается?!

– Раз меня сюда выдернул и напугал до полусмерти – являйся уже.

Молчание.

Это как? Мне теперь до петухов тут глотку надсаживать: «Приди-приди, сердешный друг? Уж исстрадался мой утюг!» Или пока не замерзну, как Снегурочка?! С гранатометом и в БТРе! И чтоб связка «лимонок» для витаминов! Ему! И я рядом, заботливая!

Я пригрозила, изо всех сил зажмуривая глаза:

– А то проснусь!

– Вот этого не надо! – В комнате из ниоткуда появился охмуритель всех времен и народов. И опять с облачком неузнаваемости на роже!

Я разозлилась. Трус!

Планы по охмурению были срочно заменены на планы по убиению. И скажите, что я не права!

Хорошо знакомый незнакомец, выдернутый моим призывом сразу после купания, был заметно раздражен. В комнату он заявился совершенно нагой, если не считать полотенца вокруг бедер. Влажные на концах темно-каштановые волосы вились, красиво обрамляя шею. Грудь вздымалась от неровного дыхания. В руках мужчина держал второе полотенце, которым небрежно вытирал голову.

В комнате было довольно прохладно, поэтому кожа мачо покрылась пупырышками.

Он закончил вытирать волосы и отшвырнул полотенце. По его знаку в комнате зажегся камин.

Стало заметно теплее. Мужчина повел головой по сторонам:

– А здесь миленько! У тебя определенно есть вкус!

Я хмыкнула:

– Ты еще в шестую комнату не заглядывал! Рекомендую!

Мужчина даже не двинулся, оставаясь на месте:

– Как только я выйду, все исчезнет! Это место поддерживается исключительно твоей фантазией. Я тут ни при чем!

Я страшно обрадовалась.

– Правда? – На язык полезла колкость: – Значит, соблазнять невинных женщин, когда они думают, что спят, – твое жизненное кредо?

Мужчина повел плечами, будто что-то стряхивая:

– Ну, положим, не таких уж и невинных...

– Это не имеет отношения к главному вопросу! – не растерялась я. Продолжила короткий допрос с пристрастием: – А теперь ты очутился на моей территории и не можешь мне диктовать?

– Ну это как сказать... – подпустил загадочности знойный красавец. И с прирожденной кошачьей грацией внезапно приблизился ко мне на расстояние вытянутой руки, явно пытаясь взять меня в оборот.

Меня обаял истерический смех. Ситуация своей повторяемостью, предсказуемостью и предельным идиотизмом приводила в бешенство!

Мой визави понял: надо брать власть и меня в свои руки! Он навис надо мной и начал:

– Леля! Признайся себе сама – ты меня любишь!

– Да? С чего ты взял?

– Ты ко мне глубоко равнодушна, Леля.

– Да! – с достоинством признала я. – Но с каких это пор слова «хочу» и «люблю» – синонимы? – И потыкала пальчиком в предлагаемую грудь. – Жестко, недоварено!

Гад поперхнулся. Но поползновений не оставил:

– Леля, но ведь нам с тобой хорошо вместе! Не отказывай себе в исполнении самых заветных желаний...

Я его перебила с откровенной злостью:

– Скорей уж тебе!

Хмырь с облачком на личике слегка растерялся. Потом с заметной угрозой произнес:

– Хорошо. Будь по-твоему! Если и после этого ты скажешь, что не хочешь быть со мной, хотя сама позвала меня сюда, я уйду. – Его глаза из-под туманного облачка, странно меняющие цвет и форму, смотрели холодно и жестко. – И не приду больше в твои сны, сколько ни зови!

Несмотря на жестокие слова, а может быть, даже вопреки им, его большие сильные руки обхватили мои плечи мягко и нежно. Мужчина наклонился и поцеловал меня...

Как там описывают этот кульминационный момент в любовных романах: подгибаются пальцы ног?

У меня ничто штопором не заворачивалось, мурашки табунами по муравейникам не бегали, иерихонские трубы в ушах не трубили. Ничего такого.

Просто у меня подогнулись колени и я безвольно повисла, почти теряя сознание и уж точно утратив всякую способность соображать. В эту минуту клиент созрел и был готов

на все! Ну, почти на все! Ну, почти-почти на все!

Это-то меня и остановило! Потому что я не определила – где заканчивается «почти» и начинается «уже»!

– А ну стоять! – подскочила я резвым зайчиком и врезалась диэру макушкой в подбородок.

Князь замычал и выстоял. Крепкий дуб, не трухлявый. Можно пилить дальше!

– Мы еще так мало знакомы! – заявила я, с чем-то собравшись. Мыслями это было назвать сложно.

Мне подарили недоуменный взгляд и явно показали, где находится мой ай-кью.

Я и без него знала – за плинтусом. Просто не нужно это так явно афишировать!

– И для принятия столь важного решения, – я начала вдаваться в подробности, – нам нужно поближе узнать друг друга.

Князь потер подбородок и выразил немедленное желание ознакомиться с материалом. Руками. По которым и получил.

– Я не это имела в виду! – нежно пояснила я, пока диэр проверял – все ли пальцы целы или я что-то оставила себе на память.

– Яснее нужно выражаться! – заявил этот наглец, показывая степень моего падения.

– В! НА! И ТУДА! – отрапортовала я. – Остальные слова просто добавь в нужных местах.

– Ну, знаешь! – взъярился князь. – Так со мной еще никто не разговаривал!

– Все когда-то бывает в первый раз! – философски заметила я. – СТОЯТЬ! – Это он собрался слинять прочь от моего праведного негодования. Нет уж! Мой сон – мое негодование! Получите все оптом!

– Стою! – так и остался стоять спиной, прямо ею выражая неудовольствие и что-то еще. (Что-то еще было прикрыто полотенцем.) – У тебя есть еще что мне сказать? Или я пойду найду кого-то посговорчивей?

– Иди, – кивнула я. И тут же: – СТОЯТЬ!

– Ты в общем определись, – «хмыкнула» спина, и полотенце начало сползать, обнажая мускулистые ягодицы с ямочками.

– Не могу, – правдиво призналась, сглатывая набежавшую слюну. Обвинила: – Ты меня отвлекаешь! Это нечестное оружие!

– Что ты подразумеваешь под «орудием»? – поинтересовался он, оглядываясь на меня через плечо. Проследил мой взгляд. – О-о-о! Вообще-то у мужчины *это* обычно спереди...

– Меня и сзади устраивает. – Я вонзила ногти в ладони и глубоко вздохнула. – Если я еще и спереди все увижу – хана тебе! У меня... э-э-э... откроется берсеркерство на почве неудовлетворенности жизнью...

– Я – бессмертен. – Как будто кого-то это сейчас интересует или ему поможет!

– В этом-то и проблема! – призналась я. – Никакого удовольствия от смертоубийства!

– Замечательно! – заявил этот невозможный тип, стаскивая полотенце и предъявляя себя во всей красе. Типа смотри, чего лишаешься!

Нет, я, конечно, предполагала, но *это*!

– Это сон! – отреагировала я и зажмурилась. – И вообще, пора вставать и...

– И ты все равно это завтра ночью увидишь, – прошептали мне на ухо, прижимаясь и пытаясь протаранить мне живот.

- Ни за что! – упрямо отреклась я от «подарка» и... проснулась еще до рассвета.

Рядом с моей кроватью столпилась вся моя команда с траурными лицами и цветами в руках.

– Ик! – возникла первая мысль. Я ее озвучила: – Это провода в последний путь?

- Как-то так! - пожала плечами Шушу и кинула в меня букетом. Слава богу, не попала, а то этой дурой в обхват шириной - сто пудов бы покалечила. - Тут тебе прислали церемониальную одежду, и мы решили тебя немного подбодрить перед тем, как ты ее увидишь.

Я посмотрела на туюву хучу цветов и поняла: дело дрянь! Все очень плохо!

Оказалось – гораздо хуже!

Из-за спин девушек ко мне пробрался лысый дядька и начал ворожить в моем изголовье. Я подумала было: чокнутый евнух, местный малахольный дервиш, но и тут нагло обманули – оказалось, менталист с прибабахом. И была у дяденьки только одна, но важная задача – выяснить, сколько мужчин у меня до свадьбы было.

Я когда узнала – от возмущения пошла пятнами и чуть было смертельно не оскорбилась такой проверкой на девственность. Как-никак старовата я для этого самого... да и не в монастыре, чай, воспитывалась.

И вообще, что я – лошадь, чтобы у меня родословную спрашивали?

Угүмс, и с этим промахнулась.

Оказывается, вопрос стоит до неприличного просто: больше опыта – выше престиж! А чтоб кандидатки в любимую жену... то есть подругу года лишнего себе не приписали, для того и зовут лысого дядечку в палаческом капюшоне за спиной.

Чтоб он их обламывал и мечты за действительность не разрешал выдавать.

Кошмар, нормальная женщина скрывает, а эти...

Итак, этот мозгоправ убогий пожевал слюнявыми губами верблюда, покачал головой и с резюме: «Порченная! В голове ничего нет!» – начал копаться в своей сумке.

- Это как это - нет?! - встала я в боевую позу. - А высшее образование?!!

- Порченная! - повторил мужик и всучил мне аж... один нашейный браслет-пектораль, а попросту - золотой ошейник. НО ТО-ОЛСТЫЙ... И ДЛИННЫЙ-ПРЕДЛИННЫЙ... Как нарек.

Я со злости решила взять. Будет на чем удавить виновника торжества. И цветочки пригодятся.

- Порченная! – дружно поддержали убогого набежавшие обитательницы гарема, но посмотрели на меня та-а-кими завистливыми глазами... мне даже стало неловко.

Под скорбные причитания:

– Вай-вай, дорогая! Как же тебе не повезло, что у нашего дорогого диэра нет братьев, – сопровождаемую взглядами завистливых кобр, сколопендр и прочих ядовитых гадин, меня в чем было затащили в местную не то парную, не то бассейн, а скорее – что-то между тем и этим.

Причем умело отсекали девчонок и нейтрализовали церемониальным нарядом няню и Кувырлу. До моего тела, значит, не допустили. Побоялись допинга, что ли? Или дополнительных баллов в резюме?

Эти звери отодрали мне всю кожу пемзой и мочалками. Даже ту, которая недавно

приросла после предыдущей банной процедуры. Но звери и на этом не остановились!

Меня, словно бревно или манекен, утащили на руках в горизонтальном положении. Занесли обратно в спальню. В пятнадцать минут, не реагируя на мой ор и дикие вопли, повыдергали и выбрили все волосы на теле.

Мой крик души: «Там» оставь на рассаду!» – был проигнорирован, и всем выдали беруши.

Не зря. Они приступили к полной «бразильянке». Размечтались! У нас пытки давно отменены, а у них отменят! Сейчас. Или я эту процедуру сделаю со всеми подряд!

Спасли меня фикакус с супругой. Загородили стволами и встали насмерть.

Потом за пять минут будущую фаворитку покрасили. По-военному быстро облачили в шикарное голубое платье с корсажем. Американскую пройму и юбку задрапировали изумительным бежево-золотистым гипюром с драгоценностями и вышивкой, где по краю был выткан вьюнок с голубыми и розовыми венчиками. По центру корсажа красовался белый атласный цветок.

Когда на меня нацепили подаренные диэром украшения, я пыталась отчаянно отбиваться. Кончилось тем, что девочки меня держали, а главная выдра... то есть, прошу прощения, стилистка! – зверски выдирала (вот почему «выдра») из моих ушей любимые радужные серьги.

И вот тут оказалось, что я дура! И счастья своего совсем не знаю!!! И даже никогда не пыталась узнать!

Как мне шепотом, внезапно подобрев и расщедрившись, разъяснили наши гаремные завсегдатаи... завсегдатайши... а, что там говорить – просто гейши!.. на пенсии. Ну так вот... наш князь – из особого клана горных диэров. А там обычаи обращения с женщинами особые, вот почему он не женится...

– Женщина вступает в дом мужа, выходя замуж разом за всех-всех братьев, будь их в доме хоть десяток, хоть два! – щебетала самая молодая из обряжающих фаворитку года.

У меня полезли глаза на лоб.

– И когда кто-то из старших братьев дряхлеет, всегда остаются молоденькие, что для женщины хорошо и полезно! – весело чирикали остальные.

Следующим этапом я заподозрила, что попала в рай для нимфоманок... Или коллективный дурдом!

– А как же она... со всеми... – У меня во рту пересохло. И глаза как суповые тарелки. Такие же глубокие-глубокие! – А последствия?..

Да-а... «Шок – это по-нашему!» Точно!

– Дети? Дети – общие! – отзывались дамы. – Растят сообща, любят сообща!

Мое потрясение стало глубоким, как бездонный колодец:

– А как они решают – кому когда с кем?.. В порядке очереди? Дротики на спор метают – и входит победитель? Крестики ставят или в «бутылочку»?..

Мне строго погрозили пальцем и невозмутимо просветили:

– Все решает жена.

О как! Мне уже нравится!

– А если она кого-то все не зовет и не зовет?.. – Моя стадия обалдения перешла в следующую фазу. Вопрос требовал углубленного изучения.

Мне ответили безапелляционно:

- Значит, муж плохо старается! Надо над этим поработать!

Чем?!! Рукой? Простите, руками и головой? Или чем-то одним?

Мне совсем схудилось:

- И что, не ревнуют?..

- Нет.

- А если я, к примеру, кого-то невзлюбила и совсем его звать к себе не хочу – это получается его или моя проблема? Наверно, все-таки моя?

Э-э-э... у меня бы точно сразу возникла постельная несовместимость... со всеми – и вперед, люди! Есть еще неавтоматизированные процессы!

Мозгосос, то есть мозгоправ... то бишь менталист печально поник головой:

- НЕТ! Вот это как раз *его* проблема!

И мне поведали печальную жизненную историю:

- Если жена наотрез отказывает кому-то из мужей-бедолаг, то к несчастному жизнь и вовсе поворачивается задом. Пока жена еще не высказала отвращения вслух, он старается изо всех сил, чтобы заслужить ее благосклонность. Братья, как могут, исподтишка ему помогают.

Это как? Морально, надеюсь. Не хочется портить первое впечатление...

- Но если продвижения нет и нет... – Менталист всхлипнул от избытка чувств. – То ему дается испытательный срок.

- А если он ей и дальше не мил? – У меня попер вопрос принципа.

Не то чтобы я собиралась замуж в горный клан, но правила игры знать нужно. Если ты не играешь в хоккей, то хотя бы понимаешь – зачем столько мужиков бегают за одной резиновой штучкой и тянется к ней длинными хреновинами.

- В игру вступает последнее оружие... – тоскливо признался вислогубый дядечка, и всем захотелось его погладить по голове. – Тогда приходит СВЕКРОВЬ...

Какое, однако, страшное слово! Прямо мороз по коже!

- И что – свекровь? Оттаскает невестку за волосы? В угол поставит? Голодом заморит? – Ну интересно же, как у них обстоит дело! Может, у них это та бабайка, которой на ночь всех детей пугают? Жуткий монстр?

- Нет, – разрыдался отвергнутый в прошлом муж. – Свекровь приходит на поклон и на коленях умоляет пожалеть ее сына и дать ему шанс остаться. Свекровь выслушает много обидного и неприятного о своем ребенке, которого она ужасно воспитала. Старушка будет просить и клятвенно обещать, что ее сын впредь обязательно исправится... Обычно, выражая почтение к возрасту и статусу уважаемой матушки, жены на первое время идут навстречу ее просьбе.

Я окончательно прифигела. Просто начался легкий ступор. К суповым тарелкам добавился набор для очистки лобовых стекол. Блым-блым!

- А если все-таки?... – не удержалась любопытная Эсме.

- А если и дальше у жены не лежит душа... – почти беззвучно выдохнул страдалец.

- То он ищет себе новую жену? – Это уже не смолчала Шушу.

Все замерли.

- Он должен уйти, – шепнул мыслечет. – У него две дороги: батрачество или монастырь. Но... – Опять всхлипнул.

– Но?

– Чаще всего это путь в никуда. «Ничейные» мужья обычно погибают на улице от голода и одиночества. Или сами идут замерзать к вершинам гор, – тихо закончил лысый экстрасенс.

И мы все прониклись печальной мужской долей горных кланов, а у меня шибко поднялось вверх настроение. Ну бывает же в жизни счастье! Хоть у кого-то!

– Впрочем, – с довольным вздохом развеял мои наивные мечтания оклемавшийся мужик, – к вам это совсем не относится. У вас статус игрушки.

И мне захотелось этого кривоногого козла убить! Два раза: первый с особой жестокостью, второй – с откровенным цинизмом!

Да, и отобрать у него все кольца, чтобы больше к девушкам не приставал и в их брачном списке не отмечался! Вот такая я непредсказуемая!

Кольца мне самой пригодятся – на бедность и для престижа. Ну и что, что одинаковые... может, я повторы люблю! Или они по головам считают? Не по разам?

Это ж сколько нужно современной женщине выпить, чтобы носиться за мужиком и требовать «копье»? Ой, пальцо! Тьфу, кольцо! Нет, мы, конечно, требуем, но одно – обручальное; и от одного мужчины – любимого. А тут прям Клондайк. И все твое! Так и избаловаться можно. Впрочем, и репутацию подмочить – тоже.

Ага. Если мужиков на своем жизненном пути собрала слишком мало!

Убиться веником! Если в нашем мире мужику говоришь, что он второй, то тот уже вроде как рад... а вроде как и нет. А тут? «Ты у меня двадцатый» – и мужик в экстазе! Не первопроходец! Мра-а-ак!

Порассуждать на глубокую тему «Кому где жить хорошо» мне не дали и потащили в актовый зал. Активисты, блин! Чтоб вас всех в свекрови!

– Доброго тебе пути! – помахала платочком и топором прослезившая Кувырла, проигнорировавшая мой «благодарный» взгляд.

Да если бы взглядами можно было убивать, я бы давно уже косила всех пулеметной очередью без перезарядки! Моя злость и раздражение достигли апогея и сейчас осматривались – куда бы им пойти дальше.

– Не отлынивать! – рявкнула я на девчонок. – Все за мной!

Но их отсекала стража, а кикимора в красном злобно пропела:

– Князь ждет вас одну, без компании!

– Фигу! – резко отреагировала я. Выпалаила: – Как ко мне – так с компанией из братьев, а как к нему – так одна?! Нет уж, пусть тоже имеет дополнительное удовольствие! – И голыми руками раздвинула скрещенные секиры. Мне позволили.

Угу, еще бы они не позволили, когда шмырг начала раздуваться и давить всех вокруг своим... авторитетом!

– Рискуете навлечь на себя нерасположение князя! – поджала губы махровая сводница.

– Переживу! – спокойно отбрила я мадаму, пока меня окружали верные подруги. Подпустила интригу: – А вот переживет ли он?..

Вопрос остался без ответа. И мы отправились веселой сплоченной компанией приносить меня в жертву золотому тельцу, то есть тазику.

– Леля, ты уверена, что хочешь с нами поделиться своим диэром? – прошипела мне на ухо змеелюдка.

– Естественно! – мстительно сказала я. Добавила: – Мечтаю посмотреть, как он у тебя

будет искать порог удовольствия и точку G!

Шушу мигнула, застыла и разразилась громким хохотом:

– Садистка! У меня их нет!

– Вот и пусть ищет! – припечатала я, путаясь в многослойном подоле и прокручивая в голове сцены изощренных убийств.

Пока мы, никого не трогая, мирно шкандыбали по длиннющей галерее, неожиданно навстречу нам рванулся всадник на белоснежной приземистой лошадке. За ним с громким улюлюканьем и гиканьем неслись, отставая всего на шаг, его товарищи по несчастью. И тоже на белых... но верблюдах.

Это показалось мне подозрительным. И только я собралась бежать от него подальше, чтобы не попасть под горячую руку... то есть копыто, как дикий южный парень, то есть на самом деле уже никак не парень, а самый настоящий мужик с усами и бородой, показал на меня пальцем. Крикнул:

– ОНА! – перехватил поперек седла и... спешил. Мало того – даже усадил меня верхом и бережно расправил фату, платье и шаровары под ним. Это спасло мужику большую часть нервов, и даже органы слуха (частично), и что-то нужное для воспроизведения себе подобных (хотя это уже роскошь).

Остальные верблюжатники, то бишь наездники верблюдов, схватили остальных моих девушек и посадили на своих животных – причем Кувырле в порядке исключения даже перепал целый як белого окраса!

Чтобы я громко не орала, меня зверски умотали белым невесомым шарфом, моему похитителю в честь славного подвига налили подряд три стопки местной наливки. Его сотоварищи тоже клюкнули – и мы двинули в сторону мужского крыла диэра.

Я очень обиделась: почему наливку только мужикам выдают? У меня тоже стресс... И вообще: если вспомнить мои чудачества подшофе – выйдет минимальная месть князю!

А с другой стороны – может, именно потому и не наливают?.. Не исключено, конечно, но скорее всего – банально за-жа-ли! Чтобы самим больше вылакать! Верблюдов вон тоже в расчет никто не принял!

Пока я размышляла о неравноправии и вселенской несправедливости, у диэра нас с радостными воплями перехватила толпа народу. Мне показали какие-то сундуки, даже просветили об их содержимом, но, будучи слегка не в себе после экстремальной поездки, я сути происходящего и к чему тут сундуки – так и не поняла. Кстати, золота там как раз и не было. Только тряпки, стекло, всяческое бытовое барахло и утварь. В общем, довольно интересно... для этнографа, но ничего стоящего.

Снова зажали! Могли бы и золота отсыпать! Жмоты! Я тогда хотя бы себя за презренный металл продавала, а не за призрачную идею! И жалела бы себя соответственно!

На входе нас подждал сияющий тазик, то есть князик... Ну, в общем, вы поняли – о ком я. Сей господин получил мою плотно упакованную белым шарфом персону от дядечки-похитителя из рук в руки (они еще умудрились сунуть меня под мышку и изобразить рукопожатие!).

Я не стерпела и ущипнула похитителя за задницу! Тот подпрыгнул. И что-то себе спас, потому что в этот момент Шушу решила стукнуть его по ногам хвостом. В общем, руку он князю жал, подпрыгивая и сотрясая меня.

Пусть трясет! Вдруг у них утруска считается некондиционной и меня забракует? Типа брутто не встретились с нетто и не замутили междусобойчик. Ой!

Это уже Эсме отличилась. Зачем же в меня метать боевых мужиков? Я бы предпочла топорики... они хоть меньше по размеру.

Теперь мы здоровались лежа. Также вариант. Если бы еще меня вверх личиком перевернули – вообще бы осчастливили! А то головой в плитку как-то жестко... для

плитки.

– Ой, какой шарфик! – Миримэ отдирали от князя, все глубже втаптывая мое достоинство и меня в пол. Не то чтобы я была против, но как-то становилось неудобно.

Итак, меня приняли по описи, отряхнули, поставили на ноги – и, думаете, покормили? Спать уложили? Драгоценностями забросали?.. Хотя бы выдали подъемные?.. Ага-ага. Как же... не с моим счастьем!

Спасибо, что хоть саму подняли. Могли и верблюдам оставить, те хищно присматривались – я видела!

Нет, диэр, сияя позолотой и глазами, тиснул на меня какое-то скромное ожерелье из радужных камешков... килограмма на четыре... дешевенькое, наверное. Да! Чтобы сразу разоружиться и не мучиться поисками верблюда и груза! Ну, еще пару десятков браслетиков белого металла всучил... Тоже, наверное, серебряных... И тоже с инкрустацией из дешевых полудрагоценных радужных камушков. А это – чтобы меня можно было легче найти. По звону. Колокольному. По нему! Я помогу!

О! И рыжий подлец мне подарил кольца на пальцы ног и браслеты на щиколотки. Тоже дешевые...

Потом нас поставили перед сухоньким старичком, тот взял нас за руки, что-то три секунды пробормотал (я поняла – тут так на СПИД проверяют!), и нас развернули уже обоих лицом к народу. Как говорится, «к лесу передом, к себе – задом!».

Но и это был не предел! А потом началось самое веселое! Нас троих поставили рядом – меня, диэра и старичка – и начали обвешивать белыми шарфами! И вот тут я поняла: смерть ко мне пришла! Белая! С желтой и серебристой каемочкой!

– Слышь, законсервированный! – Я покачнулась под сороковым златотканым шарфом, но все же пнула спутника по лодыжке. – Для савана их слишком много, а для подгузников слишком мало!

Меня проигнорировали, и я продолжила терпеть жестокую пытку платками.

Сами по себе эти шарфики были туда-сюда... если не считать их безмерное количество – нормальные. Легкие. Но вот каемка... она их утяжеляла весьма существенно. И если диэр и старичок, видимо привычные к данной стадии церемонии, кое-как с нагрузкой, кряхтя, справлялись, то я... Словом, их будущая звезда сераля и любимая фаворитка уже почти рухнула, когда мой гаремный эксплуататор заподозрил неладное и подхватил меня одной рукой. Я на нем критическим грузом провисела все время, закрыв глаза и мечтая о том, что все это кошмарный сон.

Так вот, невзирая на мои закрытые глазоньки, меня проволочили туда-сюда, потом чем-то накормили на один укус, потом заставили кому-то что-то сунуть в рот... (Я с ужасом вкинула и поджала пальцы. Откусит ведь, крокодил в панамке, и не заметит!)

– Страшно извиняюсь, – просипела я. – Но ты каждой своей фаворитке такое устраиваешь? И они потом выживают?..

– Нет, – покосился на меня диэр.

– Значит, только мне так повезло? Или не все выживают?!

Долгая пауза. Неохотное:

– Только тебе.

– За что?! – приуныла я. – Ну почему мне одной такое счастье? – Оживилась: – А кстати, как тебя зовут? – Напомнила: – Мы же даже не познакомились.

– Это непринципиально! – заявил наглец. – Все потом! После обряда.

И меня в коматозном состоянии потащили дальше. Я уж было совсем приуныла: думала, погибну во цвете лет! Ан нет! Слава богу, шарфики отобрали. Сказали, потом отдадут. Я

не поверила, но сдала по описи.

Тут прискакал с друзьями еще один дядечка на белой лошадке – видимо, кунак того дядечки, который доставлял мое почтовое отправление. Он приволок белый драгоценный сверток, блистающий сапфирами и изумрудами.

Мой диэр отпустил меня и мою онемевшую конечность, самолично принял даму с белой лошади, проговорил что-то весьма хвалебное и выдал груз на руки подсуевившемуся чернявому красавчику в парандже. Почему я решила, что тот чернявый? Да челка пару раз выглянула! И глаза у парня тоже черные, как прикопченные сливы.

Этот зашторенный умело перехватил «полковое знамя» в лице будущей супруги. Обхватив тюк и вцепившись как в родное, диэр встал на колени перед князем – и тот возложил на них руки.

Над парой взвилось радужное облако, девушка соскочила с рук и впилась в губы занавешенному, как будто хотела из него жизнь высосать. По капельке. И я с изумлением опознала в ней ту самую скромную эльфийку, бывшую невесту Магриэля. Вот это да! Что любовь с лю... эльфами делает!

Парнишка шустро кругом обвешал свое «щастье» бриллиантами, подкурил ее со всех сторон вонючим веничком и живо уволок добычу в какое-то помещение явно религиозного плана.

И я прослезилась... Вот что значит любовь... Угу, даже надышишься чего-нить и бриллианты оптом без описи возьмешь.

– Жмот, – беззлобно сказала я князю. – Мог бы тоже раскошелиться. – Вдохнула, окинула диэра оценивающим взглядом и добила: – Впрочем, гусары денег не берут!

Диэр насторожился.

– То, что сейчас на тебе, – дороже денег, – пояснил правитель.

– Непринципиально! – припомнила я.

Князь скривился.

– Слушай, если мне больше ничем дышать не нужно... или там подставкой бесплатно работать – может, я пойду? – как можно жалобней проныла я. – Ноги уже отваливаются...

– А что еще чувствуешь? – И никакого сочувствия в голосе!

– К тебе – вообще ничего! – индифферентно призналась я. Пожаловалась: – Даже ненависти... – Подумала еще немного. – Но она уже на подходе!

– Тебе пора! – оживился любитель блондинок в гневе. – Остальное я доделаю уже сам, без тебя!

– Правда? – изогнула я бровь. – И брачную... ой, гаремную! – ночь тоже? Какая прелесть!

На меня зыркнули, торжественно поцеловали ритуальным поцелуем в макушку (это единственное, что было ему доступно и не кусалось!) и милостиво отпустили на покой.

И я пошла. Радостно и своими ногами. В сопровождении гейш.

Но не туда, куда хотела. А в спальню к этому... этому коз... в общем, князю.

Ну что сказать, хорошо у них правители устроились. Комната огромная, с кроватью. Кровать бескрайняя. Кроме необъятной кровати – только тумбочка с тазиком. А так – одна кровать!

Меня, похоже, на ней заклинило!..

Окна с решетками. Красивыми, декоративными и мелкими! Пролезть невозможно.

Но я не сдалась, а пошла искать средства самообороны. Разочаровалась страшно!

Шелковыми подушками диэра точно не прибьешь. Даже если сложить стопкой – остальное в руках не умещалось.

Они даже тазик к тумбочке прибили. Намертво. Чтобы не было покушения на жизнь правителя туалетными принадлежностями. А чего?.. Прикольно прочитать в некрологе: «Убит тазиком!» Или... «Сражен насмерть ночным горшком. Нечищенным».

Часть четвертая

Верной дорогой идете, товарищи!

- Леля! – позвали меня в тот момент, когда я заглядывала под кровать и искала хотя бы тапочки. Если уж прибить не получится, так хоть в метании поупражняюсь.

- Ты кто?! – подскочила я. Естественно, долбанулась головой. – Ой!

- Это я, Лад! – вполне миролюбиво сказал давешний чертик, вытягивая меня за ногу из укрытия.

- Сгинь! – поздоровалась я с нечистым. – У меня сегодня день по календарю майя – расчетный!

- Это как? – удивился чертик.

- Рассчитываю, что вы все оставите меня в покое! – призналась я, облачаясь на единственный предмет мебели.

- Тогда пошли со мной! – предложил Лад. – А то там к тебе сейчас тетки ворвутся с пеньюаром и будут готовить к приему князя.

- К приему? – застопорилась я. Завертелась по сторонам в поисках убежища и разочарованно обмякла. Увы, здесь не спрячешься. – Он что, лекарство? Принимать в малых дозах перед едой?

- Скорее, в больших и перед сном, – хмыкнул чертик. – Так пойдешь, пока они не нагрянули?

- А почему их до сих пор нет? – подозрительно осведомилась я.

- Так у них масло пропало, – признался Лад, проказливо пряча глаза. – Ритуальное. Пока тебя им не намажут – ты князю недоступна.

- О как! – подивилась я, насильственно подавляя дикое желание завопить «Ура!». – Чтоб из рук выскальзывать? Дольше ловишь – веселее любишь? Национальная игра диэров?

- Что-то типа того, – усмехнулся Лад. – Так ты идешь?

- А почему, собственно, я должна с тобой куда-то идти? – бдительно поинтересовалась я, хотя была уже на все согласная, лишь бы убраться отсюда.

- Ну-у если ты хочешь, чтобы тобой попользовались и заперли в гареме, то можешь оставаться, – пожал плечами чертик. – Каждый сам себе брачную ночь выбирает!

- А ты, значит, на меня не покушаешься? – Поломаться и согласиться – это наше сугубо женское право!

- Не то чтобы... – протянул чертенок, окидывая меня взглядом. – Но если хочешь...

- НЕТ! – твердо сказала я.

- ...то перехочешь! – закончил он. – И вообще... – Протянул мне сложенный листочек.

- Это что? – Я взяла и развернула. Застыла. Подняла на довольного чертика глаза. Хлопнула три раза ресницами. Снова посмотрела на бумажку...

- Долго тупить будешь? – фыркнул Лад.

- А ты откуда Мыра знаешь? – еще бдительнее поинтересовалась, крутя в пальцах бумажку с моим рисунком, которую я когда-то в прошлой жизни отдала троллю.

- Он меня просил помочь, – признался чертик, крутя хвостом. Хвост мне нравился, а жест – нет. – Сказал, ты сразу все поймешь.

- Он ошибся, – вздохнула я. – Ничего не понимаю. Но... пойду.

И мы пошли. Потайными ходами. Теперь я знаю, что местные уборщики халтурят и свою зарплату не отрабатывают!

Я очень близко познакомилась с тремя пауками и как следствие – ладонью Лада. Он мне рот зажимал, чтобы я ничего лишнего не прокричала. Визгом. Потом нас посетили мыши... Чертик пообещал мне вставить кляп, а мышам устроить хорошую жизнь. Я попросила сделать наоборот, но успеха не достигла.

Конец моему безграничному терпению наступил, когда мы подошли к громадной луже, напоминавшей и по цвету и по запаху канализацию.

– Я туда не пойду! – твердо отказалась я, оглядывая свои юбки. – Меня там просто в *этом* похоронит, а я не хочу закончить свой путь в отходах жизнедеятельности!

– Ты определись, – деловито посоветовал мне чертик. – Путь на волю не всегда усыпан розами.

– Ты хочешь сказать – для обретения свободы я должна нахлебаться дерьма вдоволь? – распахнула я глаза. – А я всегда думала – это метафора...

– Вечная ошибка, – посочувствовал Лад. – Всегда нужно чем-то платить!

– А в рассрочку нельзя? – полюбопытствовала я, примериваясь, как бы половчее перейти этот дурно пахнущий Рубикон. – С отсрочкой платежа лет на сто?

Чертик глубоко вздохнул. Подошел ко мне и задрал мне подол на голову.

– Ты спятил?! – высказала я свое негодование. – Мы же все выяснили!

– Молчи, женщина! – сурово сказал Лад и взвалил меня на плечо. Пробурчал: – Какой у меня тяжелый крест!

– Я стройная! – обиделась я в юбки. – И мало вешу!

– Угу! – согласился чертенок и поскакал.

Теперь я хорошо прочувствовала, как себя ощущают леденцы-монпансье в жестяной коробке. Завидовать было нечему!

После того как меня поставили на твердую поверхность и поправили платье, я еще пару минут пыталась отыскать возможность вздохнуть и, главное, выдохнуть. И заодно изыскать потенциал взглянуть на мир добрыми, не налитыми кровью глазами.

Мы, кстати, весьма удачно вышли. В лес.

– Леля! – Из-за ближайшего кустика выскочили Лелик с Боликом и кинулись меня обнимать. – Где Сириэль?

– Можно я расскажу все вам троим сразу? – высказала я свое пожелание. – Чтобы лишний раз себя и вас не травмировать?

Эльфы что-то заподозрили, насторожились и потащили меня к Магриэлю.

Спустя час...

– Она официально вышла замуж за древнего? По любви? – потрясенно раз за разом переспрашивали братцы. Я бы хохотала, если б могла – настолько они выглядели обаяшками с этими миленькими ушками, стоящими торчком, глазками-пятками и волосиками дыбом.

Попалась бы им анимэшница, тотчас бы завопила: «Кавайии!» – обцеловывала красавцев и уже искала на ощупь в мужских штанах хвосты. (Пошлятина. Ну вот, опять меня не туда понесло. Гарем наложил злокозненный отпечаток на поведение и мышление.) Но поскольку я не анимэшница, и нашу компанию бы век не видела (кроме Моня и Мыра), а брюнет мне за это время хуже горькой редьки обрыд, то я злорадно хихикала в кулачок насчет нарушений этикета и ждала, чем все кончится. Уж очень хотелось увидеть, как моя сестра по духу им утрет нос. Увидела.

Магриэль набычился и сказал:

- Не верю! Я знаю невесту с детских лет. Наша милая Сириэль, конечно, наивная глупышка, но чтобы она с бухты-барахты взяла и вышла замуж добровольно за мерзкого покупателя женщин и держателя гарема? Не верю! - Подошел ко мне и зло уставился прямо в глаза. - Ольга! - (Вау, смотрю, и мое имя с первого захода тогда выучил, а дурачком всю дорогу прикидывался...) - Леля, ты лжешь! Скажи, что ты не нашла, вообще не видела ее там, скажи! - Над верхней губой брюнета выступила обильная испарина.

Неужели ему не все равно? А говорил - «безразличны, не любим друг друга». Судя по реакции, тут лгал кто-то другой. Причем себе!

- Магриэль, - торжественно сообщила ему я, доставая мятые рулончики из-за пазухи. Тут же поправилась из стойкого отвращения к эльфячьему пафосу: - Маголик, вот ее письмо. Даже три. Два - братьям и родителям, третье - тебе! Лично в руки. Ты можешь проверить его своими волшебными амулетами и еще черт знает чем, как у вас это делается, а от меня отстань пока. Знаешь, как я устала? Просто на ногах не стою - сил нету. И вообще, меня лишили брачной ночи, или как там теперь это называется! И ты мне должен вторую половину гонорара!

- Тех драгоценностей, что на тебе сейчас, - хватит, чтобы купить половину нашего мира! - с ядовитым сарказмом заявил брюнет, выхватывая невестину цидулку. Пробежал глазами и буквально позеленел.

- Да? - удивилась я, рассматривая браслеты. Протянула недоуменно: - А я думала - дешежка...

- Только за один тоненький браслет ты сможешь купить себе дом в любом крупном городе, - сообщил мне Лелигриэль.

И тут брюнет испустил дикий вопль. Мы дружно повернулись в его сторону.

Я думала, придется одну нервную личность отпаивать крепким пойлом вроде местного самогона. Но когда это Маголик вел себя культурно и по-человечески? Он отодвинул, практически отшвырнул Лелика и Болика в сторону, насильно притянул меня к себе и приставил пальцы обеих рук, сведенных в пучок, к моим вискам.

- Что ты делаешь, ненормальный! Сожжешь девушку и себя! - заорали эльфы с молодым чертякой-проводником и принялись нас аккуратно и настойчиво разделять.

Пришибленный известием эльф вскоре отпустил меня сам. Но и непродолжительного плотного контакта Магриэлю хватило, чтобы добраться до истины. Ошарашенный, почти сломленный, он, шатаясь, сделал несколько шагов и, не доходя до жеребца-кьяфарда, рухнул будто подкошенный.

- Перенапрягся, - сочувственно откликнулся сплоченный мужской коллектив.

- Взял откат за двоих на себя, - уточнил шатен.

- Полный придурок, - заключил Лад.

Тоже мне хор Турецкого! Не поняла?.. Он перенапрягся, а я уже не в счет? Это не меня сейчас копи... сканировали? Его им жалко, а я, значит, - гори синим пламенем? Шовинисты! Сволочи! Свободу бедным угнетаемым женщинам!

Мужские обмороки долгими не бывают, и уже через минуту Магриэля привели в себя парой крепких оплеух. Дальше - понеслась коза по шпалам... Наши бойкие в прошлом эльфы разбивали лагерь, собирали хворост и вели себя аки послушницы на богослужении: смиренно и безмолвно; тише воды ниже травы.

Все рекорды побил брюнет. Теперь могу с полной уверенностью утверждать - с девушкой его что-то связывало. Я Магриэля видела всяким, но настолько отчужденным - впервые. Даже как-то страшно стало.

- Я еду обратно в город, - резко и довольно категорично сказал он.

- Но... - Все доводы компании против этой глупости пропали втуне.

- Мне нужно к гномам, на рынок и в кое-какие другие заведения. Не волнуйтесь, к ночи вернусь, - мрачно отmeld он все доводы гласа рассудка и рванул в город.

Проводник зыркнул сузившимися глазами ему вслед, но удерживать не стал. Прощедей:

- Куда денется! Его дальше ворот не пустят, и скоро приедет обратно...

Лелик с Боликом притащили мне мешок с одеждой, и я смогла в кустах избавиться от юбок. Лад настойчиво предлагал свою помощь. Я отказалась. Тогда он кинул в меня сумкой, оказавшейся моей.

- Откуда такое счастье? - обрадовалась я, копаясь в недрах баула.

- Из гарема, вестимо, - хмыкнул чертик.

- Ты - чудо! - заверила его я. - Волшебник! Ты спас мою маникюрную пилочку!

- А сапожки тебя не волнуют? - поинтересовался Лелик, поочередно перекидывая через куст обувь. Я заметалась, чтобы не получить по голове и окончательно не растерять мозги.

- Спасибо тебе еще раз, добрый самаритянин! - порадовалась своему размеру. Избаловалась я в гареме, однако.

Приведя себя в порядок, в боевом облачении - белая рубашка, черные жилет и брюки - я вышла в люди. Простите, к спутникам.

Эльфы начали готовить завтрак. Я укладывала драгоценности в сумку, заворачивая их в обрывки подола ритуального платья. Они же не ждут его назад, правда?

А мы ждали. Магриэля.

Но в этот раз ловкий смазливый проходимец, «чертик номер 13», дал промашку. Магриэль в городе невеста как все-таки побывал и вернулся в сумерках. Алкоголем от него не тянуло, и коноплю вроде не курил, но вел себя будто пьяный. Хотя резкие, нервные движения выдавали скорее необычную для мужчины предельную целеустремленность.

К седлу жеребца были приторочены две большие клетки.

Весь вечер наш брюнет черкал на купленной бумаге какие-то письма и рассылал почтовыми голубями. Одно-два запечатал своим золотым кулоном и отправил с крупными золотисто-белыми птицами, весьма похожими на соколов.

Закончив непонятную деятельность, Маголик улегся на свое одеяло и довольно долго провалялся с открытыми глазами, бесцельно таращась в ночное звездное небо.

Несколько обескураженные братцы каждые пару часов приходили к несостоявшемуся жениху и принимались тормошить.

Магриэль... он даже их не посылал. Один взгляд - и Лелика с Боликом относило беззвучной волной. За полночь некоторые равнодушные личности, а именно: братцы, я и Лад - утомились от дурацкой филантропии в отношении этой неблагодарной скотины и уснули сном праведников.

А утром, когда проснулись, - Магриэль сбежал.

- И куда он делся? - из чистой вежливости полюбопытствовала я, потягиваясь и размышляя - где бы мне умыться, в то время как эльфы нарезали круги на поляне.

- Все плохо! Все очень плохо! - сжал руками голову Болисиэль.

- В смысле?.. Заблудится? - спросила я, не отрываясь от раздумий.

- В смысле - он решил сделать Фатум, - простонал блондинистый Лелик.

- Не поняла, - насторожилась я. - Это что еще за ругательство?

- Это ритуальный уход из жизни у эльфов, - прошептал мне на ухо Лад. - Он посчитал себя опозоренным и додумался смыть позор с семьи своей кровью.

- Спятил?!! - заорала я, вскакивая. - Пусть сначала со мной рассчитается!

- Как ты можешь сейчас думать о деньгах? - сморщившись, как вяленый чернослив, упрекнул Болик.

- Я о них всегда думаю! - сообщила я. - И вообще, его надо найти и прикончить самим! Чтобы неповадно было!

- Где?... - уныло спросил блондин. - Мы же не знаем, куда он ушел и когда...

- Я найду, - сообщил Лад. - Только не бесплатно, естественно.

- Уж конечно! - мигом подбоченилась я. - У людей горе, а ты готов три шкуры содрать!

- А сама? - фыркнул чертик.

- А мне можно! - припечатала я. - У меня с ним давние счета! - Помолчала три минуты. - Браслет подойдет?

- Два! - отреагировал Лад. - И по рукам!

- Два - слишком жирно! Один! - твердо сказала я. - И вперед!

- Эксплуататорша! - пожаловался чертик.

- Ты меня еще плохо знаешь! - зловеще сообщила я хвостатому наймиту и проходимцу. Но вместо долгой тирады выдавила: - Вы собирайтесь, а я в кустики... по делам.

Я углубилась в лес по своим срочным, неотложным надобностям. Углубляться пришлось далеко, потому что мужчины никак не хотели выпускать меня из виду и все норовили подглядеть. Показала им кулак и пошла дальше.

Наконец нашла кучу бурелома и только расчистила себе место для безопасного приседания, как в шею укусил комар.

- И тут гады достали! - обиделась я... и потеряла сознание.

Пока я плавала в сиреневом тумане и сообщала ему (туману), что это страшная пошлость и гадость, мне показалось - меня куда-то тащат. Причем тащат на чем-то жестком и костлявом. Мне все это не нравилось, но туман был липкий и отпускать не хотел. Пришлось смириться с действительностью и ждать.

Пришла в себя в натуральной клетке из стволов деревьев, перепутанных между собой и скрепленных веревками из лиан, или как эта дрянь тут называется.

Состояние было не ахти. Мы сидели связанными на деревянных решетчатых топчанах - я и грязные, оборванные туземцы. Он и она. На все мои попытки общения смуглые дикари, похожие на худеньких подростков, отвечали кивками и невнятным лопотанием, из которого я так ничегошеньки и не поняла. Глаза у них были безумные, руки тряслись. Они все время лопотали что-то между собой, и он отчаянно целовал ей лицо, вытянув длинную шею.

- Все это мило! - попытала я счастья еще раз. - Но, может, мне кто-то объяснит...

Дверь распахнулась и вошли... палочки? Не знаю, как точнее назвать существо, похожее на тонкий сухой ствол дерева, с чебуреком вместо головы. Натуральный такой зеленый чебурек плашмя. Если только у чебуреков бывает рот с уймой острых коричневых зубов и они обладают красными злыми глазками.

Один из пришельцев повернулся спиной... прошу прощения, четырьмя красными злобными глазками! Кстати, одеждой похитители не заморачивались. Все равно на этом стволе половые признаки отсутствовали как таковые. Где перед - они, наверное,

определяли по зубам. Нечищенным!

Вскоре аборигенов утащили куда-то и принесли Магрика, положив его лицом вниз на дальний топчан.

– Простите великодушно... – начала я.

Меня проигнорировали. Хамы! Туземцы вымелись наружу.

Уже стемнело, только обрывки рубашки белели в сумерках, поэтому разглядеть подробнее место заточения не получалось.

Дверь заперли, да и со связанными руками и ногами уйти отсюда невозможно. Я опутанным бревнышком попрыгала к эльфу.

Было немножко страшно. Я не верила, что он умер. Пугало то, что за все это время со стороны Маголика не доносилось ни звука. Избили? Усыпили? Околдовали?

Потом мне надоело устраивать бесплатный «цирк на проволоке», я рухнула всей попой на первый попавшийся топчан и распуталась.

Да уж, выпутываться из туземных лубочных канатов совсем не просто, но я справилась. Мои ногти в том порукой!

С горькими слезами я откусила два отломанных в неравной борьбе с веревками ногтя и уже по-человечески, ногами, спокойно подошла ближе.

И вообще, зато у меня с зубами все в порядке! И я не завтракала! Так что перегрызла все, что не распутала!

Он лежал на животе, вытянувшись вдоль деревянной решетки и отвернув лицо к стене. Руки расположены вдоль туловища вверх ладонями и расслаблены. На то, что эльф жив, указывала лишь ритмично вздымающаяся спина.

– Маголик, ты живой? – с опаской спросила я.

Молчание. Повторила вопрос. Ответа не получила, но, судя по замедлившемуся дыханию, эльф меня услышал.

Я наклонилась над ним и спросила нормальным голосом уже в самое ухо. Ухо дернулось, и эльф неожиданно застонал, прошипев:

– Если не убережешь локоть с моей спины, скажу расчебукам, что ты из нас самая вкусная!

Вот пакость лопухая! Я тут за него волнуюсь, а он...

– Маголик, сам виноват, придурок! Почему не отзываешься? Я тут чуть с ума не сошла, думала – ты помер.

– Леля... не говори глупостей. С чего бы я умер? – сдавленно сказал бывший наниматель. Ехидно: – Разве что от твоих песен...

– Гад этакий, ты еще издеваешься? – Я, плюхнувшись рядом на топчан, с досады тихонько хлопнула его ладошкой по лопатке.

Мне показалось, или со спиной действительно что-то не то? Мое касание вызвало у Магриэля невольный вскрик, который эльф подавил хриплым принужденным смешком. Не меняя позы, он распустил рукой косу и свободно расправил вдоль спины, закрывая шею и плечи каскадом волос.

– Ты давно здесь? – не размениваясь на ругательства и личности, коротко спросил Магриэль.

– Не знаю, – пожала я плечами. – Мне как-то забыли сообщить. Украли – и все. А ты?

– Точно не знаю... сутки или двое. Я, знаешь ли, был занят... – беззлобно пошутил эльф, не поворачивая головы. Тихо спросил: – Тебя будут искать?

– В смысле, если ты сбежал ночью... – Я присвистнула и зажала рот рукой. Но слова вываливались из меня, как из дырявого мешка: – Это ж сколько они меня под наркотой держали? Это ж для здоровья вредно! У-у-у, наркодилеры! И отвечая на твой вопрос – наверное, будут, хотя мы хотели искать тебя. Я даже аванс заплатила. Пообещала заплатить...

Хмурый ушастый заткнул мой водопад буквально парой слов:

– Это хорошо. Только я не сбежал... – И отрубился.

Странная молчаливость и заторможенность обычно дерзкого и надменного эльфа меня беспокоила. Я подняла ладонь и протянула ко лбу, но он, не глядя, перехватил руку пылающими пальцами.

– Маголик, да у тебя температура! Простудился? Заболел? У тебя лихорадка! Да отзовись ты наконец! С каких пор ты онемел?

– Со мной ничего! – твердо сказал Маголик, продолжая удерживать мою руку. Встряхнул и отпустил. Приказал: – Не лезь. У эльфов не бывает лихорадки, – закончил невнятно.

– Маго... – Тут мою речь прервал дикий вопль. Я подскочила и метнулась к дверце нашей клетки. Застучала по прутьям. – Выпустите нас отсюда! Мой друг болен! Что вы там делаете! Звери!

– Леля, не шуми! – негромко произнес Маголик, но *таким* тоном, что я немедленно заткнулась. Предостерег: – Если жить хочешь, не шуми... – После долгой паузы спросил: – Скажи, у тебя оружие есть?

– Нет. – Впервые мне стало жалко, что я не прирожденная амазонка и у меня нет тяги к потаенным заначкам с о-о-отакими ножичками, пистолетами и прочей мужской ерундой вроде метательных кинжалов, удавок или отравленных дротиков.

– Понятно, – едва слышно сказал Маголик. Его непривычно скованная поза, напряженное тело и странный, сорванный голос испугали меня гораздо больше любых вражеских угроз.

– Маголик, родненький, тебе плохо? – Я покрутила головой и увидела кувшин с водой. – Может, попьешь?

Эльф глухо ответил:

– Нет. Не хочу. Оставь пока себе.

– Маголичек, скажи, где болит? – Я чуть не заплакала. Он все так же лежал не двигаясь, вытянув правую руку вдоль туловища и отвернув лицо, словно вглядываясь в стену.

– Со мной все... в порядке, – с усилием сказал Магриэль. – Не беспокойся. Хочешь, расскажу тебе пару анекдотов?

– Нет, – отказалась я. – Лучше расскажи...

Вдали прозвучало еще несколько диких воплей, и все затихло. Вскоре воздух пронизал приятный запах костра. Я все-таки попыталась через ветки что-нибудь разглядеть. Мало что увидела, только одну большую улицу посреди селения. Еще через некоторое время с центральной улицы потянуло дымком с ароматом шашлыков.

Эльф привстал, покачиваясь. Его мучили сухие рвотные позывы. Я опять протянула ему кувшин, и он снова отказался.

– Тебе нужнее.

Н-да... Стряслось диво дивное, наш Маголик похож на человека! И я не о внешности.

– Леля, скажи, у тебя в карманах осталась та... пилочка для ногтей? – ровно спросил эльф, немножко придя в себя.

Я пошарила по карманам и с радостью нашла:

– Вот!

– Спасибо. – Эльф снял обувь и принялся отковыривать каблук ботинка. Под набойкой внутри каблука оказались какие-то серо-коричневые шарики размером с горошину.

– Что это? Где ты его взял? Зачем оно нам?

Маголик устало попросил:

– Леля, не перебивай. Смола дерева виши. Концентрированный наркотик, в разведенном виде – сильное успокоительное и обезболивающее. Выслушай внимательно. – Из горсти шариков вытянул три более светлого окраса и дал мне. – Я купил еще в городе, хотел... не важно.

– Так ты наркоман! – взревела я раненым изюбром, с недоумением зажав сомнительный продукт. – А так хорошо притворялся!

Эльф скривился:

– Нет. Я их в рот не брал, при тебе первый раз тайник открыл. Для меня смола – сугубо медицинский препарат, куплен для исключительных случаев. Слушай, Леля. Завтра... меня, наверное, отсюда заберут. Они, туземцы эти недобитые, – каннибалы. Перед тем как варить или жарить кого-то, сначала пытаются. Считают, мясо после того более вкусное. Деликатес, чтоб их! Кому кости перебьют, как тем бедолагам, которых ты только что слышала, а некоторым...

– А тебе? – с ужасом спросила я, начиная постепенно прозревать.

– Меня... каленым железом, а чтоб от них не удрал – разрезали сухожилия, – безразлично сказал Магриэль. – Неважно. Слушай, если меня завтра сожрут – дожись ночи и беги.

У меня подкосились ноги.

– До тех пор пили эту проклятую веревку, которой они дверцу сбоку завязывают. – Он указал на низкую дверцу наподобие лаза в углу.

– А-а... – проблеяла я. – Хорошо.

– Вот и умница. Дальше... Я... проглочу эту дрянь. Смола сразу не убивает, они ничего в отношении меня не заподозрят. На всю деревню тут хватит, чтобы спать день без просыпу.

– О-о... – Волосы на моей голове поднялись и зашевелились.

Брюнет продолжил наставления:

– Леля, не потеряй и не забудь: здесь три горошины тебе, если бежать не удастся. Одна порция – полное обезболивание примерно на шесть часов, горсть – спокойная, тихая смерть.

– А ты? – Меня заело, будто поломанный патефон. – Не хочешь сейчас выпить одну?

– Нет! – решительно отказался эльф. – Если выпью сейчас, завтра сразу не подействует.

– Прости, глупость сказала... а если выпить сейчас... горсть... раз считаешь, что тебя завтра точно съедят? – несмело спросила я.

– Местные падалью не питаются, – горько сказал эльф. – Хитрые, сволочи. Если раньше времени подохну, завтра к ним на стол попадешь ты. – Утешил: – Не волнуйся, у нас все получится. Я возьму в рот эту дрянь, – он задумчиво покатал на ладони шарики, – но проглочу не раньше, нежели дикари станут меня разделять. Тогда никто ни о чем не догадается. Когда они заснут, ты убежишь...

– Маголичек! Да как же, да что же это... – зарыдала я, порываясь обкапать слезами мужскую рубашку.

Тот вскинул руку, пытаясь остановить бурный потоп:

– Успокойся, Леля. Бывает. И не соли мне спину, и так больно... – Он прилег животом на топчан и вновь повернулся лицом к стене.

Я отошла и завалилась на топчан напротив.

Через час Магриэль впал в забытие, которое перешло в бесконечный тягучий бред. Маголик всю ночь просил прощения, я только не поняла – у кого, имени он по-партизански не называл.

Когда я под утро с перепугу затрясла его за плечо, эльф подкинулся и сразу спросил:

– Уже все? – Достал из кармана свои коричневые катышки и собрался глотать.

Еле остановила:

– Рано еще. Звезды на небе, солнца не взошли.

Он обрадовался:

– Хорошо! – Спать не стал. Полежал пару минут, повернулся ко мне лицом и чуть слышно позвал: – Леля! Если увидишь мою бывшую невесту Сириэль, передай... – Сглотнул слюну и внезапно передумал. Решительно потребовал: – Про меня не говори ей ничего. Пускай думает, что я загулял где-то в путешествии. – Эльф поднялся и требовательно уставился на меня пылающими в сумраке глазами. – Обещаешь?

Я опустила голову:

– Обещаю.

И тут раздался такой взрыв! Бабах!

Клетку покачнуло. Мы с Маргиэлем на полу в обнимку. Все трясется. Мне за шиворот какая-то дрянь насыпалась. Шевелящаяся!

Я честно терпела, пока слазила с потерявшего сознание эльфа. Но когда спустилась:

– А-а-а-а! – потому как что-то поползло по спине. Лапками.

– Никакого отрезвляющего не нужно, – прошелестел Маголик с пола. – Только твой нежный голосок басом.

– Молчи, несчастный! – Я скакала по клетке, вытрясая из себя насекомых.

Бабах!

Наше жилище окончательно перекошилось, и дверь повисла на одной петле.

Я успокоилась и выглянула наружу. А там... Вторая мировая!

Над поселком летало... крылатое пламенное нечто. Огненная не то змея, не то ящерица – огромная, юркая, сияющая, с длинным гребнем на спине. И это нечто скользило и поджигало все поблизости. Иногда проскальзывало через окна, двери, дымоходы и тут же вздымалось вверх, под облака. И опять несло с небес, пикируя на поселок, как вражеский истребитель. Смотреть на это было страшно и захватывающе.

Если б имела представление о местных волшебных тварях, я сказала бы – это огненный китайский дракон. Или шибко разожравшаяся саламандра. Но как *это* именуют здесь – представления не имею. В любом случае, надо отсюда уходить немедленно: не ровен час скользнет сюда – и придет нам финиш. Что мне, что эльфу. Я, конечно, за спортивные достижения, но не настолько. Мне милее совсем другие награды...

Кстати, местным живодерам тоже было невесело. Кроме летающей огненной молнии с неба падали горящие комки и испепеляли расчебуков на раз. Горели те сухостоем и зубами клацали. Я так рассудила – людоедским аборигенам сейчас не до еды и пошла выносить эльфа.

– Выплюнь каку!

Эльф неохотно выплюнул свою наркоту и припрятал. Умничка, я гораздо лучше наркотика. Крышу сношу на раз и стою гораздо дороже!

Я подхватила эльфа под мышки и потащила, как могла, в сторону от творящегося огненного ада, вжимая голову в плечи и старательно уворачиваясь от летящих палок и искр. Я даже Магриэля старалась прикрыть. Местами. Уж слишком его было много для меня одной.

Вы когда-нибудь тащили громадного накачанного мужика? Который к тому же мешается под ногами и стенает каждые пять секунд:

– Леля, брось меня!

В конце концов я не выдержала... (Учтите, мое терпение давно испарилось после двадцатой просьбы заткнуться!) И врезала в челюсть, благо она у него была здоровой.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно пробормотала я, снова беря этого жлоба под мышки. – А то «брось, брось», – передразнила, – в хозяйстве все сгодится...

Так и перла. Пыхтела, материлась, как портовый грузчик, но волокла. Пока не кончились силы.

– Ну и что мне делать? – плюхнулась я рядом с эльфом, размазывая по лицу пот, грязь и копоть. – Я ж не Сусанин, дорогу к своим и приблизительно не знаю, да еще этот на...

В голову пришла безумная мысль... наверное, от усталости заблудилась.

– Къяффу! – заорала я из последних сил. – Я ваша навеки, только помогите нам!

– Преждевременное обещание, – пробормотал очнувшийся эльф.

– Кафая пфересф! – Из-за кустарника выпрыгнул осьминогпаук. – Леля! Пфифеф!

– И вам здравствовать! – невозмутимо обрадовалась я. – Беру свои слова обратно – вы меня караулили!

– Посему? – удивился Фу-Фу. Неискренне так удивился. Фальшиво.

– Потому что врать – это искусство! – отрезала я. – Но вам оно недоступно! Почему вы так быстро пришли? Я только рот успела закрыть!

– Леля, только не говори, что у тебя это занимает пять минут! – затрясся Маголик.

– Я больных по почкам не бью! – ледяным тоном остановила безмерную прыть одного почти почившего эльфа. И ответила: – Я их так уничтожаю! Негуманно... – Повернулась к застывшему осьминогпауку. – Итак, когда мы все выяснили, можно ли попросить помощи для Магриэля?

– Фсе вто хошшесс! – заявил Къяффу, вываливая язык и ощупывая начавшего дергаться эльфа.

– Лежать! – рявкнула я. – Терпеть и болеть прилично! А то снова потащу сама! По кочкам! За ноги и лицом вниз!

– Плохо! – проскрипел Фу-Фу. – Нофи поффешшенны сильно.

– Что? – вскинулся эльф. – Что он говорит?

– Ходить будешь! – сокращенно и почти достоверно перевела я, успокаивая. Обратилась к осьминогпауку: – Что будем делать?

– Пазофась! – ответил Фу-Фу, осторожно закидывая Магриэля себе на спину. – И х лехафам!

– Счас к доктору поедем, – успокоила я эльфа, залезая рядом.

И мы попрыгали по кочкам. По кочкам, по кочкам, по ровной дороге, по кочкам, по кочкам, в ямку – бух! По кочкам...

– Лучше сразу прибейте! – простонал Магриэль.

– Ты хочешь, чтобы твоя смерть имела мое лицо? – поинтересовалась я, старательно удерживая мужчину на липкой и склизкой поверхности.

– Нет! – ответил он, хорошенько подумав. – Воспоминания о тебе я хочу сохранить незамутненно плохие!

– Тогда терпи! – посоветовала я.

– Пфиефали! – сообщил Кьяффу. И засвистел. Соловей, блин, с перископом!

На красивую поляну, полную цветов и бабочек, вылетело два... я потеряла глаза руками... крокодильчика?

Натурально, розовые крокодильчики размером с бультерьера, с желто-розовыми крылышками. И они улыбались. МАМА!!!

– Глюки, – потрясенно прошептала я.

– Фьоры! – радостно сказал эльф. С восторженным придыханием: – Я думал – их больше не существует. Я спасен.

– И чем мы надышались? – устало поинтересовалась я. – Болотными испарениями? Если вместе видим летающих розовых крокодильчиков?..

– Привет вам, о страждущие! – пропели видения наркомана со стажем. – Вы звadi нас – мы здесь!

– Привет вам, о... фьоры! – проявила я вежливость. – Мы тут, чтобы вы помогли нам! – Набрала в грудь воздуха. – Вот этот неотесанный жлоб очень хочет исправиться и встать своими ногами на путь истинный. Иначе его туда просто вынесут!

– Привет тебе, прекрасная дева! – пропели крокодильчики. – Мы сдедаем все, чтобы в твоих восхитительных годубых гдазах поселилась вечная радость!

– Привет вам, о фьоры! – В зубах завязло почище нелюбимой ириски, но ситуация того требовала. – Сделайте лучше так, чтобы у него в глазах поселилась эта радость! Я же хочу дожить жизнь в своем рассудке!

– Привет тебе, о мудрая дева! – Крокодильчики стащили эльфа на землю с помощью Фу-Фу и посыпали мужчину пылью с крылышек. – Мы цтим твое жедание, о дучезарная, и подарим тебе этого мужчину цедым и невредимым!

– Привет вам, о фьоры! – отшатнулась я. – Оставьте лучше его себе! Мне он и так надоел. Пусть рассчитается – и идет куда пожелает!

– Привет тебе, о бдистатедьная! – Крокодильчики начали скакать по эльфу вприсядку. – Кому-то нужно взять ответственность за этого воина! Хочешь ди ты отдать его Кьяффу?

Я посмотрела на суксившегося осьминогпаука, на разомлевшего эльфа и тяжело вздохнула:

– Привет вам, о фьоры! Беру, если очень надо! Но только оптом и на короткий испытательный срок!

– Привет тебе, о ведикодушная дева! – Фьоры забежали по эльфу, снимая с него одежду. – Нет предеда мидости твоей!

Ой, мама! Что ж эти расчебуки с ним сделали! Вся спина в ожогах и рубцах. Под коленями сплошные раны и обрывки окровавленных веревочек-сухожилий рядом с пятками.

Я сжала кулаки и удержала себя на месте усилием воли, чтобы не вернуться и не

устроить мучителям Третью мировую. Не пошла. Не люблю делать бесполезную работу – их там, наверное, и без меня добили.

Фьоры взлетели и потрясли на спину эльфа крылышками. Осыпавшая пыльца закрыла повреждения ровным слоем. И начала впитываться. Там, где уже впиталась, кожа становилась чистой и здоровой.

– Ого! – раззявила я рот. – Круто!

– Привет тебе, о сострадательная дева! – пропели фьоры. – Тебе нужно сомкнуть сухожилия у него на обеих ногах одновременно, иначе он будет хромать.

– У меня только две руки, привет вам, о фьоры, – сообщала я им, продемонстрировав обе конечности. – Давайте по очереди?

– Привет тебе, о изысканная дева, – взлетели крокодильчики. – Нужно сразу! Одновременно.

– Приплыли! – уныло сказала я. Поймать и совместить одной рукой оголенное скользкое сухожилие – можно даже не мечтать. – Магриэль, ты на какую ногу хочешь хромать? На правую или на левую?

– На голову! – сказал мне эльф. – Лучше прибей, но не оставляй калекой.

Я растерянно посмотрела на осьминогопавука, потом опустилась на колени рядом с брюнетом и честно попыталась проделать этот трюк.

На пятом заходе по моим щекам потекли слезы разочарования. И тут в пределах видимости появились еще одни мужские смуглые руки, которые зажали и соединили перерезанные связки на одной ноге, пока я то же самое проделала на другой.

Фьоры взлетели и посыпали пыльцой ноги эльфа. Я прямо почувствовала, как под пальцами начали соединяться волокна и крепко-накрепко срастаться пораненные сухожилия. Это чудо!

Кстати, задница у Магриэля была что надо! Сейчас можно было и полюбоваться! И тут до меня дошло!

Я перевела взгляд со славной задницы Магриэля на...

Передо мной на коленях по другую сторону лежащего ничком эльфа стоял симпатичный мужчина лет сорока. Одетый в сизую кожу с ног до головы: обтягивающие штаны (обтягивали все, и ему было что показать! Это не я думаю, это во мне говорит стресс!), такую же тесную майку (специально нацепил, чтобы пресловутые кубики пресса показывать! Не попал – тут все такие!), короткую расстегнутую куртку и сапоги. Смуглый, с резкими чертами лица. Прищуренные темно-синие глаза в лучиках мимических морщинок. Неожиданно полные чувственные губы, растянутые в полуулыбке. Длинная черная коса, свесившаяся на одно плечо из-под банданы.

Не поняла... Вроде как я эту моду ввела? А вообще ничего мужик, симпатичный, и кажется вполне надежным... У меня начался внутренний шизофренический диалог.

«О чем я только думаю? Откуда он взялся?» – пыталась взять бразды правления моя более здравомыслящая половина.

«А какая разница?..» – вмешалась легкомысленная.

«Дура!»

«Ну и пусть! Зато как он на меня смотрит...»

«А как он на меня смотрит?» – заинтересовалась порядочная я.

«Как будто взглядом ласкает и съесть хочет!» – припечатала романтическая натура.

– Вы кто? – Я суммировала обе и проявила интеллект в зачатке.

Мужик еще шире улыбнулся, показав ряд белоснежных зубов. Встал с коленей, отряхнулся и, протянув мне руку для помощи, сказал густым басом:

– Догадайся сама, о прекрасная Леля!

Я посмотрела на протянутую руку, как на ядовитую змею, скривилась и «догадалась»:

– Если вы думаете, что я такая умная и буду сейчас с вами до ночи играть в шарады...

– Привет тебе, о сострадательная Леля! – запели фьоры. – И тебе привет, о правитель всех паосов, Кьяффу! Мы сдедали свою работу и удаедемся!

Вот жулики! Все время мошенничают. Имя Леля – правильно произносят, без «д».

– Спасибо большое! Привет вам, о фьоры! Просто огромное человеческое спасибо! – И тут до меня начало потихоньку доходить. – Кто?! – Я застыла. Машинально помахала ладошкой улетающим крокодильчикам. Подпрыгнула с колен – и откуда только силы взялись! – Ты – Кьяффу?!!

– К твоим услугам, восхитительная Леля, – склонил голову в приветствии осьминог пау... мужчина, приложив правую руку к сердцу. – Нет ничего, чего бы я не сделал для тебя, о мой побратим!

– Сгинь с глаз моих! – от неожиданности выпалила я. – Или я за себя не ручаюсь!

– Ты устала, сокровище князя, и потому говоришь неправильные вещи! – невозмутимо сообщил мне оборотень. – Когда ты отдохнешь и расслабишься...

– Забудь о наших отношениях! – категорично перебила его я. – Ничего никогда не было! И я не давала тебе номер своей аськи!

– Ты просто устала! – все с тем же терпеливым выражением поведал он мне прописную истину.

А то я сама не догадалась? Догадалась! Только эльф пыльцой надышался и залег в спячку. А тащить амбала уже с целыми ногами – процесс интимный, к Магриэлю не относящийся!

– Я поделилась с тобой самым сокровенным, что есть у меня! – сморщила я нос. Со слезами: – Позывными скайпа! А ты даже не сказал мне, что можешь выглядеть прилично!

Мужчина остолбенел. Потом отмер и нахмурился:

– Это вторичная ипостась! Она – неприличная, только на случай крайней необходимости! Я тут практически голый стою!

– Голый – он! – Я деликатно указала на преспокойно дрыхнувшего эльфа. – А ты в коже!

– В своей! – рявкнул Кьяффу.

Никогда больше не назову его Фу-Фу! Потому что он гад, предатель и «фу-у-у»...

Именно этот момент выбрал эльф, чтобы повернуться на бок, ко мне лицом. Я прикипела взглядом.

– Теперь я знаю, почему эльфы безволосые, – ликующе поделилась я наблюдением. – У них весь ресурс в другое место уходит!

– Тебе нельзя на *это* смотреть! – почему-то разъярился Кьяффу и, перепрыгнув Маголика, встал прямо передо мной, старательно загораживая вид.

– Почему? – неподдельно удивилась я. – А на тебя можно? Ты вроде как тоже признался в неприглядном!

– Не смотри! – заорал мужчина. – Ты принадлежишь другому, и это крайне...

- О как! - выкатила я глаза. Замахала руками. - Кто тебе сказал такую пакость? Все враки! Я бездомная и ничейная!

- Это пока тебя не нашли! - «успокоил» меня глава паосов. - Но когда князь...

Я только собралась было возмутиться...

- Пыльца была с глюками, - с некоторым запозданием сообразила я. - Не иначе! И у меня опять иммунитет! На меня только успокаивающее плохо действует. У тебя нету? - деловито обратилась к осьмино... оборотню. - Будем на равных!

- Че-его?... - недопонял паос.

Тут на поляну с гиканьем выскочили ушастые братья во главе с Ладом.

Къяффу мгновенно отлетел от меня и снова стал осьминогоспауком.

Ничего себе скорость! Его в армию нужно - ра-а-аз! И оделся!

- Леля! - Чертеночек орал как резанный. - Ты в порядке?

- Привет вам, о эльфы! - пропела я. - Привет и тебе, о Лад!

- С фьорами пообщалась, - сделал вывод чертик, заметно успокаиваясь.

- Фьоры - сказки! - убежденно сказал Лелик.

Из леса вылетел крокодильчик, покружил перед обалдевшим блондином и пропел:

- Привет тебе, о дубогодовый! Раскрой свои зенки и верь тому, что зришь! - стукнул блондина хвостом по лбу и смылся.

Я ржала та-ак... наверное, так ржут кони на выгуле. От чистой, незамутненной радости. Меня корчило от смеха, текли слезы, болел живот.

- Лелечка, - осторожно обнял меня чертик, поглаживая по затылку хвостиком. - Тебе нужно успокоиться.

- Я уже просила дозу! - вытерла я слезы. - Мне не дали, успокаивали своим экзотично-неприличным видом в коже!

Лад мгновенно повернулся лицом к обескураженному Къяффу. О чем они там разговаривали взглядами - я не видела, но паос заковырял землю всеми лапками и сделал вид, что он пень трухлявый.

- Закончили? - поинтересовалась я. - Уже можно дышать?

- Ты о чем, Лелечка? - совершенно неискренне удивился чертик, отвлекаясь от осьминогоспаука и поворачиваясь ко мне.

- Не верю! - подняла я перст к небу. - Как заместитель Станиславского в этом мире, говорю прямо в лоб - врешь отвратительно, без души!

- Я же ничего не сказал! - возмутился чертик.

- Это еще хуже, - вздохнула я. - Ты подумал, а это вредно! Ибо вы, мужчины, думаете только одним местом!

- Это каким? - сладко улыбаясь, поинтересовался чертик.

- Тем, которое у Маголика не прикрыто! - так же приторно улыбнулась я в ответ.

Лад окинул взглядом спящего эльфа и заявил с полной уверенностью:

- У него все оголено. Специфицируй!

- Не могу, - надулась я. - Это как раз наглядное пособие! Все! Полностью!

- Опять ты не туда смотришь! - почему-то озлобился чертик.

- Вот! - Я ткнула указующим перстом уже в него. - Явное подтверждение того, о чем и чем вы думаете! - И пошла к тусующимся невдалеке братьям, отчищающим друг друга от пыльцы фьоров.

- Привет вам, о эльфы! - пропела я и полезла обниматься.

- И тебе тем же самым туда же, - мрачно ответил Болик, но все же позволил себя потискать.

- Лялюша! - расчувствовался надышавшийся амброзии фьоров Лелик. И сам меня стиснул в объятиях. - Я так по тебе соскучился!

- Может, уже хватит нежностей? - ядовито полюбопытствовал вездесущий Лад, нервно подергивая хвостиком. Чертяка выпрямился и расправил плечи, надуваясь и становясь крупнее и как-то объемней. Прищурил огненные очи и жирно намекнул, скосив глаза в сторону нечаянного нарушителя приличий: - Вы собрата прикрыть не хотите?

- Магриэля? - вытаращились братья, зажимая меня между собой. - А что с ним не так?

Чертик решительно выдернул меня из тесного семейного кружка и с неожиданной силой отпихнул подальше от спящего тела. Съехидничал:

- Ничего, что он голый?

- Так целый же! - не мог понять проблему Лелигриэль. - И живой. Это самое главное! - И снова попытался выказать мне свою симпатию. Я, собственно, и не сопротивлялась его обнимательному душевному порыву.

- Тут девушка! - с нажимом в голосе и тяжелым взглядом в мою сторону процедил Лад, без лишних извинений трамбуя эту самую девушку себе за спину. Так сказать, подальше от загребуших ручек эльфов. - И ей не пристало...

- Лелечка, что к тебе пристало? - комично всплеснул руками блондин, блестя удлинненными глазами. - *Это?*

- И чего она не видела? - одновременно с братом пробурчал шатен. - Какая часть мужского тела ей незнакома? Особенно после ночевки с троллем!

- Ты спала с троллем? - ужаснулся чертик, разглядывая мое задумчивое лицо. - По-настоящему?!

- Нет! - окрысилась я. - Мы с ним в бирюльки играли! Всю ночь! На раздевание!

- И как? - Троица дружно заинтересовалась результатом.

- И никак! - развела я руками. - Никто не выиграл - спали одетыми. Но по-настоящему.

- Вот это извращение-э... - восхищенно протянул Лелик. - У меня так никогда не получалось! - Сграбастал мою ладонь. - Хочу пожать твою мозолистую руку!

- Придурок! - глубокомысленно констатировал Болик. - У нее в гареме уже давно мозоли сошли!

- Два придурка! - рявкнул Лад, оттаскивая меня от братьев. - Займитесь родственником, пока он не умер от переохлаждения!

- Магриэлю это не страшно! - пробурчал блондин, но в сумку за одеждой полез, правда, без особой охоты. Потер шею и с упреком заметил: - Он после своей помолвки так надрался, что перепутал свою комнату с ледником и два дня там отлеживался, пока его искали. Сказал, что очень удобно было. Прохладно.

- Так вот он где себе голову отморозил! - с некоторым запозданием сообразила я.

Эльфы мигом натянули на неподвижное тело штаны и рубашку, поверх - легкую тунику-безрукавку.

- Пошли! - Лад потянул меня прочь. - Нам нужно отсюда уходить!

- К Мыру? - расцвела я.

Чертик застыл, как суслик, обнюхавшийся скусса. Под моим напряженным взглядом отмер, отрицательно потряс головой и снова потянул меня прочь.

- Ты не ответил! - Я вырвала основательно помятую конечность. Посмотрела на нее внимательно и спрятала за спину. На всякий случай.

- Нечего отвечать! - отгрызнулся Лад. - Нужно шевелить ножками и подальше убираться отсюда, пока вторая колония расчебуков не очухалась и не пошла нас искать!

Все тут же согласились. Кроме меня.

- А он? - указала я на Магриэля, уже почти одетого усилиями братьев.

- Его повезет Кьяффу, - коротко ответили мне.

- Угу, - кивнула я. - А где Мыр?

- Да что с тобой, женщина! - взорвался чертик. - Мы говорим об опасности, а ты стремишься к троллю!

- Пять минут назад была девушкой, - фыркнула я, отступая от чертенка. - Меня повысили?

- Нет! - заорал Лад. - Понизили! Тьфу! Это неважно! Какая разница!

- Большая, - нравоучительно заметила я. - И жаль, что тебя миновало это знание. Так где Мыр?

- Нас съедят! - завопил чертик, прыгая вокруг меня и наводя коллективную панику. - Живьем!

Ох, бедненький! Красненькому с пяточком в этот раз страшно не повезло. Катастрофически. У меня в банке никто не паниковал! Там царил военный порядок и строгая дисциплина. И вообще... разводить тут психоз и панику имею право только я, как особь женского пола! Остальным в этом праве отказано.

- Подавятся! - Я стояла как баобаб. - Где Мыр, я спрашиваю? Потом перейду к более радикальным мерам, и ваши расчебуки покажутся вам всем просто ангелами!

- Да зачем он тебе? - бесновался Лад.

- Хочу спросить - почему сейчас опиум для народа?! - невозмутимо стояла я на своем.

- Какой опиум? - Чертик застыл в той же позе, как и прыгал.

- Радужный! - соизволила ответить я, под дружное хихиканье братьев, уже закончивших обрядование тела Магриэля.

- Поясни. - Чертеночек решил не искушать ни судьбу, ни меня.

Благоразумно. Я, конечно, не собака, но если вцеплюсь... каждый пусть сам додумывает последствия.

- Если на мой браслетик можно купить дом... - начала я, растерянно крутя в пальцах кулон, доставшийся от князя. - То сколько же зарабатывает проводник, чтобы так потратиться на незнакомую, в сущности, девушку?

Лад смутился. Эльфы задумались.

- И вообще... - Я собиралась сказать, что серьги оставила в гареме.

Но тут Лад метнулся к моей торбочке, притащенной братьями со всем прочим барахлом, и ловко вытащил пропажу.

- Смотри! – ткнул он мне серьги под нос. – Они совсем маленькие! Крохотные.

- Лелигриэль! – позвала я надежного эксперта по цацкам. У того глаз наметанный, я еще с базара помню его грамотные замечания. – Сколько стоят эти побрякушки?

- Два дома, – без запинки отрапортовал эльф, задумчиво глядя на Лада. Минуту спустя растерянно выдал: – И вправду тролль хорошо зарабатывает!

- Может, это наследство?!! – не успокаивался один хвостатый хмырь.

- А я – сейф для его хранения! – широко улыбнулась я. Тут краем глаза заметила отползающего в сторону леса Кьяффу и гаркнула: – СТОЯТЬ! Мы еще не выяснили, как снимается твоя кожа! Я буду практиковаться!

Осьминогopaук вытаращил глаза и нечаянно вывалил язык. Потом быстро-быстро смотал его обратно и зажал челюсти передними лапками. Пантомима вроде того: ничего не скажу, хоть пытайте!

- Скажешь! – ласковым тоном маньячки со стажем пообещала я. – Все мне расскажешь! И почему оборачиваться умеешь, и зачем маскировался! И для чего за кустами сидел!

Кьяффу еще сильнее зажал челюсти и помотал туловищем.

- Не сопротивляйся, красавчик! – оскалилась я, упирая руки в боки. Перевела взгляд на чертика, который тоже, по-моему, уже засобиравался куда-то срочно испариться, и вернулась к паосу. – Пока дыши, у меня тут еще дела... Но ты на очереди! – Пока рыжий тринадцатый номер не удрал, опять приступила к нему. – Так где Мыр?!

- Его тут нет! – решил закосить под идиота Лад, быстро сдавая задом.

- Хм, я заметила! – Невозмутимость – мое второе я. Садизм – первое! – Так где он?

- Ну-у... – начал нервозно мямлить Лад, пока я вдевала в уши «два дома». – Понимаешь... он...

На поляну с гиканьем и воплями выскочил отряд расчебуков и с завидным единодушием ткнул в нас корявыми пальцами:

- Жрать!

- Счас! – разозлилась, представив, как я тащу на заливке пятерых раненых мужиков. Легче сразу своей рукой добить! И такое что-то темное и опасное изнутри поднялось... уже самой стало очень страшно. – Стоять молча и не перебивать!

- Еда разговаривает? – прошамкал ближайший ко мне уродец. – Странно!

- Станный – это ты! – выступила я, пока мужчины занимали круговую оборону и доставали всяческие ножики-режики. – Я сегодня папа Карло! И у меня жуткое желание остругать вас всех под Буратино!

- Ее не берем! – решили расчебуки. – Бешеная! Хватай остальных!

- Они тоже заразные! – хмыкнула я. – Мы так давно и тесно общаемся, что они все заразились!

- Отмоем! – зловеще пообещали уродцы и начали обходить нас с флангов.

- Как-то их слишком много! – поделилась я наблюдениями. – И примите в наш тесный кружок Магриэля, пока его тут внизу под шумок не обглодали втихомолку!

- Ты помолчать можешь? – оскалился Болик, заталкивая меня за спину.

Я не далась. Смысл?..

- Могу, – согласилась я. – А зачем? Молчаливые меньше котируются на пищевом рынке?

- Фефя! – предупреждающе прошипел осьминогopaук, загораживая меня с другой

стороны и тоже подпихивая за спины товарищей.

- Сам такой, - хмыкнула, но заткнулась. Было страшно. Очень страшно.

Хрясть!

На самую большую группировку монстриков приземлился большой шар и заорал:

- Вам кто позволил немытыми руками дитё хватать?

Расчебуки как-то сникли и даже растерялись. Так, видимо, на них никто еще авторитетом не давил.

- Няня! - радостно заорала я. - Я тут!

- Мы голодные! - обиженно заявил один из самых смелых монстров.

- Я тоже есть хочу! - в свою очередь злорадно сообщила я, упираясь в «истощенного» наглеца особо тяжелым взглядом.

Няня осмотрелась вокруг и начала сгребать под мышку уродцев со словами:

- Сейчас, мое дитятко! Сейчас, моя хорошая! Вот только на растопку палочек наберу - и сразу тебе что-то приготовлю!

- Спасибо! - несмело поблагодарила я, пока моя охрана обалдело хлопала ресницами и соображала - дадут им сегодня подраться и геройски погибнуть или нет.

Оказалось, не судьба. Расчебуки поняли: няня - наше секретное и сверхмощнейшее оружие! - и начали тактическое отступление в лес.

- Специй нет, - обиженно посетовала Ар'Инна. - Эй, ушастые, у вас есть? - И начала складывать кострище из монстров. Расчебуки старательно расползались в стороны. Няня, прилагая некоторые усилия, их придерживала.

- Нет, мадам, - радостно ответил Лелик, отпихивая и давя ногами стремящихся к свободе поверженных монстриков.

- Привет тебе, о шмырг! - вылетели из леса фьоры. - О! Падоцки! О! Зубоцистки! Хрусть-хрусть! Ням-ням!

- Дурдом! - заявила я, рассматривая дивную картину побоища. Мужчины с мечами стояли молча, а одна женщина и крокодильчики неимоверно быстро управлялись с нашествием. М-дя-а-а...

Вскоре наступило дивное время собирать дрова, поскольку Ар'Инна потеряла всяческое терпение и теперь ломала расчебуков с «Ух, хорошо пошло!» через колено, а фьоры заготавливали запас лучины. Примерно через полчаса мы имели большой костер...

- Что это было? - озадачился Болик. - Это кто?

- Привет вам, о эльфы! - пропела я, давая обоим братцам легкие подзатыльники. - Это моя няня!

- Да ты что! - поразился в самое сердце Лелик. - Я так всегда и думал - ты не выросла! - Окинул меня взглядом и добавил: - В некоторых местах...

Пока я раздумывала - наступить на ногу или уничтожить словесно, к нам подлетел крокодильчик и закружился рядом.

- Привет тебе... - завела я шарманку.

- Да дадно, - благодушно махнул лапкой фьор. - Тут все свои! И так уже с приветами!

- Я - нет! - гордо отказался Болик.

- Привет тебе, о гдупый эдьф! - пропели мы с фьором и хлопнули друг друга по

ладошкам.

- Нужно срочно отсюда уходить! - отмер Лад. - По-моему, сюда идет боевое подкрепление...

- Нам уже хватит! - согласилась няня. - Можно, конечно, заготовить про запас, но ведь разворуют...

- Их слишком много! - отрапортовал чертик, не прекращая прислушиваться. - Нужно идти сейчас!

- Поздно! - похлопал себя по пузику второй подлетевший фьор. - Вы окружены!

- Дитё голодное останется! - опечалилась шмырг. - Столько работы - и все насмарку! Досадно... вместо приготовления пищи погребальный костер этой нечисти получился!

- Вы бы лучше о душе подумали! - сообщил ей Лелик.

- О чьей? - удивилась няня, успевая помешивать в котелке, который она выудила буквально из воздуха. Или вытрясла из эльфов? Я, честно говоря, не видела.

- О своей, - пояснил Болик. - Сейчас нас будут есть!

- Кто сказал? - спокойно спросила няня.

- Так расчебуки же! - тоже удивился такой твердолобости блондин.

- И что?! - Няня посолила варево.

- Они все едят, - пустился в объяснения белокурый эльф.

- Я в курсе этих ложных сведений! - заявила няня, стаскивая с огня как-то очень быстро приготовившуюся похлебку. Попробовала на вкус, зажмурилась и спросила меня: - Дитяtko, кто тут тебе нужен?

- Да все, собственно, - растерянно огляделась я.

- Даже этот, недееспособный?.. - неуважительно ткнула Ар'Инна ложкой в Магриэля.

- Этот особенно, - улыбнулась я с немалым внутренним злорадством. - Он мне денег должен.

- Уважительная причина, - согласилась няня. - И чего тогда валяется? Почему не работает?

- Перетрутился! - надула я губы. - На заслуженном отдыхе мужчина!

- ЧТО?!! - заорал Лад, стягивая через голову тунику с длинным рукавом и в растерянности вытирая руки о темную майку. Под туникой скрывалось поджарое, почти юношеское тело в темно-синих полусвободных парусиновых штанах. Тунику он повязал себе на пояс, как пиратский платок. - Когда он успел?

- Отдохнуть? - наивно удивилась я.

- Устать! - выверился чертенок.

- Бесноватый! - заявила Ар'Инна. - И внутренне - тоже! Его берем?

- Берем! - кивнула я. - Он мне важные сведения должен и не говорит. А куда?..

- Подальше отсюда, - сообщила няня и дунула на нас, щелкнув пальцами.

- Мне не нафо! - Это были последние слова Кьяффу...

Мир покачнулся, мигнул и сменил картинку. Мы базировались в устье широкой реки, впадающей в море. Или океана, что в данном случае мне лично глубоко без разницы. Синее-пресинее небо, серо-стальное море с барашками волн, белый песок. Вдали черной громадой высился обширный горный массив. Без ледников, но пики гор были серо-

черные, острые и угрюмые. Если бы я была геологом, наверное, многое могла бы о них с первого же взгляда рассказать, а так на основе уроков географии могу сказать только одно – это довольно свежие скальные образования, так называемые «молодые» горы.

Чудеса. Все прелести в одном месте. Песчаное побережье с пальмами и кактусами. Поляна. Тропический лес с лианами и краешком мангровых зарослей. С одной стороны – речной участок, с другой – бескрайний океан. Правда, в отличие от берега речки, морской пляж усеян острыми каменными осколками и крупными валунами обветрившейся породы. Кажется, еще не так давно тут была суша, а потом по какой-то причине ее сожрал океан. Мало верится, что за десяток-другой лет море не обточило бы все эти обломки до состояния гладкой гальки.

Было жарко. Речной пляж звал на отдых, дальний морской внушал опаску. Да и чего там делать с моей обувью? И еще неизвестно, что там под водой. Если острые камни – то, говорят, в южных странах садины на ногах очень плохо заживают.

– Это уже Мексика или рай для критика? – вырвалось у меня после обозрения странных окрестностей.

– Критика? – переспросил Болик, смешно коверкая слово. – Кто это?

– Это существо, жрущее кактусы в больших количествах, предварительно полив их горючими слезами, – пояснила я.

– И чего реветь? – удивился Лелик, недоуменно моргая длинными ресницами. – Если кактусы нравятся – ешь себе на здоровье. Не нравятся – не ешь. По-моему, тут все просто и без затей.

Магриэль, наверное, тоже бы что-то сказал жутко умное, но он все еще пребывал в царстве грез и понятия не имел, о чем именно говорить.

– Не знаю, – пожала я плечами, присматриваясь к злобному чертику. – Говорят, раса такая странная... Они всегда так поступают: сначала ищут только кактусы, потом с плачем их едят, а затем иголки выдергивают из...

– Давай без подробностей! – заявил Лад, трясаясь от ярости. Непонятно почему.

– Я, собственно, и не тебе что-то объясняла, – повернулась я к нему спиной.

– Сейчас мы будем есть! – заявила няня.

– А мы где? – поинтересовался Кьяффу.

– Догадайся! – Лад выскочил вперед и яростно ткнул когтистым пальчиком в реку и кактусы. – Ничего не напоминает?

– Кармидо? – осторожно предположил осьминогopaук, смешно покачиваясь на своих длинных лапках и вращая глазами.

– Угу! – Если б чертик мог, то сейчас взлетел бы без ракетного топлива, только на чистой злости.

– Эфо на дфуфом конше?! – потрясенно прошептал паос и с уважением покосился на шмырга.

Та радовала всех неизменной жизнерадостностью и абсолютной невозмутимостью. Естественно, с чего ей волноваться – дитятко при ней... а что зашвырнула толпу народу в пустыню Гоби – так это все нормально!

– Зато тут для дитяти безопасно! – ошастливила народ бубликообразная няня. – Итак...

– Мать честная! Мы теперь до дома будем полгода добираться! – дошло до эльфов. Красавчики встrepенули ушками. – Здорово! Пока идем, придумаем – что родне сказать... может, сразу не убьют!

Мило. Еще нашлась компания жизнерадостных идиотов, чтоб мы не завяли от скуки!

– Итак! – с нажимом сказала Ар’Инна. – Сейчас мы будем есть! Ты! – Она показала котелком на Къяффу. – Идешь за мясом. Только, чур, добычу не слюнявить и не облизывать. Слюни негигиеничны и неэстетичны.

Паос в глубокой мудрости своей спорить не стал. Взял под козырек и умелся за добычей провианта.

– Вы! – Котелок переместился в направлении эльфов. – Идете за дровами. Вместе. И не отвлекаетесь на всякие мелочи вроде бабочек, цветочков, пыльцы, грибов и мха! Просто собираете сухостой и, не задерживаясь долго для удовлетворения своих надобностей, приходите обратно! Понятно?

Братьям понятно было все, и они тоже быстренько утопали подальше от навязанного воспитания и поближе к родной природе.

– Ты! – Няня перевела котелок на чертика. – Отойди куда-то в сторону и не цепляйся к ребенку.

– Может, чем-то помочь? – прошипел сквозь стиснутые зубы Лад.

– Ты создание бесполезное, крайне шумное и беспокойное, – резюмировала Ар’Инна. – Можешь взять этого, – она указала на Магриэля, – и уединиться с ним где-нибудь в тени. Вы друг друга как раз уравновесите!

– Тьфу! – сплюнул чертик и скрутил фигу. – Я лучше на разведку пойду!

И ушел с гордо задранным хвостом.

– Когда мужчине нечем заняться, – нравоучительно сказала няня, – он всегда идет на разведку и находит там новые проблемы, потом несет их домой и вручает спутнице жизни! Таков закон джунглей отношений!

– И что ты предлагаешь? – попыталась я прощупать толковую няню.

– Иди в реку купаться! – поделилась со мной мудростью Ар’Инна.

И я пошла топить. Поскольку плавала я стилем «топор изящный, но топор», то от берега благоразумно не отплывала. Скинула штаны с сапогами и пошла купаться в длинной рубашке. Плескалась в теплой чистой воде около берега и радовалась неиспоганенной экологии.

– Как же здесь все же здорово! – скакала я в реке, хлопая ладошками и создавая брызги.

Солнце перевалило за полдень и опаляло кожу своим зноем. Яркие лучики бликовали на водной поверхности, даруя осколки искрящейся радости. Впервые за последнюю неделю мне удалось полностью расслабиться и насладиться уединением. Я ужасно устала от гаремных шпионов, трехкопеечных чужих тайн и чьих-то происков. А тут все просто – речка, песок, пальмы и небо. И ни с чем не сравнимый запах моря, который проникал в ноздри легчайшим бризом.

Водичка была не слишком мутная и очень приятная. У самого берега паслись стаи мальков, которые даже не особо пугались и не удирали от моего плюханья. Эти мелкие рыбки временами даже пощипывали меня за икры и лодыжки, будто ждали от меня лакомства. Совсем непуганые.

– Я одна! Все просто замечательно! – напевала я, ныряя в воду и выныривая обратно.

– Я бы так не сказал! – настиг меня голос. Чужой и мужской.

Застыв на месте, я тихонечко повернулась в направлении звука. Из воды высовывался чей-то любопытный синий нос и не менее любопытный глаз. Смутно напоминавший...

– Рыбка? – севшим голосом поинтересовалась я, на всякий случай отступая.

– Все еще в сказки веришь? – сказали уже позади меня в тот момент, когда я уперлась спиной во что-то большое, твердое и с руками.

Руки, кстати, не бездельничали, а тут же начали меня оглаживать и лапать. За лопатки. Тоже мне, *натуглопат!*

Я попыталась резко обернуться, испуганная словами, прозвучавшими почти в самое ухо. Мне не дали, мягко придерживав за голову, и подергали у корней за волосы.

- И что вы там нашли? - прошептала я, судорожно раздумывая - кричать погромче или потопят и так?

- Пока еще ничего, - ответили мне. - Но могу еще раз поискать что-нибудь.

- А что ищем? - Я решила встретить опасность лицом к лицу и все-таки повернулась. Встретила, угу. Лицом в голубую грудную мышцу.

Сзади произвели диверсию и ткнулись мне чем-то холодным и твердым между ног.

Я завопила от неожиданности, подпрыгнула и попыталась взять препятствие спереди. С разбега не получилось. Запал закончился где-то примерно на середине, и я оказалась верхом на голубокожем красавчике с потрясающей фигурой.

Мужчина был с татуировкой, идущей посередине черепа от примерной линии роста волос на лбу. Что-то такое, исполненное фиолетово-синей, почти черной вязью символов и букв в форме не то широкой ленты, не то стрелы.

Он заглянул мне в лицо, уголок его рта дрогнул шальной полуулыбкой. Незнакомец пах морем и соленым свежим ветром. И еще чуточкой специй, чем-то с легкой примесью цитруса и бергамота с кардамоном. Как намек на что-то необычное.

- Извините, - пролепетала я, краснея от неловкости положения и ощущения крепости рук, поддерживающих меня под ягодицы. - Возможно, наше знакомство сейчас происходит не вовремя, но меня зовут Леля. И мне весьма стыдно за свое неоправданное поведение.

Мне подмигнули густо-синим глазом без радужки, улыбнулись полными, красиво изогнутыми губами, показав два небольших клычка, и сказали:

- А мне не стыдно. Когда еще такую девушку удастся на руках подержать!

- Курлы-мурлы! - завозмущались сзади. - Мурлы-турлы!

- Тебе по статусу не положено, - отрезал атлет.

Я засмотрелась на его изящные округлые ушные раковины, несколько уменьшенные относительно обычных человеческих размеров, и мерно двигающиеся узкие жаберные щели за ушами на шее.

- Вы с кем разговариваете? - Я попыталась отклеиться от широкой груди. Не удалось. Прижали еще сильнее и покачали на волнах: вверх-вниз, вверх-вниз. Меня в детстве родители так качали. Ласковые руки меня совсем не тискали, нигде не мацали - просто осторожно придерживали.

Тут мне пришла в голову замечательная идея - покричать. И я ее реализовала. Тихим-тихим шепотом.

- А-а-а-а! На помощь! - Почти беззвучно, но твердо. Чтоб все знали. Конечно, я хотела закричать громко, очень громко. Жаль только, мое горло этого не позволяло. Голосовые связки со страху будто замерзли, их сжало спазмом. Вот и получился такой себе... полуписк.

- Слышишь, Римо, нас боятся! - весело сказал мужчина, бережно покачивая меня на руках и нагло улыбаясь.

Из-за его спины показалась ухмыляющаяся морда дельфина-афалины. Ага. Если только дельфины имеют зубы, как у акулы, и гриву, будто у жеребца.

- Это не смешно! - просипела я, пытаюсь одновременно выскользнуть из рук, не смущаться мизерного количества одежды на моей персоне и не думать - сколько надето

на моем собеседнике. Я уже заметила – в последнее время в этом мире стало очень модно расхаживать в коже. Своей.

– Нет, – согласился незнакомец. – Но очень забавно!

– Не очень! – не согласилась я и удвоила старания.

– Ты куда-то спешишь? – спросили меня очень вежливо, но выражение лица было откровенно насмешливое. И придержали за рубашку, словно малыша, который учится ходить.

– На берег, – призналась я.

– А где он, твой берег? – поинтересовался атлет, поднимая меня повыше и оборачиваясь вокруг своей оси.

– МАМА! – прорвало меня.

Вокруг одна вода. Бескрайняя. Ничего даже отдаленно напоминающего сушу.

– Мама тут точно нет! – просветили меня под звонкое хрюканье неправильного дельфина.

– А кто есть? – Я вцепилась покрепче за мощную шею и приказала себе не думать ни о чем, кроме спасения собственной жизни.

– Есть я! Кстати – Домир, и мой помощник Римо, – представился атлет, очень благосклонно восприняв мою попытку удушения.

Римо выскочил из воды, сделал пируэт, похлопал плавниками и показал мне толстый розовый язык.

Я судорожно сглотнула.

– И вам здравствуйте. – Если меня взяли в заложники, то не стоит обострять отношения с похитителями. – Какие у вас требования?

– А у вас? – широко осклабился Домир.

– Хочу на берег, – призналась я, отыскивая в себе признаки пресловутого «стокгольмского синдрома» и стараясь не пялиться в открытую на красавца. Мало ли что ему взбредет в голову?

– А поговорить? – изогнул аркой бровь Домир. – По душам?

– Не могу, – честно призналась я. – У меня душа в пятках, а они не разговаривают.

– Логично, – признал мою правоту мужчина. – Но кроме слов есть еще и жесты. Мы бы могли...

– Не могли! – замотала я головой. – Нет! У меня выдался крайне тяжелый день! И мне неудобно! И все это неприлично! Я не одета...

Мышцы под руками напряглись, как стальные канаты.

– Я тоже! – поставили меня перед фактом, который оказался для меня явно малоприятным. И явно лишним.

Глаза водного жителя были глубокими озерами синей воды, темными и таинственными омутами. И вообще: постоянное общение с образчиками мужской красоты в разных вариациях навевало ностальгические воспоминания о тролле. Рядом с ним мне никогда не приходили мысли о прическе или степени раздетости. С ним можно быть самой собой...

– Э-э-э... – Это была весьма красноречивая фраза, передающая с достоверной точностью состояние имени меня.

– Не веришь? – хитро прищурился мужчина. Он вел себя с такой беспроницательной смесью очаровательной дерзости, джентльменства и обаяния, что русалки, наверное, за ним табунами гонялись. Слава богу, что я не из этих мест. И без хвоста!

Я истово закивала – верю, верю! Но мне все же решили продемонстрировать. И за что мне такое счастье?

Атлет начал каким-то образом подниматься из воды, придерживая меня на сгибе одной руки. Я уже было собралась зажмуриться, когда показались косточки бедер. Но дальше пошла... чешуя.

Опа! Я даже нагнулась вперед, наблюдая за красивыми переливами радужной чешуи на мощном огромном рыбьем хвосте.

– Впечатляет? – полюбопытствовал голубокожий, покачиваясь на волнах и шлепая по воде мощным русалочьим хвостиком. Натуральный русал... э-э-э... тритон!

– Не то слово! – кивнула я, с неподдельным природоведческим интересом выискивая первичные половые признаки. Сколько ни искала – не нашла. Наверное, наш тритон при размножении, как рыба, мечет молоки. Ну, это не наш метод.

После проведенного исследования немного успокоилась и с внутренней дрожью максимально невозмутимым голосом уточнила:

– Есть будете?

– Угощаешь? – заржали похитители.

– Любопытствую, – повинилась я. Призналась: – У меня как-то все не получается понять – зачем вы меня утащили? Не для секса же. – Я еще раз внимательно окинула взглядом хвост. Да вроде ничего не пропустила. – В этом свете остается причина – питание. Вот и хотелось бы знать...

– Любопытство – грех! – нравоучительно ответили мне, прервав мой прочувствованный монолог и не одарив даже малой крупницей информации.

– Согласна грешить и дальше, – робко улыбнулась я, не отцепляясь от шеи. – Зачем вы меня... – (Вспомнила инструктаж на работе: «Ни в коем случае не давайте похитителю намек, что он вас украл!» Ну конечно. Разумеется. Обязательно. А то он сам об этом не догадывается!) – Позаимствовали. На время, надеюсь?..

– Все в нашем мире бренно и временно, – широко улыбнулся красавец. Напильником ему клыки подрихтовать, что ли?! – Нет ничего более постоянного, чем временное!

– Философия – это хорошо, – покорно согласилась я. – Но хотелось бы конкретики. Зачем, почему, когда вернете, и чем мне это грозит. Так намного легче бояться.

– Зачем вам нас бояться? – засмеялся Домир. – Мы если вас и съедим, то очень нежно. – И хозяйски погладил меня по бедру.

Дельфин от хозяина не отстал и похлопал плавником по мягкому месту. У меня теперь там точно будет целлюлит. Узорчатый.

Снова вспомнились наставления инструктора: «Ни в коем случае не злите и не раздражайте похитителей».

Я как можно ласковей улыбнулась и, сдерживая себя изо всех слабых сил, прошептала:

– Если вам ничего от меня не нужно, то верните, где взяли! И я не подам на вас в суд!

– Мы еще не поговорили, – прищурил глаза атлет, пялясь на мою мокрую рубашку в области груди. – Мне вот очень интересно – почему князь диэров надел на тебя фамильный кулон?

– Поносить дал? – хлопнула я ресницами. – На время. Выгулять...

– И почему в этот раз выборы фаворитки года были такими пышными? – продолжил

Домир, посмотрев на меня как на умалишенную.

- Денег девать некуда? - выдвинула я предположение. - Списать позарез необходимо было на срочные нужды? Угощение послов?.. Не? Посол угощающихся?..

- И как эта куклолка, в которую так сильно вцепился князь, оказалась так далеко от гарема? - не останавливался голубокожий под кивание дельфина. Видимо, на чешуйчатого напал за неимением другого словесный понос.

- Э-э-э... выяснилось, что у меня клаустрофобия и княземания, - призналась я, глядя на него честными глазами.

- И почему эту девушку столько раз пытались украсть? - Вопросы сыпались один каверзнее другого.

Откуда я знаю?!! Мне об этом сообщить забыли!

- Кто-то решил: я - чистое золото?.. - уставилась я на него и сделала глаза еще честнее и наивней. - А кстати, кто на меня покушался? Зубочистки... ой, чебуреки с зубами?

- Нет, - нахмурился Домир. - Вода принесла - один зеленый за тобой рвался...

Сердце сделало неимоверный кульбит и на мгновение остановилось. Я сглотнула.

- С клыками? - уточнила, не веря своим ушам. - В бандане?! ТРОЛЛЬ?

- Да, - кивнул атлет. - Похоже...

Чем больше я волнуюсь, тем немногословнее мой похититель. Не годится. Срочно меняем тактику.

- И что с ним? - Я безмятежно разглядывала безоблачное небо, с внутренним горячим нетерпением ожидая ответа.

- Ничего особенного... - Домир шлепнул хвостом по воде, привлекая мое внимание. - Сидит.

- Отдыхает? - сощурилась я.

- Можно и так сказать... - равнодушно пожал могучими плечами красавчик, колыхаясь на воде.

Я тоже попрыгала на мускулах. Его!

Добила фраза:

- ...Если княжескую тюрьму можно назвать местом отдыха, то у зеленомордого точно королевские каникулы.

- Хорошо устроился, - по инерции, не задумываясь, немножко сонно протянула я, заерзав на плече гиганта. - Хитрый какой, я тут парюсь, а он каникулы себе устроил! - До меня наконец дошел смысл фразы: - ЧТО?!! ГДЕ?!!

- В тюрьме, в тюрьме, - с готовностью подтвердил Домир, придерживая меня второй рукой, потому что я начала лягаться. - В Илостанском равелине.

- Ты точно знаешь? - на всякий случай еще раз поинтересовалась я, охваченная волнением.

- Вода знает все, - как-то обтекаемо ответил мужчина.

В моих ушах зазвучал похоронный марш.

Так вот почему Мыр до сих пор не появился! И кто-то мне сейчас много чего расскажет!

- За что? - созрела я для подробностей.

- Э? - Опять дурачком прикидывается, рыбный шашлык! Чебуреков зубастых на его

рыбий хвост нету!

- За что его туда посадили?

- Как обычно - за попытку кражи княжеской собственности, - нехорошо усмехнулся визави.

- И что он украл? - Я никак не могла соотнести - что же такого тролль мог стырить у князя. Кто тролль - а кто диэр! Что между ними общего? На статуэтку позарился? Кошелек слямзил? Сокровищницу обчистил? *Мыр?! Дурь* какая. Тоже мне, нашли карманника!

- Тебя, - ласково сказали мне и зажали в руках. На всякий случай, что ли?

Я выскользнула и дернула нахала за кончики синих патл. Не больно, но ощутимо. Пусть знает, что его жертва не настолько безобидная зверушка и умеет огрызаться.

- Я не собственность, - поправила собеседника, решительно бултыхая ногами. Глухо: - И меня не крали!

- Собственность, - кивнул Домир, опять пригребая меня и бережно прижимая к груди. - После церемонии - ты полная и безраздельная собственность князя. И тебя пытались украсть несколько раз. За это кое-кто и поплатился свободой.

Я слушала его вполуха. Новость просто деморализовала.

- Поставь меня на землю, пожалуйста, - прошептала я. На глаза навернулись непрошенные слезы: «Мыр, как же так?!»

Меня выпустили из рук, и я ушла под воду.

- Буль-буль! - выразила свое возмущение.

Выловили за рубашку и снова посадили на руку. Как грудничка, ей-богу! Нет, младенцы и те лучше плавают.

- Спасибо! - порадовалась я своему спасению. Отряхнулась и потребовала: - Отправь меня на берег, к друзьям. Мне срочно нужно организовать спасательную экспедицию!

- Тьфу ты! Для тролля? - удивился атлет. - Ты пойдешь спасать зеленого монстра?

- Это уже расизм! - бесстрашно заявила я. - Угнетение по цвету кожи и размеру клыков!

- Хорошо, - согласился Домир, пристально заглядывая мне в глаза, словно мент, который хотел увидеть степень опьянения или определить принятый наркотик. - Я верну тебя обратно, только помни - здесь все не такое, каким тебе видится.

- Ох, удивил! - буркнула я. - Это вообще мир глюков и духов. А я тут как Царевна Лебедь.

- Я доставлю тебя на берег, - покладисто пообещал Домир. - Потом. Но для начала я хочу показать тебе весь мир. Мой мир.

- Что-то ненавязчиво мне подсказывает, что отказаться от экскурсии у меня не выйдет, - надулась я, потихоньку высчитывая в уме, как мне повернуть план спасения Мыра с наименьшими затратами и минимальными потерями личного состава.

- Ты правильно думаешь, - клыкасто улыбнулся русал. На его щеках появились симпатичные ямочки, хоть глаза и не улыбались.

Еще один хищник открыл охоту. Опять. И чего им от меня надо, я им что - кусок жареного мяса? Где бы еще в мышьяке поваляться, чтобы стать несъедобной?

А дельфин довольно фыркнул, обдав меня фонтаном воды.

Мне прикрыли глаза. Что-то свистнуло рядом. Рука с моих глаз исчезла, и передо мной предстал... Нет, совсем не очередной соблазнительный мужчина. Он находился как раз сзади.

Перед моим взором простирался тропический остров с буйной зеленой листвой. Хотя мы все еще болтались в воде на некотором расстоянии от берега, я даже отсюда слышала пение птиц.

– Это что? – хлопнула я ресницами, мгновенно включая режим «блондинка тупая, широко наивная».

– Это мой дом, Леля, – довольно сообщил мне Домир, подплывая ближе к суше. Ну и я, понятное дело, рядышком поплававком болталась. – И он может стать твоим тоже.

– Здесь? Что-то мне как-то не хочется, – обтекаемо сказала я, во все глаза рассматривая пышную тропическую красоту.

Признаюсь по секрету: я, конечно, бывала на нескольких островах вблизи экватора. Даже в Доминикане отдыхала – очень уж наши сотрудники ее нахваливали, хоть из-за билетов и недешево.

Но все знакомые мне курорты в основном жутко испоганены, загрязнены туристами и цивилизацией. А вот нетронутого людьми первозданного тропического эдема мне еще видеть не доводилось.

Мы подплывали все ближе и ближе, и тут я спохватилась:

– Домир, если не секрет, ты как на берег выйдешь? С хвостом? – Ляпнула: – Тебе помочь?

– Спасибо, конечно, – со смешком прижал меня к себе мужчина, преспокойно выходя на берег. На двух ногах.

Я даже у него с рук свесилась, чтобы внимательно посмотреть и пощупать. Украдкой. Точно! Две длинные мускулистые ноги. Смуглые. Это как?

– Нравится? – оторвал меня от лихорадочных размышлений Домир.

– Симпатично, – машинально кивнула я, возвращаясь в прежнее положение. – О!

За эти несколько мгновений исчез синий русал. На руках меня сейчас держал смуглый красавец-островитянин с буйной черной шевелюрой и глубокими синими глазами.

– Мимикрия? – выпалила я, ища хоть какое-то научное объяснение этому феномену.

– Второй облик, – снисходительно пояснил он, унося меня в глубь острова. – Для удобства на суше.

– Ага, – потеряла я лоб в растерянности. – А куда ты идешь?

– Домой, – просто ответил он, заходя под сень деревьев.

Спустя несколько минут передо мной открылась дивная картина. Небольшое бунгало на берегу залива, построенное под сенью пальм, с видом на безбрежный океан. Рядом сложенная из кирпичей не то печка, не то очаг. Сбоку бочонок, а в нем – огромные белые кости.

– Вот мы и дома, – сообщил Домир, осторожно усаживая меня в широкий шезлонг и накидывая на плечи тонкую мягкую ткань золотистого цвета.

– Это ты дома, – поправила его я, крутя головой в разные стороны. – А я – в гостях.

– Это может стать и твоим домом, Леля, – нежно улыбнулся он, щелкая пальцами.

Из бунгало, небрежно отирая руки о цветастый передник, вышла гигантская горилла трехметрового роста. Крик застрял у меня в горле, и вообще... как-то нехорошо стало. Ик! Тоже мне почтенная домохозяйка! А косточки небось она обглаживала. Мне совсем схудилось: вдруг человечьи? Боже избави от такого дома!

Мохнатое чудовище обменялись с Домиром понимающими взглядами, и я почувствовала себя одновременно Гензель и Гретель, твердо решив, что ничего существенного тут есть не буду. Проще поголодать.

Обезьяна мигом сгоняла вверх на пальму, срубила гроздь зеленых орехов огромным мачете, тут же метнулась обратно в бунгало и вынесла на подносе два бокала с белой непрозрачной жидкостью.

– Ик! Спаси... – выдавила я, когда громадная лапища, украшенная клочками черной жесткой шерсти, протянула мне бокал, а зубастая пасть расплылась в довольной улыбке. – ...Бо! Ик!

– Это Мааль, это – Леля, – представил меня горилле Домир. (Правильно, должна же она знать, кого жрать! Вдруг Лели в дикой природе поголовно ядовиты?) Погладил шерстистый бок. – Мааль помогает мне по хозяйству.

Горилла всучила мне бокал, кивнула, игриво шлепнула мужчину ниже спины по набедренной повязке и удалилась в бунгало, переваливаясь на колонноподобных ногах.

– Аг-га. – Мое красноречие сегодня просто поражало эпичностью и разнообразием лексикона.

– Итак, Леля, – Домир подхватил второй бокал и устроился в соседнем шезлонге, – как ты смотришь на то, чтобы остаться здесь? Навсегда? – Обвел рукой свое место обитания. С многозначительным намеком: – Мне есть что тебе предложить... и ты ни в чем не будешь нуждаться.

Я изо всех сил старалась выглядеть безмятежной, словно окружающая природа, хотя внутри громко орала от страха.

– Отрицательно, – для вида немного подумав, отказалась я. – У меня там эльфы без присмотра бегают, как бы чего не начудили. Паос в лапках запутаться может. Шмырг скучает. И... – Всхлипнула: – Мыра нужно вытаскивать.

– Зачем? – пожал могучими плечами мужчина. – Кто они тебе? Что они могут тебе дать? – Тонем демона-искусителя: – Подумай, ты ни в чем не получишь отказа...

– А все меряется только этим? – уставилась я на него.

– А разве нет? – хитро улыбнулся мужчина. – Ты же любишь золото? Я могу дать тебе его сколько пожелаешь. – Он показал рукой на океан. – Все сокровища затонувших кораблей, все жемчужины... Все, что может дать вода.

– Благодарю, – поджала я губы. – Но предпочитаю зарабатывать сама. И не быть никому обязанной.

– Похвально, – отставил он бокал и потянулся ко мне. Обвивая плечи теплой сильной рукой, привлек к себе и подмигнул. – А как насчет секса?..

– А что насчет секса? – насторожилась я, всовывая между нами бокал. Уверенно добавила, отстраняясь: – Чтобы говорить о таких вещах, мы слишком мало знакомы.

– У нас будет время, – томно пообещал мне Домир, легко целуя в шею. – Ты здесь будешь в полной безопасности. Со мной в полном распоряжении. Я повелитель местных вод. Все, что есть у меня, – будет твоим, включая мое тело...

Тело было сказочным и как раз поэтому – нереальным. Словно красивая глянцевая картинка в стильном женском журнале.

– Нет, – оттолкнула я его. – Не знаю, что тебе вступило в голову, но мне это не нравится. Отпусти меня! Мне нужно спасти Мыра!

– Он же просто тролль, – шептал русал мне на ушко, доводя своими нежностями до дрожи в коленках.

Мелькнула предательская мысль: «Соглашайся, такой мужчина!» – но я мигом от нее избавилась. Отпинала мерзавку и вытурила вон. Быстро начавшееся обычно быстро и заканчивается. Между нами ничего нет. Когда незнакомый мужчина вдруг приносит себя на блюдецке – тут что-то очень сильно не так. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Тем более мне абсолютно не ясны мотивы этого заманчивого предложения. В любовь с первого взгляда и до последнего вздоха я верила только в книжках, а в жизни всегда придерживалась сухой рациональности. Почти всегда... Иногда. Сейчас!

- Он *мой* тролль! - твердо сказала я, отталкивая Домира и вскакивая. - И моим останется, даже если он этого не захочет! Если Мыр пошел меня спасать - значит, я для него что-то значу!

- Или ему хорошо заплатили, - презрительно хмыкнул мужчина. - Например, я.

Меня будто кнутом огрели.

- Молодец! - фальшиво обрадовалась я. (Он? Нанял?! Врет же как сивый мерин... синий! Врет и не краснеет. Просто тритону не нужны конкуренты, вот и решил дурочку из меня сделать. А вот не выйдет!) - Нужно на что-то жить!

- Леля, - навис надо мной Домир, - признайся, ты в душе стерва и просто хочешь казаться лучше.

- Возможно, - не стала я спорить. Сейчас это бы походило на вброс экскрементов в вентилятор. Этому только дай повод. И потом... кто ж хочет узнать о себе столько лестного?

- Со мной тебе не придется притворяться, - нашептывал мне тритон, поглаживая плечи и не понимая, что сейчас словно дерьмом обливает. Грязно, мерзко и оскорбительно. - Можешь смело быть жадной сукой. Я все прощу и на твое сердечко не претендую, только на... - Он красноречиво облизнулся. - Тело.

- Не буду! - отшатнулась я от него, повторно вскакивая и опрокидывая столик с коктейлем. - Если бы я хотела торговать собой, то стала бы проституткой! Или дорогой содержанкой. Или...

Обнаглевший русал будто не слышал, он прижал меня к себе, плавно спускаясь лицом к груди:

- Милая, я стану любить тебя такой, какая ты есть...

- Ты что, оглох?! - взорвалась я, отпихиваясь изо всех сил. - Я тебя не знаю и знать не хочу! И мне все равно, какие мотивы тобой движут! Я не буду с тобой здесь жить! Не хочу подменять свою реальную жизнь дерьмовым сахарным раем, который может в любой момент растаять на жарком солнце!

- Ты...

- Не хочу до конца дней от кого-то зависеть. - Воскликнула: - Я тебе не верю, ты или обкурился чем-то, или псих ненормальный! Верни меня к моим надоедливym эльфам, к душасей заботой няне и обманщику паосу. Мне нужно спасти своего-чужого тролля! Это мой выбор и моя жизнь!

- Проведи со мной день, Леля, - встал он рядом, ласково отводя от лица влажную прядку. - Здесь время течет по-другому. Никто не заметит твоего долгого отсутствия. - И посулил, резко проводя в воздухе черту, словно отделяя голову от груди. Свою. - Проведи со мной этот день, и если на закате ты выберешь тролля - я верну тебя обратно.

- Обещаешь? - Я пристально посмотрела в глаза цвета ультрамарина.

Он прижал правую руку к левой стороне своей груди, словно давая военную присягу.

- Клянусь, - кивнул.

И я почему-то поверила.

День прошел великолепно. Мы больше не вели долгих разговоров, а вместо этого купались нагишом, брызгаясь, словно дети. Бегали по берегу. Строили из песка замки, перешучиваясь и беззаботно смеясь. Мы лопали тропические фрукты, обливаясь соком и слизывая его с пальцев. Пили вкусные напитки, приготовленные заботливой Мааль.

Были рядом, но порознь.

Я вдыхала полной грудью солоноватый морской воздух, отрешаясь от проблем и забот.

И... не жила. Все вокруг походило на красивый карточный домик, который только тронь или подуй – и он развалится, обнажая неприкрытую изнанку жизни. Для меня тут изо всех щелей разило трупным запахом фальши.

Солнце опустилось к горизонту. Я повернулась к Домиру и сказала:

– Ты обещал.

Мужчина помрачнел:

– Ты все же выбираешь его. Почему? Чем я хуже? Ну хочешь, отращу себе зеленую кожу и побреюсь налысо? Что он может тебе дать, чего не могу дать я?

– Меня, – просто улыбнулась я, поглаживая его по руке. – Ты даришь мне себя, а он подарил мне меня. Вот и вся разница. Я не могу вычеркнуть его из своего сердца и своей жизни. Верни меня, пожалуйста, назад. Здесь красивая сказка, а там неприглядная правда.

– погоди! – Он силком поволок меня в прибрежный грот. Гордо продемонстрировал развалы Аладдина: сундуки жемчуга, кучи золота, шкатулки с драгоценностями, груды драгоценных камней, посуду из золота и серебра с красивыми инкрустациями и яркими декоративными эмалью. Наверное, с добрый десяток золотых тронов пылился в левом углу. В правом – были любовно разложены на этажерках кинжалы и сабли в драгоценных ножнах.

Но, к вящему удивлению, почему-то моя жадность заткнулась и не отсвечивала. Совсем-совсем. Наверное, обожралась в этом мире халявного мармелада и впала в гипергликемическую кому.

– Леля... – Чья-то лапа опять тянется к моей груди!

Я хлестнула его по обнаглевшим конечностям и оскалилась. Блин, этот синий пришелец окончательно выел мой мозг и печень! Что из чего я должна выбирать? Картон против реально страдающего челове... пусть – тролля?

Зачем? Не думает же этот козел, что я окончательно свихнулась, чтобы поверить ничего не стоящим посулам синего человечка? Или это такая дурацкая проверка? Тогда что проверяют? Мою моральную стойкость? Глупо. И к чему оно? Брачных клятв никому не давала.

– ТЫ ОБЕЩАЛ! – Я сердито топнула ногой.

Домир вздохнул:

– Как скажешь, Леля, – подхватил меня на руки, стараясь не встречаться со мной взглядом. Занес в воду.

Вскоре рядом с нами заплескался Римо, а мужчина снова стал синим русалом. Аватар, бабушку его через заслонку! Хотя почему бабушку? Лучше дедушку! Пусть женщина хоть раз отдохнет. Пускай даже на том свете.

– Ты прекрасна, – сказал мне Домир, бережно прижимая к своему крепкому телу и целуя в губы. – Ты мечта. Я завидую твоей зверюшке.

На моих губах остался соленый привкус. Опасаясь любых пакостей, я приготовилась выцарапать чьи-то зенки. Слава богу, не понадобилось!

Мне снова прикрыли глаза. Опять что-то свистнуло рядом – и через мгновение я оказалась на речном берегу. Одна. Быстро оделась, настороженно оглядываясь на воду и высматривая новых знакомых. Но они ушли по-английски, не прощаясь. Да уж... джентльмены.

Приятный, но пустой день... Зато теперь есть время оглядеться и подумать.

Около разложенного костра суежилась няня. В теньке под раскидистой пальмой по-прежнему дрых пострадавший Магриэль. Рядом расположились вялые эльфы, лениво перебрасывающиеся кинжалами, будто заправские цирковые жонглеры.

На противоположной стороне, у пышного куста в тени сросшихся деревьев сидел Лад и тихо беседовал с Кьяффу. К ним-то я и направила свои стопы.

При виде меня чертенок встал, но не успел и слова молвить, как я сгребла его за грудки и прошипела:

– И как долго ты собирался молчать, что Мыра посадили в тюрьму?

Глаза Кьяффу вывалились из орбит в буквальном смысле. Вытянув свои телескопы на всю возможную длину, осьминогопаук внимательно заглянул сначала мне в лицо, потом позирал на чертика. И подвис, как ломаная Винда ME 2000. Вглухую.

– Да-да! – ненадолго отвлеклась я от экзекуции, распаляясь все сильнее. – И не надо удивляться! Мне все известно!

– И кто тебе донес? – разжал стиснутые от ярости зубы Лад, озираясь по сторонам. – Птичка на хвосте принесла?

– Скорее, рыбка! – скромно призналась я. Опомнилась и снова потрясла за грудки. – Как ты мог об этом умолчать!

– И что бы ты сделала? – издевательски поинтересовался чертик, осторожно отцепляя по одному мои пальцы от своей рубашки. – Та-ак... давай подумаем... Разрыла подвалы камер предварительного заключения? Снесла тюрьму? Взорвала замок? Устроила общественные беспорядки?

– Если надо – то и революцию! – отбрила рогатого. – И я пойду его спасать! – уверенно заявила я. – Деньги у меня есть, а с остальными трудностями как-нибудь справлюсь!

Кьяффу фыркнул и открыл рот. Я отлепила одну руку от Лада и поймала язык осьминогопаука. Намотала это шершаво-осклизлое веретенообразное образование на ладонь и ласково сообщила бывшему другу и побратиму:

– А ты пойдешь со мной! Потому что должен мне заемчик... по ипотеке. – Сверкая зубастым оскалом, подпустила угрозы, подавляя на корню любые возможные косноязычные осьминожки возражения: – И не говори, что тебя в город не пустят! Возьмешь у эльфов шмотки, перекинешся в нормальный вид и потопоешь как миленький! Или я буду преследовать тебя словно комар – вреда мало, но надоем страшно!

Кьяффу закивал, осторожно и с некоторой опаской отнимая у меня лапками ценный орган.

– Теперь ты, чертик с рожками! – рывкнула я, возвращаясь к Ладу. – Сколько хочешь за помощь?

– Ничего, – пожал он плечами. – Потому что я не пойду туда сам и тебя не пущу.

– Ой, какие мы грозные! – всплеснула я руками. – Уже дрожу зубами и клацаю коленями!

– Ты можешь ерничать сколько угодно, – заверил меня чертик. Его обычно улыбчивый рот сомкнулся в прямую линию, а багрово-алые глазки яростно сверкнули. Топнул ногой. – Но ты никуда не пойдешь!

– Какой ужас, папочка! – ошетижилась я.

Чертик издевательски расхохотался.

От его смеха меня совсем уж понесла кривая по всем буеракам. Видимо, от бешенства заклинило. До смерти не люблю, когда мне что-то запрещают. Даже если это «что-то» крайне вредно для моего организма. Немедленно тянет из духа противоречия перевести данное явление из категории «вредно» в категорию «очень полезно» и убедить в этом

окружающих!

– Я не спрашиваю – как ты мне не позволишь, – уперла я ему в грудь указательный палец и уставилась в глаза. Он моргнул. – Я даже, заметь, не интересуюсь – почему! Я просто ставлю тебя перед фактом: либо ты идешь с нами, либо ты против нас. Нейтральная позиция приравнивается к мозговой импотенции и не учитывается!

– Леля, выходи за меня замуж! – внезапно раздалось откуда-то сзади.

У меня подогнулись колени, и я чуть не села. Подпрыгнув от неожиданности, ткнула пальцем в Лада и вытаращила глаза. Чертик тоже удивленно выкатил гляделки, и мы от растерянности едва не встретились органами зрения посередине. Жаль только, Кьяффу помешал. Он-то как раз вывалил и телескопы, и язык.

– Не разбрасывайся органами, они тебе еще пригодятся, – проглотила набежавшую слюну. Высказала неправильному арахниду, который в этот раз стал крайним: – Смотри! Привыкнешь – и начнешь вываливать все, что висит.

– Ты тоже слышала, или это у меня в голове зашумело? – с трудом выговорил Лад, странно мотая головой и похлопывая ладонью по уху, будто его контузило.

– Я повторю, – уже очень твердым голосом Магриэля сказали сзади. – Леля, окажешь ли ты мне честь стать моей супругой?

Я захлопнула отвисшую челюсть паоса, отодвинула ногой его же язык и часть конечностей и развернулась в сторону эльфа.

Брюнет стоял прислонившись к пальме. Он запустил руки в густые длинные волосы и смотрел прямо на меня. Я вздохнула: вот кого надо было брать на роль Робин Гуда! Если спрятать уши – типаж идеальный. Но, увы, не мой.

– Магриэль, – я приблизилась к нему, – тебе солнце голову напекло? Панамку соорудить?

– Я не шучу, Леля! – отрезал эльф, пошатываясь. – Мне больше нечем тебя отблагодарить за спасение своей жизни.

– Бог с тобой, Маголик! Нам такого счастья на пару и не надо! – скрестила я руки на бюсте. Бюста было много и руки еле сходились. – Считаю, я спасла тебя за компанию с собой. Это как побочный эффект побега... Мм... Реалити-шоу «Счастливый случай» с хеппи-эндом.

Эльф покачал головой:

– Все это лишь слова. А результат – я жив и здоров. Следовательно...

– Не хочешь по-хорошему разойтись – тогда отдай деньгами, – деловито предложила я, уже втайне не надеясь на взаимность понимания. Не ошиблась.

– Все мои деньги перейдут к тебе вместе со мной, – усмехнулся Магриэль. – Как жена аристократа ты сможешь войти в высшее общество и пользоваться всеми благами...

– Не хочу в общество. – Я начала понемногу злиться, как-никак уже достало до печеник тупоумие эльфов. – Я ХОЧУ В ТЮРЬМУ! К МЫРУ!

Брюнет вытаращился на меня, словно первый раз увидел. Ушастый покачал головой и потрясенно заявил:

– Если кому-то и напекло голову, то явно не мне!

– И как ты собираешься провести со мной всю свою оставшуюся жизнь... – хмыкнула я. – Если мы даже по таким мелочам договориться не можем!

– Я проведу с тобой твою жизнь, – мягко улыбнулся эльф, ненавязчиво указывая на кратковременность человеческого бытия и людскую смертность.

Меня от его непрошибаемой самоуверенности аж перекошило. Посмотреть со стороны – красивый мужчина с благородным профилем, прилично одетый, хорошо воспитанный.

Но то со стороны.

Вблизи... Охарактеризовать хочется двумя словами – тупой самец! Нет, гораздо хуже – эльф!

– Это тебе сейчас так только кажется! – ядовито уверила его я. – Со мной будет считаться день за десять лет! Без права передачи пользования!

– Переживу! – заверил меня брюнет, прижимая руку к сердцу.

– Не думаю, – откровенно усомнилась в столь спорном утверждении моя персона. – А как насчет того, что люди с эльфами ни-ни? Только так, слегка... переп... пошалить?

– Это было до того, как ты спасла мне жизнь, – честно признался Магриэль и сделал попытку прижать меня к груди.

Я горной козочкой отпрыгнула назад.

– Вот и делай после этого добро эльфам! – И впечаталась в подошедшего Лада. Тот с горящими зенками подпирал меня вместо забора. С перепугу вызверилась на почетного рогоносца: – А тебе тут что надо? Это меня замуж зовут, не тебя!

– Ты несвободна, – хмыкнул чертик. – Так что этот разговор не имеет ни малейшего смысла. – И грозно поклацал клыками на брюнета. Смотрелось уморительно.

– Это ты об том акте приемки в гареме? – закатила я глаза.

Хотелось рвать и метать, ну просто рвать и метать! Можно эльфа. И черта с ним на пару. Жаль, Бог силы на то не дал.

Ладно, мы умеем словесно. Я уперла руки в боки и высоко задрала подбородок:

– Так меня ж не смазали – следовательно, могу скрипеть отдельно от князя!

Мужчины переглянулись с видом – «какая наивная и глупенькая девочка!». У меня уже пар ноздрями пошел. Я вам покажу, домостроевцы паршивые! Вот отзову шмырга – и сами себе просяную горелую кашу на привалах готовить будете! Тогда и выясним опытным путем, кто из нас венец эволюции!

– Не факт, – не согласился Лад. – Потому что диэры своего просто так не отдают...

– Ха! Я тоже свое просто так не отдаю, – уверила я обоих мужчин. – Мои рука, нога и сердце, а также все необходимое для бракованной... извините – брачной жизни принадлежит исключительно мне, не продается и не сдается в аренду даже на длительный срок! Вот!

– Какое заблуждение, – фыркнули мужчины в унисон и чуть ли не пожали друг другу руки.

Мне захотелось взять кувалду и кое-кому помочь заблудиться, раз уж им так хочется. Да-да! Раз этак сто для ровного счета.

– И я не поняла, ты чего так за князя переживаешь? – созрел у меня законный вопрос. – Он тебе кто – брат, кум, сват? Мои с ним дела – его проблемы!

– Я за тебя переживаю, – вильнул хвостом чертик. – Тебе ж придется оправдываться и уговаривать князя не наказывать слишком сильно.

– Че-э-эго?! – вытаращила я глаза (в который раз за этот бесконечный день!) и запечатала ладонью рот одного очень говорливого эльфа, порывающегося вставить свои «пять копеек». – Это кто кому еще объяснять будет! Он, понимаешь, столько лет хвостом вертел и дамам сказки на ночь рассказывал! Пьеро на уши им вешал! А я крайняя, мне оправдываться? Нет уж! Равноправие в этом мире начнется с меня!

Замолчала, перевела дух, посмотрела на застывших мужчин и добавила:

– Но шпалы я оставляю вам! Ими очень удобно бить себя по голове и грызть от

неудовлетворенности!

Развернулась и пошла к костру под дружный выдох:

- Женщина!!!

- И горжусь этим! - вякнула последним словом. Пристала к няне: - Ты меня любишь?

- Есть сомнения? - Ар'Инна сунула мне чашку с густым варевом. - Чего ты хочешь от старой няни, ребенок?

- Грудь! - рискнул здоровьем Лелик и в момент схлопотал ложкой в лоб.

- Это вместо добавки, - ласково улыбнулась шмырг. - Если мало, то я потом тебя грудью покормлю. Его, - ткнула в сторону паоса.

Къяффу побурел и смылся. Лелик побелел и остался. Просто уйти не смог. Воображение, скорей всего, было хорошее и мешало ногам двигаться. Бывает. Кто-то благоразумно бежит от опасности, а кто-то цепенеет и встречает опасность лицом, рождая легенды.

- Не отвлекайся на мелочи, - посоветовала я няне.

- Хм-м-м, - обиделся Лелигриэль непонятно на что и ушел.

- Ар'Инна, ты сможешь вернуть меня в город? - поинтересовалась я между делом.

- И что ты там забыла? - в свою очередь спросила шмырг и посмотрела на меня испытующе.

- Илостанский равелин, - вспомнила я название и преданно уставилась на немного обалдевшую няню.

- *Весь?! -* выговорила она спустя пару минут, когда разжались голосовые связки, видимо жестоко травмированные моим признанием.

- Нет, - открестилась я. - Упаси боже! Мне столько мужиков не надо. Только Мыр и Монь.

- Кто есть Мыр? - нахмурилась Ар'Инна.

- Тролль, - кратко отрапортовала я, отставляя в сторону пустую посуду и обнимая руками колени. - Мой тролль.

- Ты спятила, - поставила мне диагноз шмырг, присаживаясь рядом. - У тебя есть князь диэров, эльф вот приبلудился, еще пара-тройка мужиков рядом с голодными глазами шастает, а тебе нужен тролль?

- Нужен, - уверенно заявила призналась я. - Я должна что-то сделать для его спасения.

- Угу, - кивнула няня. Глубокомысленно: - Сесть в соседнюю камеру, например... Или прямиком отправиться в гарем? Там тебя еще один пылкий мужик дожидается. Небось уже мозоли натер... на ногах, пока тебя разыскивал.

- Нет, - отвергла я обе перспективы. Они не показались мне больно заманчивыми. - Безвыходных положений не бывает!

- Бывают тупиковые, - согласилась со мной Ар'Инна. Помолчала и спросила: - А ты ему нужна?

- Не думаю, - покачала головой я. - Мы такие разные... Но почему-то каждый раз он приходит меня спасать. Сейчас моя очередь.

- Дура!!! - припечатала няня. Потарахтела шкурой, то сдуваясь, то надуваясь, словно автомобильная камера. Тяжело вздохнула. Надулась как сыч. Опять спустила воздух. Попрыгала резиновым мячиком и обобщила: - Но *моя дура!* Поэтому помогу, чем смогу - но завтра утром. Сегодня у тебя выходной и задумчивый день.

- Почему «задумчивый»? – любопытствовала я, страшно обрадованная вырванным с боем согласием.

- Есть время одуматься! – наставительно ответила шмырг. – Хотя... кому я говорю! – И махнула рукой.

День прошел в бесполезных попытках убедить меня отказаться от бредовой идеи всех членов нашей компании – да-да! Магриэль так старался, так старался!

И в моих ответных попытках убедить Маголика отозвать свое предложение. Матч закончился вничью. Все остались при своем: я – с мечтой о Мыре, Магриэль – с мечтой о долгой и счастливой жизни со мной. Бедный, несчастный, наивный *эльф*. Ничто так не красит злобную блондинку, как траурный наряд вдовы с наследством в придачу.

Я все же была девушкой честной и откровенно сообщила о возможном исходе неравной партии брюнету. Он задумался и отверг как несущественное. Сначала заявил, что, если это случится – значит, его рок, фатум. Потом – сказал, что когда я попаду на небеса, то буду беречь его пуще глаза. Угум. Правда, не уточнил – чьего. Так что у меня осталась пока надежда переубедить ушастого. Ради его же блага.

Когда стемнело, все стали устраиваться на ночлег, и тут снова возникла потасовка между Ладом и Магриэлем. Каждый хотел поработать моей некондиционной грелкой с неправильными функциями. И, кстати, никого абсолютно не волновало, что я была против.

Маголик надрывался:

- Она будет спать рядом со мной! Как моя будущая жена!

Лад не отставал и голосил в ответ:

- Ты сначала уговори ее, лопухастый, выйти за тебя!

Мужчины сошлись грудь в грудь, топорщили перышки и обменивались злобными взглядами.

- Ей со мной будет лучше! – самоуверенно заявлял эльф.

Я поморщилась. Утверждение смелое, но безосновательное! Но кто бы еще меня слушал? Они и себя-то не слышат!

- Это почему еще?!! – не уступал чертик. – У тебя же, кроме ушей, ничего нет!

Ну, если по чести – это он не прав! Я точно знаю – *есть*! Только вот использовать чужую личность гм... не тянет.

- Хочешь сказать – твои рога и хвост важнее? – обиделся брюнет. – Вроде как сразу и характер видно, и последствия?!

Ой, какая прелесть! Никогда об этом не задумывалась. За рога подержаться и хвост открутить? Или – рога обломать и хвост выдернуть? Веселая перспектива... Хотя о чем это я?

- Не твое дело! – огрызнулся воинственно настроенный Лад.

- Дело, может, и не мое – а вот девушка моя! – нахально высказался Маголик и разозлил меня окончательно.

- Так! – рыкнула я. – Поскольку ни у кого из вас нет на меня сертификата собственности, то считаю себя полностью суверенной и неприкосновенной! Любые попытки аннексии буду рассматривать как интервенцию и карать репарацией и контрибуцией! Концессий не будет! А также буду репрессировать любые части ваших тел, потянувшиеся к моему суверенитету! Всем все ясно?

- Леля, не умничай, тебе это не идет! – вякнул Маголик. Я подарила ему смертоносный взгляд королевской кобры.

- Н-ну?! Усвоили? - повторила я.

- Не совсем, но смысл понятен, - признались понурившиеся спорщики и разошлись по разные стороны костра.

Потом ко мне шибко набивались ушастые братья по разуму под предлогом охраны от насекомых.

Но после моего замечания: «От запаха ваших портянок скорее я умру, чем они сдохнут!» - ушли спать в оппозицию к родственнику.

Последним появился Кьяффу с предложением своего панциря в качестве матраса. Я отвергла оное, даже не рассматривая. Под предлогом больной спины и развивающегося семимильными шагами артрита от сырости.

Няня заверила в абсолютной безопасности этого места и порекомендовала хорошо выспаться. Мы так устали, что охотно поверили.

Спустя какое-то время все уgomонились и засопели. Я все так же сидела у костра и, глядя в огонь, размышляла о дальнейшей жизни.

Все казалось таким туманным и безрадостным, но удивительно правильным. Такой вот оксюморон.

- Почему ты сбежала? - Рядом возникла прозрачная проекция князя.

Ну вот! Принесла нелегкая наказание Господне! Можно подумать, Маголика было мало!

Надо отдать мне должное, я не подскочила на месте, не заорала благим матом и даже не послала его куда подальше жаргоном грузчиков, который даме как бы знать и не положено, но тем не менее я его знала и вдобавок проходила интенсивную языковую практику в этом мире.

Нет, я поступила сдержанно! Просто вытащила из костра горящую с одного конца ветку и швырнула в него, прошипев:

- Сколько можно! Оставьте меня в покое!

- Почему? - настойчиво повторил призрачный князь, напрочь проигнорировав пролетевшую сквозь него пылающую ветвь мира. От музыкального баритона у меня пошла вибрация в груди. Воистину волшебный голос у князя диэров, глубокий и проникновенный.

- Тебя слишком много, - призналась я, отчетливо понимая - сейчас придется говорить по душам! Физическое воздействие отпадает, остается только тактика выжженной земли - то есть выматывания и выкобенивания. Авось поймет, какое «сокровище» решил отхватить, да и отстанет.

- Это не причина, - одним махом отмел диэр мои объяснения, стоя столбом и требовательно уставившись мне в лицо.

- Тогда придумай сам, если такой умный, - зло буркнула я, потирая озябшие плечи. В голове занозой свербела мысль - может, слезно попросить за Мыра? Я - вот она, никто меня не крал, целая и невредимая болтаю с золотым тазиком, а тролля сунули в казематы ни за что ни про что. И тут же схватилась за сердце - а вдруг мне ихний князь наобещает чего угодно, а Мыра после моего обращения сразу удавят по-тихому, чтоб от конкурента избавиться?! А чего? Запросто! Какое там правосудие при абсолютной монархии? Шемякин суд, фикция одна.

Не-э, головой Мыра я рисковать не стану. Лучше его своими силами выручать. Надежнее. За что же его посадили на самом деле? Ну не верится мне, что Мырчик с шашкой на лихом коне наскоком брал гарем. Глупость же несусветная. Может, он и тролль, но уж точно не дебил!

А мой визави резко замолчал, словно к чему-то прислушивался, потом оттаял. Уселся в воздухе поудобнее, запустил руку в волосы, откинув голову назад. Еще немного подумал.

- Не могу, потому что совсем тебя не понимаю, - честно признался собеседник, блестя золотыми глазами.

- Ты не одинок, - пробормотала я. - Я сама себя не понимаю. Но это ничего не меняет. НЕТ! - на все вопросы, просьбы и приказы.

- Ты меня не любишь? - тут же извернулся хитрый змей.

- Ну-у ты загнул, - хмыкнула я. - Это только в романах любовь с первого взгляда и до последнего вздоха, загнутые штопором пальцы на ногах, недостаток кислорода и мурашки размером с колорадских жуков табунами. На деле все гораздо прозаичнее, безо всяких ужасов, страстей и обмороков. Симпатия, уважение и как следствие - эротическая составляющая. Наоборот - хотелось бы, но нереально.

- Неужели ты никогда не испытывала безоглядной страсти? - тихо спросил князь. - Я же видел, как ты смотрела на мое тело.

- И что? - удивилась я. - Меня всегда быстро останавливало видение скрюченных пальчиков, капающей из угла рта слюны и безумного взгляда. Как-то очень уж симптомы бешенства напоминает. Того, которое не лечится! Нет уж, если я и пойду на это - то с открытыми глазами и ясным разумом.

Князь воззрился на меня как на диво дивное и ухмыльнулся:

- Твердый расчет? А куда девать влечение?

Как будто я знаю! Я свое не ведаю куда пристроить, а ты мне еще и чужое нахрапом навязываешь. Сам заимел, сам избавляйся!

Меня вообще всегда умилял мужской шовинизм! «Мое! Отдайся! Я тебя возьму!» Кто ж тебе вот так за красивые глаза сразу даст?! Я, понимаешь, себя, драгоценную и любимую, кормила, растила, воспитывала, обеспечивала, годами холила и лелеяла, а тут нарисовался один такой Голохвастов сразу на все готовое и внаглую права предъявляет? Причем о каких-то своих обязанностях, заметьте, - полный молчок. Как бы и не существуют.

«Я подарю тебе звезду, любимая!» - как в мультфильме... и тут же кастрюля, стирка, уборка, дети, уроки, проблемы, а наш астронавт лежит на диване или сидит за компом и прокладывает пути в неведомые дали совместно с друзьями.

И попробуй этот светоч космической мысли за картошкой на рынок послать! Или, не приведи господи, в магазин. Ты ж ему потом по гроб жизни должна останешься! До конца дней не расплатишься. Хотя жареную картошечку он мигом схряпает под звуки стрельбищ, не отвлекаясь и не шибко озаботившись - поела ты или еще голодная... И в грязной рубашке на работу не пойдет - ему чистую и выглаженную подавай!

Так что арбайтен, милая, трудись от зари до зари не покладая рук - ведь я так тебя люблю... почти обожаю! И хочу видеть тебя аккуратной, красивой, не уставшей, яростной тигрицей в постели... ухоженной, чтоб друзья завидовали. В чистом доме с незаплеванным полом. А вторую пару туфелек тебе покупать совсем не обязательно, у тебя одни позапрошлогодние уже есть - хватит.

И цветы ни к чему - все равно потом выкидывать. Лучше я «Дьябло» на досуге прикуплю - гораздо нужнее и для хозяйства полезней.

График твоей работы строй так, как удобно *мне*.

Дети... ну, дорогая, если ты очень сильно настаиваешь, то на твое усмотрение. Так и быть... Заводи себе ляльку-кукленьку да и играйся себе на здоровье, если тебе скучно. Мне для тебя ничего не жаль. Главное, не забывай - в нашей семье, как почетный гражданин, больше всех ухода и внимания требую я.

И лишний лифчик - ненужная роскошь. Я тебя и такой, без лифчика люблю... пока...

- О чем задумалась? - прервал мои размышления надоеда.

– Об «янь», – ответила я. – Думаю, что янь начинается с последней буквы русского алфавита, но так раздулся, что пытается занять главенствующие позиции в отношениях. Видимо, это от недостатка мощностей.

– Ты о размерах? – смутился диэр.

– Кто о чем! – обвиняюще глянула на него. – А я об этике отношений! Это вы любите размером, а мы, женщины, – все больше душой, а уж потом – чем осталось!

Воцарилось молчание. Он, видимо, думал или измерял, а я уже вволю наразмышлялась о Мыре и о мире и вполне заслуженно отдыхала.

– Значит, не вернешься? – до чего-то дошел в своей гигантской работе мысли пресветлый князь.

– Куда? – не поняла я. – К тебе? Зачем? Чего я у тебя не видела? Все, что меня интересовало, ты уже показал – интриги не будет. И вообще, я не любопытная!

– Так уж и все? – прищурился собеседник. Обвел поднятыми вверх руками небо. – А если я покажу тебе весь мир?

– Во-во, – с удовольствием поддакнула я, по чуть-чуть подкладывая дрова в костер. – Как я и думала. Я тебе покажу... на выбор: весь мир, небо в алмазах, звездочки из глаз, а заканчивается это традиционным показом кухни, а в твоём случае – куда хуже! Гарема. Вот уж точно мечта всей жизни – просидеть ее под замком в элитной тюрьме и шелковом наморднике среди тупых куриц и обнаглевших евнухов! Ой, стражников за дверь забыла! Ай, благодетель, ох, удружил! Чтоб тебе такие мечты на своем горбу претворять!

По-моему, диэр немножко разозлился. У рыжика гневно раздулись ноздри, на скулах загуляли желваки, руки судорожно то сжимались, то разжимались.

Однако какой нервный товарищ! Словно конь породистый. Колючку в круп ткнули – он и понесся, закусив удила.

– Чего ты от меня хочешь? – спросил он напрямую.

– Ничего, – пожала я плечами. – Поверь, ты чисто физически ничего не можешь мне дать из того, что я хочу.

– А что ты хочешь от мужчины вообще? Чего тебе не хватает? – загорелся собеседник.

– Уважения, верности, общности интересов, взаимной симпатии, безопасности, партнерства, возможности доверять, – загибала я пальцы. – Надежности, порядочности, любви... – Остановилась, подняла голову и посмотрела ему в призрачные глаза. – Ты так долго был одиноким, что забыл, как это – быть вдвоем!

– Леля, ты где-то умная, но здесь тупишь до невозможности, – широко улыбнулся собеседник, но глаз его улыбка не коснулась. – Я привык всегда получать желаемое, и ты не исключение. Если тебе хочется немного побегать от меня – на здоровье и для здоровья, но куда бы ни бежала – ты прибежишь ко мне!

Я уставилась на него в упор. Лучше бы, конечно, сквозь прорезь прицела автомата... и на душе гораздо спокойней. Но поскольку я лицо гражданское, тут уже имеем что имеем.

– Почему ты так смотришь? – поинтересовался князь.

– Потому что на наивного или тупого ты явно не тянешь, вот и пытаюсь найти скрытые дефекты, – призналась я, с ухмылкой прикусывая губу.

– Не выводите меня, Леля! – взревел царь всея гарема, вскидываясь. Он бы еще заржал «Иго-го-го!» и взмахнул копытами.

Опять скипетр оттягивает руку, держава под мышкой давит и корона уши натирает? Я почувствовала, что начинаю злиться не на шутку.

– А ты не пугай – пуганая! – раздухарилась вице-почетная жена и любимая фаворитка, или как там еще все это непотребство называют. – И не доставай. И так ворон кругом

хватает, с двустволкой не отмашешься.

На душе было погано. Только костер своим безмолвным уютом ослаблял глухую тоску.

- Вредина! – рыкнул диэр. – Но все равно ты будешь моей! – И бесследно испарился.

- Только если тролль станет человеком! – рывкнула я в сердцах. Сама понимала: задираться с тупоголовым порфироносцем – дело зряшное. Но и смолчать не получилось. Грудь вздымалась, словно мне не хватало воздуха. Просто изнутри лезла огромная необъяснимая обида.

- Договорились, – донеслось до меня и поставило в тупик. Там я и пребывала в состоянии душевного угнетения, пока не заворочался брюнет.

- Кто здесь? – подал голос Магриэль. Голос, добавлю, до сих пор еще сорванный и хриплый. – С кем ты разговариваешь?

- Уже ни с кем, – успокоила его.

- А кто был? – Эльф сел как пьяный, с полуоткрытыми глазами нашаривая и обнажая меч. Тьфу, тоже мне... эльфийский городской!

- Моя эротическая фантазия, – вздохнула я и пошла спать. Одинокая, но гордая. И почему все моральные принципы такие правильные, но после них так жестко и холодно? Наверное, чтобы долго не забывались?

Утро встретило меня теплом и дракой. Я проснулась под:

- Ш-ш-ш! Сейчас ее разбудишь!

И:

- Не ори, стучи молча!

Когда я села, потеряла и разлепила глаза, мне предстала дивная картина. Представьте себе карусель. Только вместо центрального крутящегося столба – Кьяффу, держащего в каждой лапке по мужику. Которые, кстати, спокойно не стояли, а пытались достать друг друга любыми конечностями. И ругались шепотом, предупреждая крикунов о возможности моего пробуждения в смурном настроении. Рядом с длинной ложкой в руке стояла няня и указывала всем, кто высовывался или громко митинговал, путь в светлое будущее, освещаемое искрами из глаз.

- Всем доброе утро, – проявила я вежливость. И меня услышали.

- Разбудили ребенка, поганцы! – вызверилась шмырг и наградила всех орденом почетной шишки, включая паоса.

- Что здесь происходит? – поинтересовалась я.

- Ничего! – прошипел Магриэль и попытался дать пинка Ладу.

- Оно и видно, – покладисто согласилась я. – И все же? – Вопрос я уже адресовала няне.

- Они тут в считалочку решили поиграть, – пожала плечами шмырг. – Раз-два-три-четыре-пять! С Лелей буду я сегодня спать!

- И кто вышел в финал? – Я начала постепенно звереть и быстро терять человеческие черты.

- Пока никто, – отозвалась нейтрально Ар'Инна. – Оба жульничают.

- А эти? – кивнула я на братьев.

- Эти подсуживают, – сдала их няня.

- В чью сторону? – полюбопытствовала я, оглядываясь в поисках чего-то тяжелого, ну в крайнем случае – острого.

- Непонятно, - проинформировала меня шмырг. - Выкрики с места: «Зачем вам это надо?» и «Ее держать дома опасно!» не классифицируются.

- Репутацию нужно оправдывать! - тяжело вздохнула я, беря дело в свои руки и пригребая обломок кактуса. - Сейчас будем учиться быть мышками и начнем тренироваться есть кактус!

- Леля, - нравоучительным тоном начал чертик. - Это не совсем мудрое решение проблемы!

- Безусловно! - согласилась я, обходя паоса по кругу. - Зато очень эффективное. Когда не можешь сидеть из-за иголок в организме, мысли о размножении не размножаются!

- Все равно я буду настаивать! - упрямылся брюнет.

- Конечно! - ласково улыбнулась я. - Это все, что тебе останется. Сидеть ты уже не сможешь!

- Тебе не к лицу такое поведение! - попытался воздействовать на меня Лад.

- Зато к рукам! - поведала я ему. - И кстати, будете мне все должны за сеанс иглоукалывания в мягкие ткани! Беру только наличными!

- Фефя! - подал голос Кьяффу. - Фафай лешим плафлему милным пусем!

- Давай! - Я сегодня была голубем мира и собиралась нагадить всем на головы. По мере скромных сил и возможностей. - Мирный путь - это путь, усыпанный телами мертвых врагов! К врагам я отношу всех покушающихся на мое тело и свободу. Следуя логическому выводу - нужно вас всех замочить! - Я вылила на драчунов воду из котелка. Ничего, что горячую, - главное, не простудятся!

Когда утихли пожелания мне долгой знакомой дороги по прямому твердому пути в темное место, я продолжила:

- Или скопытить!

И напинала всех по коленям. Иногда, правда, промахивалась.

- Как крайнее средство ликвидации крамольных мыслей - ухлопать!

И все получили кактусом по голове, а особо одаренные - по двум!

- А теперь, когда все поняли серьезность моих намерений, - мы будем говорить как взрослые люди. Быстро подняли что-нибудь вверх те, кто согласен остальное образование заменить спасением тролля!

Проголосовали «за» все, кроме Лада. Этот «воздержался».

- Откалываешься от коллектива? - примеряясь к его пятой точке, с нежной улыбкой поинтересовалась я.

- Ты сказала - «что-нибудь поднять», - оскалился чертик. - Я поднял. - И опустил глаза вниз.

Я тоже туда посмотрела. Потом еще раз посмотрела. Закусила губу и еще раз осмотрела предмет голосования. Подумала и пришла к выводу:

- Ты отказался!

- Почему? - вытаращился Лад, очевидно собиравшийся вогнать меня в краску.

Он же не догадывался, что у меня после экстремальной поездки и гарема на все выработался иммунитет!

- Потому что твой голос указывает вниз! - пояснила я. - Мы тебя вычеркиваем! - И попросила паоса: - Кьяффу, отпусти их, пожалуйста!

- Офясь дласся нашнус! – возразил мне осьминогпаук.

- Не начнут, – заверила его я с победной довольной ухмылкой. Гордо: – У них только одна жизнь, и прожить они ее захотят вдали от меня!

- Можешь на это не рассчитывать! – вызверился брюнет.

- Это мы еще посмотрим! – вторил ему Лад.

- Смотрите! – покладисто согласилась я, но предупредила: – В противоположную от меня сторону! – И, в свою очередь, посмотрела далеко в тундру... ой, в море!

Магриэль, видимо, решил – наступило подходящее время для отдачи дебильного долга (кому б сие сомнительное удовольствие тихонько передарить?!), и давай покровительственно прессовать угнетенную думами барышню:

- И все же я настаиваю – Леля, выходи за меня замуж!

У меня возникло неодолимое желание полезть в бар за коньяком. Жаль только, ни бара, ни коньяка нету. Вспомнился эльфийский офис. Ей-богу, хочу надраться вдрызг и на бис показать врагам народа кузькину мать на пару с фикакусом! И пусть эльфы почувствуют себя гнобимой Америкой.

- Чего я там не видела? – спросила я, отодвигаясь от источника неприятностей. Кьяффу все же пока предусмотрительно не отпускал драчунов, придерживая распаленных выяснениями мужчин на расстоянии друг от друга, а главное – от меня.

- Выйдешь – покажу! – продолжал соблазнять меня эльф туманными перспективами под злобное сопение чертика.

- А если выйду, – начала я огрызаться, – то вы меня потом закроете в четырех стенах какого-нибудь замка в глубинке? Чтобы имидж благородному мужу не портила, потому как бомонд меня не примет?

Магриэль почти равнодушно пожал плечами.

- А чего ты хотела? Естественно... Ты даже не дворянка. Но и будь ты человеческой аристократкой, да хоть самой легендарной королевой Тирессией, для нас людские титулы – ничто. Но зато у тебя будет все... – Голос эльфа журчал монотонно и завораживающе.

Пока листоухий толкал выпренную речугу о великой мечте каждой домохозяйки законно спариться с ушастым натуралистом-испытателем, я пробовала себя успокоить: «Я не злюсь на дураков. Совсем не злюсь. Я их жалею. На обиженных Богом грех обижаться. Не сержусь... Не сержусь?! НЕ СЕРЖУСЬ?! Черт, я взбесилась!!! Ненавижу эльфов!»

Тяжело сопя и полыхая алыми отблесками кровожадности, я вынырнула наружу, целеустремленная, как эльфийская стрела. Теперь ховайся кто может!

- Всё – это золотые цапки и золоченый намордник в стразиках? Кандалы с сапфирами? Ошейник с бриллиантами? Дорогущие шмотки, которые некуда надеть, потому что тебя в высшем обществе не принимают? Презрение всех поголовно эльфов, даже слуг? Небо в клеточку, костюм в полосочку?

Магриэль выразительно показал мимикой, что столь ничтожные доводы его светлостью не принимаются. Нью-ню... И зачем, спрашивается, зачем я его спасала?! Лучше бы своей рукой прикопала поглубже! Или поленом гада добила! Может, еще не поздно?

- А если я захочу развестись или начну протестовать, то вы меня, как истеричную викторианскую дамочку, в темной комнате с зашторенными окнами запрете? На хлебе и воде? На пару недель-месяцев-лет? Чтоб не волновать загустевшую женскую кровь и чтоб строптивая успокоилась – да, ухоносец природолюбивый? Так ты учти – я живой не сдамся!

Тут Магриэля спалили братцы-кролики. Он пооткрывали рты и в один голос спросили:

- Леля, а кто тебе рассказал, как у нас лечат истеричных человеческих жен? Это большой секрет и государственная тайна!

Для моего лучшего обзора паос повернулся братьями ко мне, так что выражение моего лица смертники видели воочию. Лично я бы, завидев такое в зеркале, сама от себя уже делала ноги. Но у листоухих из дерева не только лопухи шили, но и мозги. Кроме обычного удивления, на их рожицах ничего не высветилось.

Я горько усмехнулась:

- Сама догадалась. И вообще - в свое время хорошо учила историю!

Пока я стояла столбом и меня трясло мелкой дрожью от одной идеи попасть в эльфийский концлагерь, Магриэль расценил мои действия как добровольную сдачу противнику и решил закрепить успех. Ушастый «жених» напрягся и вырвался на свободу. Сюрприз! Я и сама не заметила, как он успел переместиться. Руки эльфа обняли мои плечи, и бархатистый голос интимно шепнул:

- Соглашайся, Леля! Я выделю тебе целую башню.

Дайте мне базуку! А лучше можно две?! Я потом верну, честно-честно!

- Пожизненно? - прошипела я сквозь стиснутые зубы, мысленно уговаривая себя не кусаться и не тащить в рот всякую немытую дрянь. Мало ли чего от этого завестись может!

- Я буду тебя иногда навещать! - ободрил меня добросердечный Магриэль, преданно заглядывая через плечо.

Скажите, люди хорошие, зачем мужику шикарные волосы и красивые зеленые глаза? К чему роскошное тело, сила и ловкость, воинские навыки, долгожительство, магия, прочие заманухи, ЕСЛИ ОТСУТСТВУЮТ МОЗГИ?!

И тут меня закоротило, как проводок между клеммами под напряжением. Расплавил, заклинило напрочь, с синими искрами и ударом тока. Я развернулась лицом к ушастому гаду и завопила:

- Маголик! Ты! Ты!!! Петух! Кролик! Козел! Подлец! - Перевела дух и по новой: - Глаза б мои тебя не видели! Вместе с чертями и твоими ушастыми собратьями! Чтоб...

Закончить я не успела. На словах «глаза б мои тебя не видели» няня прищелкнула пальцами, и удивленный Магриэль со товарищи... пропал. Сгинул! Исчез, испарился!

Чертик продержался на пару секунд дольше, пытаясь громко возразить, но и ему возмущение не помогло.

Меня застал врасплох пустой пляж, няня и обескураженный Кьяффу, который, забавно вывалив язык, рассматривал опустевшие лапки.

- Э-э-э... - растерянно проблеяла я, оглядываясь по сторонам. - Мм... А где все?

- Там, где ты не будешь их больше видеть, - равнодушно пожала плечами няня. Подытожила происходящее безобразие: - Твое душевное спокойствие для меня главное!

Осьминог паук с уважением покосился на шмырга и бочком-бочком отошел в сторонку. Видимо, от греха подальше.

- Они хоть живы? - со вздохом безысходности поинтересовалась я, присаживаясь на корточки и начиная перебирать пальцами песок и хаотично чертить на нем волнистые линии. Ох уж мне эти женихи, маги и кудесники! Этак я скоро заикаться начну. И поседею!

- Относительно, - поведала мне Ар'Инна.

- Относительно чего? - осторожно спросила я, ожидая худшего. Грех на душу брать не хотелось, для того существуют другие, более интересные места.

- Относительно времени и пространства, - пояснила няня. Утешила: - Они сейчас у себя дома с родственниками разбираются. Так что если и живы, то ненадолго.

- А моя оплата? - расстроилась я. Напомнила тем, кто не в курсе нашей договоренности: - Магриэль мне еще кучу золота должен.

Хотя если честно - мне было настолько плохо, что даже воспоминаниями о золоте я подстегивала себя с трудом, как-то вяло и по привычке. Я, наверное, Маголику сама бы кучу золота дополнительно подарила, если бы всего того, что со мной здесь приключилось, никогда не было!

Кроме Мыра. Его не отдам. Это то светлое, что в моей памяти осталось.

- Закончишь свои дела и подашь на эльфа иск, - успокоила меня шмырг. - Тогда еще больше получишь... от его папы. - Хрюкнула: - Он тебе полказны подарит, только чтобы такого позорища в своей семье избежать!

- Мне следует обидеться? - надулась я, вставая и отряхивая руки.

- Тебе следует радоваться. - Къяффу, зайдя за кусты, оборотился в нормальный человеческий вид и теперь вернулся, свободно принимая участие в разговоре.

- Почему? - искренне удивилась я.

Къяффу-мужчина всегда воспринимался мной... экзотично, поэтому я позволила себе немножко полюбоваться пригожим зрелым красавцем. Он двигался та-ак интересно... словно гибкий и сильный индеец на тропе войны - бесшумно и быстро. Стремительно. Так сказать, новый Гойко Митич.

- Потому что, не став ни женой, ни вдовой - а князь вряд ли потерпит соперника! - ты получишь хорошее содержание, - вдумчиво объяснил паос, параллельно исследуя опустевший лагерь.

И что он там рассчитывал найти? Алмазные копи? Золото инков?

Я присмотрелась: мне показалось - паос магически затирает какие-то следы, причем делает это по возможности незаметно и осторожно. Во всяком случае, психическим припадком или нервными конвульсиями специфические сложные знаки, странные движения пальцев и кистей рук я бы называть не рискнула. Слишком хорошо скоординированы, да и порошок какой-то серебряный с ладоней струйкой сыплется.

Ладно, его мир - его проблемы! Будем считать, я глупая и не заметила!

- Звучит... заманчиво, - уныло признала я. Поразмыслила: - Только вот мне почему-то кажется - как бы мне не подавиться бесплатным сыром! Кое-кому проще притравить меня на каком-нибудь постоялом дворе, чем платить... А интуиция кричит, - подняла глаза на подстрекателей доморощенных, - что так оно и будет.

- Лучше пережевывай, - дружески посоветовал Къяффу. Он перестал обыскивать наш бивак и перевел разговор на другую тему: - Так что по поводу твоей безумной эскапады по спасению мира?

- Мыра, - педантично поправила я. Подошла к тюкам и достала серебряную флягу, куда с вечера няня залила охлажденный травяной отвар. Отхлебнула. - Сейчас пойдем. - Вспомнила важное: - И кто-то знает - фикакусы приманиваются на свист?

- На запах, - поведал мне паос и хитро подмигнул.

Няня вздохнула, постучала поварешкой по кактусу и послала нас... собирать вещи.

Спустя какое-то время мы стояли перед шмыргом в боевой готовности. Мы - это я, умытая и причесанная, и Къяффу с моими сумками. Манатки эльфов испарились вместе с хозяевами. Вещей Лада тоже не осталось.

- Ну, поехали! - сказала няня и взмахнула рукой.

Через мгновение мы стояли перед белокаменной громадиной и сверлили ее глазами.

Лично от моего пламенного взора даже малейший камешек не откололся.

Удивительно, что отбыли мы утром, а прибыли вечером! Смещение часовых поясов?..

– Как-то тут всего много, – уныло заметила я.

Няня покосилась на меня и с поучительной интонацией рассказала:

– Когда-то это была магическая крепость, оплот последнего ордена диких дизров. Прадед князя вычистил это разбойное гнездо. Орден уж пять столетий как запрещен. Теперь здесь тюрьма особо строгого режима для политических преступников.

Мама!

На излучине реки мы узрели воочию необыкновенное сооружение. В этом месте на полуострове, как бы запирая реку на ключ, стояла могучая крепость в два высоких этажа – с толстыми каменными стенами, нетипичными для данной местности большими окнами, полукруглыми вверх. В этом порядке расстановки арочных окон было что-то от Древнего Рима и Колизея. Архитектура крепости тоже немножко странная – словно во все стороны растопырила белокаменные щупальца-лучи хищная звезда. Кажется, в военной терминологии такие лучи именуют бастионами, да?

Шипастая звезда нависала над местностью, раскорячив треугольники, как голодный осьминог в поисках добычи.

Мы подошли ближе, и я поняла: заставить кого-то жить в таком месте – форменное издевательство! Еще не наступил толком вечер, а уже туманная сырость заволочла крепость белой дымкой. А как же люди? То есть заключенные?

Я поежилась.

– И как ты собираешься брать крепость? – с примесью иронии поинтересовался паос. – Измором или по кирпичику разберешь?

– Няня, – позвала я. – А нельзя сразу внутрь попасть?

– Нельзя, – вздохнула Ар'Инна, забавно колыхая туловищем. – Место защищено от подобных вторжений. Это все же тюрьма. Негоже, чтобы все по пустякам туда-сюда шастали.

– Понятно, – грустно признала я ее правоту. – Тогда нужно подумать...

– Предлагаю «подумать» в теплом месте за чашкой грога, – покосился на меня Кьяффу, явно сомневаясь в моих мыслительных способностях.

– Не возражаю, – согласилась я, и няня перенесла нас на улочки близлежащего городка.

– Давайте найдем приличную таверну, – внес разумное предложение паос. Не дожидаясь ответа, вскинул на плечо сумки и уверенно попер вперед. Мне оставалось только смотреть на его энергично удаляющуюся спину и тихо завидовать роскошной фирменной коже куртки, которая всегда с ним по первому желанию.

Мы двинулись за ним по узким, извивающимся по невысоким холмам улочкам.

Городок был так себе... Если по нашим меркам – поселок, по местным – полноценный крупный город. Одно-, иногда – двухэтажные дома с редкими окнами, составленными из большого количества стекол в белых деревянных рамах и мощными ставнями. Открытых дворов нет, одни глухие стены метра два с половиной. Вход в жилые здания выполнен однообразно – через укрепленную белую дверь.

Кое-где, видимо на центральных улицах – чисто выметенная, может быть, даже вымытая каменная мостовая; в остальных местах – плотно утоптанная светлая земля по типу глины. На ощупь добавлю, – ничуть не хуже каменной! Спеклась под жарким солнцем до твердости обожженного кирпича. Вдалеке над ровными квадратиками крыш виднеются какие-то высоченные башни. Они торчат над местечком, как городовые. Функции строений-башен непонятны. Религиозные, что ли? Пожарные?

Впрочем, мне сложно о том судить.

По какой-то непонятной причине людей на улице не было, словно их корова языком слизнула или все местные с перепугу попрятались. Не брехали собаки, не бегали кошки, не сидели бабушки на лавочках... Не то город, не то село будто повымерло. Страшновато как-то. Город-призрак. Должна же быть этому хоть какая-то причина?

Объяснение скоро нашлось. Кое-где нам попались приклеенные на стенах бумажные портреты дорогого князя с личиком из золота, в перевитых лентами венках из цветов померанца и роз. Внизу шли надписи опять-таки золотой вязью на непонятном языке.

Я тихонько спросила няню:

- У вас завтра выборы? Или это из разряда «его разыскивает милиция»?

Няня промолчала, зато откликнулся Къяффу:

- Тут написано: «Приветствуем горячо любимого и глубокоуважаемого диэра, да продлят высокие боги его благословенные дни...» И... - Он запнулся.

- И?

- Все. Больше ничего интересного.

Тъфу-тъфу-тъфу! Не хватало, чтобы принесла сюда нелегкая еще и рыжего!

Къяффу словно понял мои переживания:

- Не волнуйся! Это у них с позапрошлого лета болтается.

Я уже настроилась долго тащиться по этому белому безмолвию, но не успели мы пройти и ста метров, как Къяффу был сбит с ног клубком из двух тел, вылетевших из открытой двери одного из заведений с вывеской. Что за шум, а драки нету? Непорядок!

- Шушу, это ты? - страшно обрадовалась я, рассмотрев хорошо знакомый толстый хвост.

- Привет, Леля! - невозмутимо ответила змеелюдка, распутываясь и вставая. Потом она выудила из кучи незнакомого бесчувственного мужика и взвалила его себе на плечо. Улыбнулась все еще лежащему паосу: - Извините за такой напор. Дела требуют срочного вмешательства.

- Зачем тебе это? - раскрыла я широко глаза.

- Хочу показать, как нужно откладывать яйца, - любезно пояснила подруга, сдувая со лба прилипшую прядь. - Так что подожди меня внутри - я сейчас вернусь, пока этот венец природы не завял окончательно. Там, кстати, Эсме и Миримэ нервы успокаивают.

И уползла прочь с бессознательным телом. Интересно, после ее демонстрации мужик обретет или потеряет? Похоже, Къяффу мучил тот же сложный и противоречивый вопрос.

Няня посмотрела на нас двоих, застывших в глубоких раздумьях, и хмыкнула. Взойдя на крыльцо, твердой рукой открыла дверь.

Ну да, ну да... Из двери выскочил потрепанный гном без головного убора, вопя во все горло:

- Спасибо Демиургам, ушел нетронутым! - И с дробным топотом умелся в неизвестном направлении.

- Весело у них, - вздохнул паос, отодвинул няню и попытался войти. Именно что попытался! Первая попытка прошла неудачно: в него попал полураздетый эльф и уложил на отдых.

Я спряталась за дверь и потянула за собой грозного шмырга. Хоть няня и была местным Рембо, но все же...

Эльф поднял голову, окинул нас затуманенным взором, до чего-то додумался, подскочил и сбежал, попутно наступая на Кьяффу и горлопая:

– Мне сегодня уже всего хватило! И бабы меня тоже не привлекают!

– Ужас! – поделилась я с Ар’Инной. Отчасти жалея морально пострадавшего ушастика и с опаской поглядывая на человекообразного паоса. – Это на кого он теперь наметился?

Няня отчетливо указала в сторону лежащего на крыльце мужчину. Я поежилась и дружески посоветовала Кьяффу:

– Не связывайся с чужими сомнительными эльфами – у нас своих целая куча!

Паос рыкнул, взмыл на ноги, отряхивая штаны от следов эльфийского забега, и сделал новую попытку прорваться внутрь заведения. Правда, ему опять не повезло...

В дверь вылетел мелкий гоблин с кадушкой, в которой росло что-то веселенько-зелененькое. Так что наличие гоблина я смогла определить только по присутствию конечностей. А так полностью сливался. Так вот, гоблин вторично снес дверь несчастного Кьяффу и уложил на то же самое место. Оставив растение паосу (причем точно уместив оное на грудь пострадавшего), зеленый посетитель резво ускакал, что-то квакая о невоспитанности, распущенности и celibate.

– Тебе точно туда надо? – Дрогнувшей рукой Кьяффу снял и отшвырнул подальше присвоенное озеленение. Попытался отползти в сторону, но не успел. Его догнал мужик неопознанной расы, в жутком рванье. Рукав щегольской алой шелковой рубашки полуоторван, длинная расшитая безрукавка, штаны и подол рубашки разделаны практически на ленточки...

Когда-то, видимо, мужчина был волосатым. Теперь у него по всему периметру шевелюры виднелись белесые проплешины, а остальной волосистой покров был заплетен мелкими негритянскими косичками и намазан рыбьим клеем. Этот запах ни с чем не спутать!

– Женщина – это страшное оружие! – поведал он полегшему вновь паосу. И тут увидел нас... Ну, что сказать – рекорды Книги Гиннеса просто отдыхают! Такие прыжки в высоту и карабканье по отвесной стене радовали глаз.

– Может, зайдем с заднего хода? – настороженно спросила няня.

– Не получится! – Волосатик, хоть и лез наверх, но осмелился вступить с нами в диалог: – Там уже баррикада из тех, кто попытался перепить эту чешуйчатую шушера! – Наябедничал: – А она жульничала!

– Почему? – поинтересовалась я, соображая – может ли загадочная «шушера» быть славной Шушу.

– Потому что у нее имеется дополнительный резервуар, замаскированный под хвост! – поделился своим наблюдением волосатик, уже добираясь до крыши и исчезая.

– Нужно спасти от этих разнузданных чудовищ твоих подруг! – Кьяффу ни с того ни с сего вознамерился стать героем. И какая курица, спрашивается, его под хвост клюнула? Особенно с учетом того, что хвоста-то как раз у паосов и нет.

А вообще – правильно! Несколько раз полежал, отдохнул хорошенько – можно и за дело приниматься с новыми силами!

– Или спасти всех остальных от змеино-оркийской орды! – выдохнула я. Словно японский нинзя, отчаянно занырнула внутрь с криком: – Девочки, чур, не стрелять мужиками! Это я, Леля!

А внутри нас встретили развалины Помпей и две довольные девушки, сидящие на стойке и чокающиеся гранеными стаканами, по всей видимости, с гномьим самогоном. Знаете, такой белый, мутный и похож на «Спотыкач» из картошки.

Все остальное пространство таверны было занято обломками мебели и аккуратными кучками посетителей, разложенными в шахматном порядке.

- Леля! – заорали подруги в хорошо поддатом состоянии. – Тебе штрафную! Ты отлынивала!

Мать честная! Это кто ж их подпоил?!

- Я не пью! – не согласилась я. – И вообще, вы уже хорошо погуляли. Дальше некуда.

- Это не мы! – радостно поведала мне покачивающаяся из стороны в сторону Эсме. – Это он разошелся! – И ткнула куда-то под стойку. – Выходи! Ты снова в законе!

Оттуда выполз помятый фикакус и счастливо взмахнул листиками. Скрежетнул по полу когтями и бросился мне на шею.

Я вовремя уклонилась от подобного бремени, и весь удар на себя принял идущий сзади Кьяффу.

- Извини, – покаялась я, когда паоса снова положили и озеленили. – Своя шея дороже.

Из-за стойки выскочила фикакуса с черпаком, застрявшим между веток, и кинулась к супругу. Только непонятно для чего – то ли на подмогу, то ли добавить парочку оплеух...

- Это у тебя всегда так бурно встречи с друзьями проходят? – Кряхтя и постанывая, Кьяффу поднимался с пола, ошарашенно озираясь.

- Нет, – улыбнулась я. Многозначительно: – По большей части...

Кажется, паос явного намека не понял.

- Это радует, – поделился со мной мужчина.

- Обычно они происходят гораздо жестче, – порадовала его я в свою очередь. Вспомнила ненормального диэра. – Иногда льется кровь и идет охота за Древними. Если ловим диэра, то сначала душим хвостом, потом оголяем...

- Жесть! – емко и информативно высказался паос. И передернулся.

- Какой интересный мужчина! Где ты его взяла? – полюбопытствовала орчанка, спрыгивая с барной стойки и обходя кругом оборотня.

- Я не брала, – призналась как на духу. – Всего лишь позаимствовала на время. У нас совместные интересы, подкрепленные некоторыми усилиями и небольшим шантажом. А так – все в порядке.

- Ну, это нормально! – пропела эльфийка. – Как же иначе хрупкая маленькая девушка может воздействовать на большого сильного мужчину, если только не настоять на своем... – Она спрыгнула, но угодила на чужую руку, неосторожно откинутую в сторону.

- Ой!!! – эмоционально высказался обладатель руки.

- Вот видите! – обрадовалась Миримэ и покачнулась.

- Ой-ой-ой! – настойчивей простонал владелец оттапываемой конечности. – ...!!! И... чтоб...!

- Сла-абак! – обиделась эльфийка. – Всего-то час назад обещал носить меня на руках, а сейчас просто поддержать не можешь!

- Девочки, – привлекла я к себе всеобщее внимание. – Мне снова нужна ваша помощь...

- Да пожалуйста! – с ходу расщедрилась Эсме. Усевшись за стойку, она тянула через соломинку какой-то пенный напиток и болтала ногами. Косички растрепались, ее замшевую безрукавку спереди украсили многочисленные порезы, прожоги и пятна, хотя юбка местами и уцелела. – После того как нас выперли из гарема за неподобающее поведение, везде такая маета и скука!

- И чем вы там занимались таким неподобающим? – Тут уже их приключениями заинтересовалась я.

- Тебя искали, - широко улыбнулась чуточку хмельная Эсме, облачиваясь на паоса. - Просто мы использовали современные дедуктивные методы, которые почему-то не понравились зрителям...

- Да-да! - поддакнула Миримэ, доползая до подруги и прислоняясь к Кьяффу с другой стороны. - Они не понимают, не любят и не ценят прогресс!

- И в чем он выражался? - Я начала всерьез опасаться за целостность княжеского дворца вообще и гарема - в частности.

- Ну-у-у... - начали каяться девушки. - Мы искали тебя в сокровищнице, потому что тебя назвали «главной драгоценностью сезона»; на кухне все перевернули, потому что ты - «сладость князя»; в кладовой - из-за титула «свет очей». В погребе вели розыски «опьяняющей»... - Единодушно: - Мы исследовали все очень тщательно и пунктуально!

- Ешкин кот! Представляю себе... там, наверное, после вас Содом и Гоморра! - пробурчала я, хотя совсем не представляла.

- Мы так старательно тебя искали, - горестно всхлипнула чувствительная эльфийка. Ядовито: - Мы даже не обращали внимания на недостойных личностей, которые мешали нам на каждом шагу и вытаскивали из наших рук любые предметы, способные помочь в этом трудном и непростом деле!

- Да-да! - поддакнула орчанка. - Отобрали мелойское вино в хрустальной бутылке...

- Это ж целое состояние! - икнул паос.

- Она почти не разбилась! - эхом икнула Миримэ. - Всего-то раза три... ну, может, четыре... падала на пол. Потом розочкой от бутылки Эсме прищипила к стенке подвала рога главного виночерпия, чтобы орал потише... А вино из остальных хрустальных сосудов мы только немного пригубили... чтобы убедиться в качестве твоего стола. Ик!

- Ужас! - закатил глаза Кьяффу. - У вас, девушки, очень дорогостоящие привычки! И сколько ж вы «попробовали»?

- Не помню, - призналась орчанка. - Мы тару прятали.

- Да почитай, все, - сдала ее с потрохами эльфийка.

Мне поплохело.

- Понятно, - нервно закивала я, испуганно оглядываясь по сторонам в ожидании стражей правопорядка. - А где няня?

- Привет, подруги! - В таверну вломилась Шушу, сияя незамутненной гордостью победительницы. Осведомилась: - Не знаете, змеелюдки по деревьям лазают?

- Откуда ж нам знать! А что? - вытаращилась я.

- Тот мужик яйца захотел откладывать непременно на дереве и теперь сидит там и мне ничего показывать не хочет, - запечалилась Шушу. Сверкнула глазами с удлившимся зрачком. - А я решила посоветоваться - лезть или нет. Вдруг это против нашей природы?

- Потрясти деревце не пробовала? - деловито осведомилась орчанка, закатывая рукава и демонстративно разминая руки.

Мне стало сразу до слез жалко - и мужика, и дерево.

- Только очень аккуратно, - предупредила природолюбивая эльфийка. - Не повреди ствол.

- А если свалится и яйца разобьет? - встревожилась змеелюдка. - Как я тогда увижу процесс? Снова кого-то отлавливать, уговаривать?!

- Хватит! - прикрикнула я. - Мы сейчас пойдем в другое место...

- Спасительница! - всхлипнули из-под стойки. - Благодетельница! Уведи этих

прекрасных дев – я дам точный адрес конкурента!

– Это кто? – подпрыгнула я от неожиданности.

– Это хозяин, – хмыкнула орчанка. – Мы его в заложниках держим – чтобы выкупом оплатить причиненный ущерб.

– Ага, – кивнула я и полезла под стойку.

Там покоился надежно спеленатый кухонными полотенцами орк, смотревший на меня умоляющими глазами.

Я решила немного воспользоваться ситуацией:

– Что мне будет за освобождение заложника?

– Все! – заверил пленник. – А если уведешь этих чудов... чудесных дев, то гарантирую пожизненную скидку в моем заведении!

– Зама-анчиво, – призналась я. Но мне совсем не улыбалось гулять натошак.

– Только с условием, что они *никогда* больше здесь не появятся! – четко оговорил нюансы хозяин. – Даю слово Сирка!

– Угу, – задумалась я. Вернее, сделала вид, что задумалась.

– Стопроцентная скидка! – сладко искушал меня пленник, сверкая глазами.

– Хорошо! – хлопнула я ладонью по полу. – Давай сделаем так – я тебе оплачу ущерб и мы обещаем больше не буянить, но ты, в свою очередь, предоставишь нам комнаты на несколько дней, провиант, и если нужно будет – то кое-что из амуниции.

– Других вариантов от них избавиться нету? – указывая в сторону девушек, на всякий случай спросил хозяин. Уже, видимо, отчетливо понял: сегодня у него роковой день и созвучная поза.

– Нет, тут без вариантов. – Покачала головой. – Но я постараюсь компенсировать некоторые неудобства.

Я развязала хозяина под дружное ворчание подруг, и мы совместно вылезли из укрытия прямо под ноги к няне.

– Что, старый пень, опять на молоденьких потянуло? – вместо приветствия нахально заявила шмырг.

– Радость моя! – расцвел Сирк, потягиваясь всем телом, словно огромный кот. – И ты тут? Какими судьбами?

– Ветром надуло! – ответила Ар’Инна и широко улыбнулась. – Попутным!

Орк понятливо хрюкнул и не стал уточнять прогноз погоды на ближайшие дни. Вместо этого он застыл статуей скорби, разглядывая новый дизайн своей таверны и горестно вздыхая.

Я воспользовалась моментом и пошла копаться в сумке, выискивая самый маленький браслет под непрерывное ворчание паоса о молодости, глупости и пустотах в некоторых частях тела...

Ага. Уж кто бы говорил! Вода – тоже пустота, а у паоса костей нет по определению!

Хотя мой желудок охотно согласился с последним утверждением Кьяффу и голодно заурчал.

Няня сразу оживилась, мигом подпрыгнула и вцепилась в Сирка, как клещ в собачье ухо:

– Насмотрелся? Давай на стол собирай, лось ленивый!

Орк почесал затылок и выродил, широко расставя кривые ноги и выразительно потирая большой и указательный пальцы:

– Не могу. Стимула нет.

– А как насчет такого, достаточно веского, на мой взгляд, материального стимула? Устраивает? – Я сунула ему под нос один из тонких браслетов с радужными камнями.

– Счас сделаем! – молниеносно отмер хозяин. Его лицо осветилось горячей любовью к постояльцам и небывалой доброжелательностью. Он прижал к сердцу побрякушку и радостно ускакал в сторону кухни с криком: – Живите сколько хотите, но не больше недели! Питание включено! Дебоши и пытки за отдельную плату!

– Везде все решают деньги, – вздохнула я, не зная – то ли смеяться, то ли плакать. Повернувшись к подругам, наблюдающим действие округлившимися глазами, и попросила: – Пожалуйста, больше никаких безобразий без моей санкции. Тем более что, скорее всего, нам вскоре придется...

– И все же я советую подумать! – влез Кьяффу. – Это чересчур опасное мероприятие. Да еще и ради тро...

– Или ты замолчишь сам, – строго пригрозила я, – или мне придется помочь, и тогда уже никто и никогда не услышит твоего мнения!

– Я еще писать умею, – намекнул паос. Это была с его стороны серьезная ошибка. Учту на будущее.

– Спасибо, – кивнула я. – Было бы чем. После того как я покажу тебе мастер-класс, тебе останется только практиковаться в передаче мыслей на расстоянии. – Многозначительно и с предвкушением в глазах: – И то... не факт, что будет чем передавать.

– Ну, ты зверь! – восхитилась Шушу, зигзагом подползая к нам и протягивая руку Кьяффу. – Давай знакомиться, жертва коварного женского произвола, меня зовут Шушу.

Я пропустила мимо своих ушей дальнейшую часть ознакомительной церемонии, потому что из кухни показался орк и замахал нам рукой, приглашая на обед.

Пищевлок, к преогромному нашему счастью, почти не пострадал, и мы, усталые и довольные, уселись за овальным каменным столом и откушали то, что нам орк послал.

Ничего так послал. Приемлемо. Еда была незамысловатая, но сытная и вкусная.

Я лично так разнервничалась, что уничтожила провизию, не особо вникая, что ем.

После насыщения умиротворенная орчанка отвалилась от стола и вопросительно воззрилась на бывшую звезду гарема:

– Сознаться, Леля, какой подвиг ты на этот раз решила совершить?

– Ничего особенного. Мне всего лишь нужно проникнуть в Илостанский равелин и спасти одного челове... почти человека, – максимально доходчиво и вполне искренне призналась я, после чего девочки на пару минут утратили дар речи.

Потом они полезли дружно щупать мне лоб и начали невзначай интересоваться у няни – сколько раз за последнее время я ушибалась головой. Причем спросили ту раз пять.

И мы начали создавать план действий...

– Ты с ума сошла? – Первая реакция на мое предложение.

Спустя час и два литра пива...

– А все же какое-то рациональное зерно в этой аванюре есть! – высказалась эльфийка.

– Ты че, курица! – возмутилась орчанка. – Если тут и есть зерно, то размером с хорошего поросенка! И жрать его придется нам!

Спусти два часа, пять литров эля и два сломанных стула...

– Уговорила, речистая! – потягиваясь, откинулась на спинку оставшейся в трактире целой мебели Шушу.

Все с ней молча согласились, показали мне знаки одобрения кулаками и отбыли на заслуженный отдых. Я сгоняла в темную мыльню и ополоснулась чуть теплой водой. Завернувшись в мягкую простыню и не утруждаясь долгим одеванием, проскочила в потемках в постель. Как хорошо!

Ночью мне снились объятия и поцелуи. Что-то невероятно приятное, но абстрактное.

Утром меня разбудила надутая от значимости своей необходимости няня и попыталась еще раз уговорить не ходить в тюрьму.

– Дитятко мое, – заявила она, – чего ты там забыла?! Если уж тебе так приглянулся тролль, то давай отловим свободного!

– Мне нужен Мыр! – твердо настояла я на своем и пошла приводить себя в порядок, замороженно разглядывая в зеркале припухшие и зацелованные губы. Хорошо, что никто не заметил. Пришлось наносить помаду и покрывать сверху блеском.

Я вспомнила собственнические, довольные интонации голоса князя и чуть не лопнула от злости. Чтоб его, это волшебство диэров!

Через некоторое время, хорошо заправившись плотным завтраком, мы прошли сквозь оживленный южный город. Потом веселой компанией спустились вниз до излучины реки, дотопали до укреплений равелина, где разделились. Няню поставили караулить на шухере с вещами, мы с Кьяффу засели в засаде в ближайших кустах, а девочки отправились отвлекать внимание.

Отвлечение стражи происходило следующим образом. Девочки твердым шагом и походкой от бедра приблизились к караулке около ворот и вежливо попросили:

– Молодые-интересные, а нельзя ли нам пообщаться с начальником Илостанского равелина?

– Никак нет, барышни! Нельзя! – сказали стражники со щитами и алебардами, сияя начищенной броней. Усатые вояки игриво подмигнули: – Идите, девочки, своей дорогой!

– Не можем! – трагически вздохнула Шушу и разлеглась бревном перед воротами. Скорбно призналась: – Увы, наша дорога лежит через ваш равелин.

– Безобразие! – возмутился начальник караула и пошел убирать неподотчетное имущество. Обрато он прилетел гораздо быстрее, отфутболенный хвостом змеелюдки, на который он так неосторожно наступил.

– ... лапочки, – шипя сквозь зубы, чуть не выругался он, когда смог членораздельно выражать свои мысли и попутно разделил члены тела. Своего. – Шли бы вы подобру-поздорову!

– Не можем! – еще тяжелее вздохнула Эсме и полезла штурмовать ворота. – Все добро – там! А здоровье нам и так уже в гареме подпортили.

– Это хулиганство! – озверел начальник караула и послал одного из стражников отцепить орчанку от подотчетного имущества. Стражник не дошел, потому что был послан назад с ускорением. Шушу не дремала.

Караул на стенах насторожился и развернулся в сторону ворот.

– Дамы! – Начальник караула зверел на глазах. – У вас есть ровно пять минут, чтобы успеть!..

– Мужчина! – захлопала на него ресницами Миримэ, начиная раздеваться. – Я за это время только успею корсет расшнуровать! И вообще, спешка в этом деле приводит к травмам!

- Прекратите это бесчинство! – запаниковал начальник караула и попытался отобрать у ближайшего стражника плащ. Тот отдавать не хотел. Наоборот, с удовольствием пялился на стройное девичье тело.

Заинтригованные вояки на стенах начали незаметно покидать вверенные им участки крепости и потихоньку подтягиваться поближе к центру событий.

Но кто-то особо шустрый все же вызвал начальника равелина. Толстый дядечка с одышкой, пытая и сопя взобрался на стену и спросил:

- Могу ли я вам чем-то помочь? – грозным оком окидывая подчиненных.

- Конечно! – расцвела улыбкой Шушу, вовремя реагируя на всяческие поползновения со стороны противника. – Мы пришли, чтобы просить у вас политического убежища!

- Это равелин, – ровным голосом сообщил ей главный по тюрьме и вонзил в нарушителей бестрепетный орлиный взор.

- Мы в курсе! – согласно кивнула Эсме, сидя сверху на воротах. – Мы по карте посмотрели и в таверне спросили, где лучше всего отдохнуть. Нас отправили сюда.

Пять минут молчания и всеобщее ошеломление. Бойцы заинтересовались и опять незаметно, по полшага двинули к источнику развлечений.

- Это тюрьма, – еще строже поведал главнюк и сдвинул лохматые брови дальше некуда. – Здесь сидят! – Притопнул ногой.

- Что, и полежать нельзя?! – ужаснулась эльфийка, переставая раздеваться.

Толпа зароптала:

- Лежи скока хочешь!

- Могу присоединиться!

- Девушка, не отвлекайтесь!

- Молчать! – рявкнул начальник равелина. Обвел рукой свое временное владение. – Это казематы!

- Да нам после княжеского гарема все отдыхом кажется! – беззаботно отмахнулась Шушу. – Главное – покой, двух-трехразовое питание и койка.

- Здесь сидят мужчины! – Босс уже не знал, как отвязаться от новых постояльцев.

- Да вы что! – обрадовалась орчанка. – Одинокие?

- Теоретически, – не мог погрешить против истины толстяк.

- Тогда мы к вам! – не сбавляя энтузиазма, тут же согласилась на заключение в равелине Эсме. – Где еще найдешь столько одиноких, оголодавших мужиков?!

- Только здесь! – согласилась стража. Вся, как один человек!

- Ты готова? – прошептал мне Кьяффу, бдительно рассматривая нужный нам участок стены.

- Всегда! – поежилась я, но подвиг совершать все равно не отказалась.

Паос замерцал и перевоплотился. Еще раз окинул взглядом каменную кладку и плавно мимикрировал под нее. По виду прямо не отличишь – где Кьяффу, а где стена, все сливается. Вот это спецназ!

- Ух ты! – вытаращила я глаза. – Ты еще и так можешь?

Кьяффу закатил глаза и пригреб меня к себе лапками. Я не успела понять, что происходит, как паукообразное насекомое выплонуло белую шелковую нить и стало

быстро-быстро вращать меня в своих лапках, заматывая в кокон. В итоге, когда наружу осталось торчать только мое несчастное лицо, а все остальное скрылось под рядами шелка, верхний слой моей походной плащ-палатки паос умотал чем-то другим, выделяя секрецию из брюшка, и моя переноска стала по окрасу точно такой же, как сейчас Кьяффу – в тон стены.

Я даже не успела пожаловаться на невежливое с собой обращение, как паук схватил меня передними лапками, дополнительно зажал жвалами, или как это у него называется, и поволок наверх. Прикрывая меня спиной, паос полез по отвесной стене к нужной (я надеюсь!) башне, где, по слухам, содержали очень опасных государственных преступников.

Но когда мы перевалили гребень стены, то прокатился какой-то странный гул, и все задрожало. Стража заволновалась и забегала.

– Это что? – поинтересовалась я в грудь Кьяффу.

– Ш-ш-ш! – проворчал осьминогопаук и прыгнул на башню.

– Мама! – прошептала я. – Мы уже или еще?..

– Ващще! – фыркнул паос, взбираясь к ближайшей бойнице. Вдруг он остановился, принялся и изменил направление. Мы обползли башню вокруг и, высадив стекло с решеткой (Кьяффу на них плюнул – и стекла с железом просто не стало!), влезли в отверстие.

Кьяффу по нахалке плюнул опять... на мое убежище, и кокон сам собой распался за пару секунд. Я поднялась, отряхиваясь.

– На меня, конечно, плевали, – сообщила я подельнику, – но как-то больше фигурально. В первый раз так явно чувствую истинное отношение к себе.

Паос понятиливо хмыкнул, а я занялась делом.

Поскольку я в первый (и даст бог – в последний!) раз оказалась в тюрьме, то с любопытством огляделась вокруг. Безобразие! Где сырые стены? Плесень и мыши с крысами? Антисанитария и вонь?

Цепи, правда, присутствовали. И в цепях висел... Мыр!

– Мыр!!! – Я отлепилась от Кьяффу и поскакала обниматься. Хотя, честно говоря, моему появлению как-то не больно и обрадовались.

Во-первых, тролль совсем не выглядел изможденным или угнетенным. Сердитым – да! Жутко. Но не подавленным заключением под стражу. Во-вторых, он был каким-то запыхавшимся, что ли... Могучая грудная клетка ходила ходуном, как после длительного забега или при поднятии тяжестей, по лбу и вискам бежал пот.

А может, его так взволновал мой визит?

Башня тем временем начала трястись все интенсивнее.

У меня от радости «в зобу дыханье сперло». Я рванула к Мыру на всех парах и повисла на его шее, пообещав себе, что со всеми несоответствиями разберусь позднее.

– Мыр! Я так соскучилась!

– Я тоже, – смягчился мой друг, ласково поглаживая меня по спине. – Зачем ты здесь?

– О! – Я оторвалась от его груди и заглянула в лицо. – Ты уже выучил нормальный язык?

Тролль закатил глаза.

– Женщина! – рыкнул он. – Где были твои мозги, когда ты сюда лезла?

– Там же, где и твои! – обиделась я. – Когда ты сюда попал!..

И мы бы та-ак славно поругались... но тут начали крошиться стены и в наш весьма насыщенный эмоциями диалог встрял Кьяффу:

- Бешим!

- Согласна! - живо отреагировала я. - Но тебе нужно к логопеду! Иногда ты выдаешь двусмысленности!

- Ш-ш-ш! - сказали оба мужчины.

Дальше начали действовать: Кьяффу прицельно плевался на цепи, Мыр рывком их из стены выдергивал. Стены тряслись. Я визжала. Мысленно. Стены еще больше тряслись.

А потом мужчины решили, что пришла пора нас спасать.

Мне понравилась идея, но совсем не понравился сам процесс. Заматывать меня в паутину не стали - видимо, из соображений экономии расходного материала, или его в загашниках Кьяффу не осталось... Может, сыграли роль еще какие-нибудь весомые мужские причины вести себя так или иначе. Абсолютно, на их взгляд, логичные.

Например, как у мужа моей подруги Лариски. Жена безумно устала, наработавшись по дому и ухаживая за маленьким ребенком. Уложив наследника спать, Лариса тоже ушла в спальню и провалилась в сон. Спустя какое-то время в дом появился ее благоверный и начал спешно проверять: где же его половина?

Нашел. В темной спальне, под одеялом. Включил свет и спросил:

- Ты спишь?

Логично? Весьма. В темноте, в одиночестве, под одеялом усталая женщина может делать кучу вещей. В частности, убирать, стирать, блинчики печь или яичницу жарить. М-дя-я-я...

В общем, тролль схватил меня в охапку, пристроил на плече и велел держаться. У меня сразу возник актуальный вопрос, когда я рассматривала его поджарый тыл: «За что держаться?» Но мое мнение не учитывали. На мое робкое предложение:

- Можно я с Кьяффу спасусь, а потом вы славой поделитесь? - Мыр рывкнул что-то нечленораздельное и полез в окно.

Я крепко зажмурилась и по дороге вспоминала все доступные в моей мозговой директории во всех имеющихся на хранении файлах любые молитвы, но кроме: «Помоги мне, боженька, я - честное слово, больше никогда...» - на ум ничего не приходило. Потому что дальше образовался пробел. Лакуна. Вакуум. Нет, не вакуум - трясущееся желе! Пудинг из мозгов с привкусом ужаса!

Тут меня потрянуло сильнее и чем-то стукнуло по спине. Я приоткрыла один глаз и... заорала в голос от страха:

- МАМА!!!

А кто б не заорал? Когда вокруг все рушится, и не как в кино - в замедленной съемке, далеко и нестрашно, а по настоящему - быстро и больно.

- Я иду! - раздался трубный рев няни.

- ...! - поблагодарил тролль. С немалым возмущением Кьяффу: - Няня уже разнесла и внешнюю стену! - А это уже устное послание, адресованное лично мне: - Где ты откопала шмырга?

- Я н-н-не к-к-копала, - достучала я зубами. - О-он-на с-с-сам-ма!

- Ясно! - принял во внимание мой красноречивый ответ Мыр, продолжая нас каким-то чудом спасать.

- Я уже почти здесь! - отрапортовала Ар'Инна.

- Лучше бы мы были почти там! – прошипел тролль.

Я промолчала. Сказать было просто нечего и нечем. Во рту пересохло. Голос пропал. Мысли улетучились. Остался только инстинкт выживания, но и тот, судя по всему, скоро скопытится, хватит его ненадолго. Закрала глаза.

Мы – то есть тролль с довеском, еще немного полазили, потом, судя по выбитому из моего организма воздуху, спрыгнули. Снова прыжок. И еще много, много раз.

Кроме спины и пятой точки, я почти ничего не видела. Меня мутило и болтало. Болтало и мутило...

Я опять решила приоткрыть глаза, лишь для того чтобы узреть, как мы несемся вскачь на Кьяффу прочь от рушащегося равелина, а за нами мячиком-переростком прыгает няня.

- Что-то меня укачивает! – сдавленно поделилась я мироощущением.

И мы, тяжело дыша, остановились и слезли со спины паоса. Чумазый, усталый и запыленный тролль в зверски потертой и потрепанной жилетке на голое тело, грязная, как чушка, белокурая дама, вдалеке нас догоняет цементный мешок – няня и, как апофеоз всему, – сказочно испачканный паос. У него даже глаза были грязные!

- Зато живая! – шлепнул меня по заднице тролль и стащил с плеча. Вся компания, кроме меня, молча уставилась на обломки тюрьмы. Я смотреть на развалины немножко трусила.

Посадив рядом, тролль начал срочно воспитывать во мне совесть и сознательность:

- Это было безумие!

- Да! – немедленно согласилась я, прижимаясь к мощной зеленой груди и намертво вцепляясь в жилетку.

- Это безответственно! – продолжил Мыр, притискивая меня к себе.

- Да! – радовалась я жизни, как умела.

- Сумасбродство! – не останавливал он поток нравоучений.

А мне было все по барабану и до лампочки. Я хоть один раз в жизни совершила по-настоящему безумный и шальной поступок и теперь радовалась своей широкой натуре. Будет что вспомнить на старости лет.

- Безрассудство! – заливался курским соловьем Мыр на полянке.

Эйфория начала отступать, и на смену ей пришло раздражение.

- Ты повторяешься! – фыркнула я, все еще счастливая.

- А ты слушай! – внезапно заорал тролль. Приподнял меня и развернул в сторону острога. – И смотри, до чего доводят необдуманные поступки!

Да-а... Майн готт!!! От тюрьмы остались только две стены – да и те норовили обрушиться. Видимо, чтобы не отставать от коллектива.

- Сколько мусора!.. – Это все, на что меня в данный момент хватило.

- А как насчет всего остального? – съехидничал зеленый вредина.

- Остального – чего? – хлопнула я ресницами.

- Твоей подрывной деятельности, – усмехнулся тролль. Он сидел, привалившись спиной к боку Кьяффу, и выглядел опустошенным.

- Это все я? – не поверила я ему. – Этого не может быть!

- Но это есть! - Меня еще раз повернули лицом в сторону разрухи и ткнули пальцем в разваленные останки бывшего военного могущества.

- Слушай, - отползла я назад и попыталась рассуждать внятно: - Я точно знаю, что ничего не подрывала и не разрушала.

В один голос:

- Значит, оно само?! - Сарказм из моих собеседников просто сочился. Нет, пузырился, как пузыри метана в болоте. Если начнут лопаться, мы помрем от вони.

- Само-само, - истошно закивала я. - Честное банкирское, я...

- Молчи уж, чудо, - смиростивился Мыр, прижимая меня к себе.

Поуютнее устроил в объятиях и тихо спросил сам себя:

- И что мне с тобой делать?

- Покормить и спать уложить? - скромно высказала я предположение. С толикой лукавства: - Можно еще в баньке попарить... - Посмотрела на запыленную одежду и страшно поцарапанные по какой-то неведомой мне причине большие натруженные руки. Увидела выражение Мырова лица и пошла на попятную: - Но я не настаиваю...

- Чудо, - нежно повторил тролль и, кажется, поцеловал меня в макушку.

Не дожидаясь стражей правопорядка, мы с Мыром взобрались на Кьяффу. По причине сильного стресса или усталости - точно не знаю, я надолго вырубилась. Когда очнулась - ничего не поменялось. Мы еще немного поскакали, допрыгали до леса и остановились на поляне. Мыр снял меня с Кьяффу, поставил на землю, и тут меня настиг очень важный вопрос:

- А где Монь?

Зеленый немного замешкался с ответом, но все же сказал:

- Неподалеку. Он... немного помогал нам, когда мы бежали из тюрьмы. Пока ползли по стенам, Монь сделал так, чтобы крепость на нас не обвалилась. Скреплял камни и удерживал стены от обрушения. - Вздохнул: - Ни о чем спрашивай. Это сложно...

- Мы с ним встретимся? - расцвела я, понимая, как я все же по животинке сильно соскучилась.

- Дитё! - До нас доскакала няня, и тролль ловко ушел от ответа. - Ты в порядке?

- В полном! - отрапортовала я.

Шмырг помрачнела, сдулась и подошла к нам, грозно посматривая на зеленого великана, словно на врага всего трудового народа.

- Ар'Инна, а где девочки? - запоздало спохватилась я. Скорее всего, достаточно прочистились взболтанные в молочный коктейль мозги. - Они не пострадали?!

- Ушли на поиски новых приключений, прихватив по мужичку на дорогу. Сказали - боевые трофеи! - сообщила няня, стаскивая с шеи наши сумки с барахлом. Отчиталась по имуществу: - Я им выдала по браслету.

- Спасибо! - обрадовалась я. - Они мне ничего не передавали?

- Отчего же... передавали, - важно кивнула няня. - Та, которая с хвостом, сказала, чтобы ты ее в случае чего нашла - она всегда готова предложить свой хвост и разбить яйца. Та, которая «дочь степей», предложила ее тоже не терять. По ее словам - «в мире еще много невзятых ворот». А блондинка просто застеснялась и сказала, что замуж теперь точно не выйдет, такого адреналина никакой эльф не выдержит. К тому же у них не принято рушить замки, а ей сие дюже понравилось.

- Понятно, - протянула я, все еще радуясь хорошему завершению дела.

- Ну что, дитятко, - няня подошла и обвила меня руками, - давай прощаться?

- Почему? - Я обняла ее в ответ.

- У тебя теперь есть хороший защитник, - пояснила шмырг. Запечалилась: - Помощь старой няни тебе уже не требуется. А мне следует искать другое дитё... - Она шмыгнула носом. - Я к вам так привязываюсь!

И мы немного порыдали. Совсем чуть-чуть. С полчаса, наверное. Использовали весь запас носовых платков. В голове окончательно прояснилось, и я решила одним выстрелом убить двух зайцев: пристроить няню и сделать князю подлянку.

- Ар'Инна, - обратилась я к няне, - а что, если тебе взять на воспитание город? Столицу? Она не вырастет, не уйдет, и ты всегда будешь там нужна.

- И правда! - Шмырг приободрилась. - Меня ведь звали в стражу! А так я пойду еще выше!

Кьяффу и Мыр суксались, как пожиратели тонны лимонов.

- Спасибо, дитё! - Няня еще раз обняла меня. На прощанье шепнула на ухо совет: - Прежде чем что-либо решать - загляни на обратную сторону! - И - бумс! - испарилась. Вероятно, пошла самоутверждаться на пост главного защитника столицы. Какой все-таки сегодня продуктивный день!

Сразу после нее стал прощаться Кьяффу.

- Уже уходишь? - расстроилась я, пожимая одну из восьми лап паоса.

- Увы. Села! - расплывчато объяснил осьминог паук и галантно расшаркался.

- Если что... - начала говорить я, но тут мне рот зажала рука Мыра.

- Дай ему отдышаться, - посоветовал тролль.

- Мы-му-бу! - возмутилась я творимым произволом.

Рука разжалась.

- Я всего лишь хотела сказать: «Если что - не поминай лихом!» - надулась я.

- Я не стал рисковать, - сухо пояснил тролль. Погладил по плечу и дал указание: - Посиди тут пока...

И ушел в лес.

У меня образовалось время подумать.

А чего же я, собственно, от Мыра хочу? Если бы мне кто-то это мог сказать! Сама я явно неспособна.

Дружбы? Партнерства? Любви? Если подумать - два абсолютно генетически разных вида. Причем физиологически несовместимых. Почему же я так стремлюсь к нему? Затосковала. Если это и есть любовь-матушка, то у меня сильные проблемы с головой...

- Сейчас согреешься. - На поляну вышел Мыр с охапкой хвороста. За его плечом маячил довольный Монь.

Я чуть не прослезилась:

- Моя ты лапочка!

Пока мы с Монем лизались, теребили друг друга и сюсюкались, тролль привычно и сноровисто развел костер, потом смотался к роднику за водой и подвесил котелок.

Когда вода чуть нагрелась, взял тряпицу и начал протирать мне лицо и руки.

- Я и сама могу, - прошептала я, тая от заботы.

- Позволь мне, – так же тихо сказал тролль, продолжая неспешно смывать грязь и кровь.

Потом достал из внутреннего кармана флакончик из темного стекла:

- Быстрее заживет, – и начал аккуратно смазывать ароматическим маслом мои царапины, шепча какие-то слова на незнакомом языке. Ссадины прямо под его руками затягивались, покрываясь розовой тонкой кожей.

На полянке стрекотали цикады. Нас окружали звуки вечернего леса. Я сидела на поваленном бревне и бинтовала Мыру ободренные руки, а перед тем смазала ранки и ссадины все тем же приятно пахнущим маслом. Над сорванными ногтями хотелось плакать. Вид окровавленных лунок без прочной ногтевой пластины – то еще зрелище. Я представила эту боль, и мне стало нехорошо.

- Ничего страшного, пройдет. – Мыр повернул голову и прикрыл глаза. Я присмотрелась: ну, и чем он отличается от людей?

Покачала головой – ничем. Такой же, из плоти и крови. Руки-ноги-голова. Пальцы на руках и ногах. Ум. Сердце. Чувство собственного достоинства. Разве что чуточку выпирают клыки и другая форма черепа и ушей? Кожа не белая, не черная, а зеленая? Но все человеческие расы тоже имеют отличия. И что? Это принципиально важно?

Передо мной не животное и не сказочное чудо-юдо, а обычный нормальный мужчина, который ранен и страдает.

Мыр стойко переносил экзекуцию, продолжая с улыбкой бормотать лечебный заговор и уютно растекаясь под моими пальцами.

Бережно обработав маслом руки и лицо, я вслед за этим занялась его спиной и ногами. Моя-то спина чудом не пострадала, зато его плечо и вообще вся правая сторона – просто ужас. Как будто палачи снимали кожу, стесано до мяса.

Мыр оперся на крепкий дуб и придремал. У наших ног лежал разноцветный Монь, пуская пузыри слюнявой мордой.

Тепло от костра, в котелке булькает похлебка, рядом шерстяной коврик и огромное доброе сердце в широкой груди – Монь. Мыр, твердый и теплый, словно скала, нагретая полуденным солнцем, пригреб меня левой рукой и не хочет отпускать даже во сне. Искры от костра вздымаются в темное небо...

Мне стало та-ак хорошо... по телу пробежала дрожь блаженного удовольствия. Словно натянулись невидимые нити, привязывая к этому необычному мужчине, притягивая и опутывая. Согревая. Обещая и маня...

- Мыр, я...

- Не надо, Леля, – попросил он, прижимая меня к себе. – Ты сейчас скажешь то, о чем в будущем можешь пожалеть. Ты все время забываешь, что я тролль.

- И что?.. – пробормотала я, млея под сильными руками. – Внешне – да, тролль, а внутренне – человек лучше многих...

- Если бы ты знала, – пробормотал он. – Если бы только знала, моя... – И, наклонившись, легко провел вдоль лица рукой, не касаясь его.

Мои веки отяжелели, сознание поплыло. Расслабленное тело обмякло на руках тролля. На место реальности пришли красочные и... странные, я бы даже сказала – эротичные сны...

Мое зрение словно затуманилось, и на первый план вышла как бы душа Мыра. Я видела его сейчас не глазами – душой. В данный момент мы соприкасались душами...

Каким он был для меня? Не знаю, как описать... Я видела его обычным человеком. Высоким мужчиной с обнаженной душой, тянущейся ко мне. Не было ни клыков, ни зеленой кожи, хотя эти атрибуты меня и раньше не особо волновали. Только в качестве

гендерной несовместимости.

Кому какая разница, что у мужчины, которого я любила, не так, как у других? У меня тоже все не так, как у других. Например, уже который день мозги набекрень. Но это же не делает меня изгоем?..

Всем своим духовно озябшим существом я чувствовала исходящее от него знакомое сердечное тепло. Купалась в лучах его любви ко мне и страстной нежности.

– Я... – разомкнула я губы, чтобы сказать ему все то, что скопилось на сердце и требовало выхода.

Ласковое прикосновение его пальцев к губам, как призыв к молчанию. Я подчинилась. Нет ничего приятнее следовать просьбе – не приказу, нет, – ласковой просьбе любимого человека. Мы еще успеем поговорить...

Если бы я тогда знала, как была права в своих намерениях.

То, что внешность Мыра претерпела какие-то изменения в пользу красоты, меня волновало мало. Я любила не его цвет волос или кожи, не разрез глаз, не форму носа или красивый мышечный рельеф – я полюбила самого Мыра, его душу. Моя душа стремилась слиться с его душой.

В моем сне обновленный Мыр аккуратно опустил меня наземь. Стянул кожаную безрукавку, оголяя безупречный торс, и лукаво, немного смущенно улыбнулся, протягивая ко мне руки:

– Я долго тебя ждал.

Включился выпавшийся внутренний голос и, почесываясь во всех местах, никак не в состоянии определить у себя затылок, заявил: «И кто в этом виноват? Ты типа ждал, а мы?.. Мог бы адрес указать, в конце концов... Упс, пардон. Хотя чего это я? Все равно туда и придете!»

Я посоветовала заткнуться этому надоеде и начала рассматривать своего любовника. В общем, оценить то, до чего я дофантазировалась во сне.

«Вот-вот! – сказала очнувшаяся половина сознания. – И посмотри, до чего тебя воздержание довело!»

Я пригляделась внимательнее и выяснила – это аномалия. Ага. Мыр-человек практически копировал князя диэров. Почти в ноль.

Такой же возмутительно, вызывающе красивый, рыжеволосый, с гордым поставом головы и породистым лицом. Разве можно перед таким устоять – со скулами, будто очерченными резцом гениального скульптора, с густой шевелюрой, косой саженью в плечах и озорными чертиками в глазах цвета меда? Просто сладкий грех в штанах!

Когда до меня дошло, кого я себе напредставляла по Фрейду, я обреченно махнула рукой и выпалила:

– Уйди, противный! Не порть мне секс!

– С чего бы? – вскинул четко очерченные брови Мыр-диэр.

– Э-э-э, – затруднилась я с ответом. – Видишь ли, когда желанный мужчина мутирует в неудавшегося мужа – это уже даже не патология. Это клиника!

– Люблю тебя, горяшко ты мое! – Мыр встал надо мной на колени и с горящими глазами приподнял замученную жизнью Лелю. Усадил на себя.

– «Также объект может хорошо воспринять поглаживание или одобрить пощипывание периметра», – пробурчала я, оглядывая, что мне предлагалось. Жутко захотелось взглянуть на «биссектрису». Может, у меня точно не все дома?

«Сейчас сделаю переключку», – пообещала мне левая половина мозга и уткнулась вниз.

– Жизнь без тебя не мила, солнце мое жгучее! – Чуткие пальцы бережно снимали с меня поочередно каждый походный предмет туалета, а нежные губы порхали вслед за ними, одевая в иллюзорное покрывало мелких поцелуев.

Настойчивая потребность поучаствовать в этом любовном ритуале просто перла наружу танком и грозила свинтить все внутренние гайки у стыда. Стыд сопротивлялся до последнего и стойко держал оборону.

– Днем и ночью перед глазами стоишь, пламя мое неугасимое!..

Правая половина мозга растаяла от нежных слов и устремилась вслед за левой, норовя зацепить либидо и вытолкнуть его взащей наружу.

Я поняла, что попала в двойную ловушку: слова любви с трудом умещались в моей голове; грудь болезненно горела от поцелуев. Предательское тело изнывало от невыносимой жажды продолжения ласк в горизонтальном положении. Говорят, женщины в постели более сдержанные. Да где там! Наверное, я слабое звено! Я умираю от одного только вида этого мужчины без рубашки, в штанах на голое тело, а что же дальше будет? Он коснется меня рукой ниже талии – после чего я получу оргазм?

Либидо согласно закивало и пошло договариваться с оргазмом. Слава богу, ушло молча, не комментируя этапы договора.

Нет, во сне я хотела было слегка повозмущаться произволом и даже забилась раненой птицей в его руках, потому что никогда не была сторонницей секса на открытом воздухе, да еще и в лесу с муравьями, но на мои губы опустился сильный мужской палец, и мне сказали:

– Ш-ш-ш! – после чего прижали к себе еще теснее.

Мне было тепло и сказочно хорошо, поэтому я умолкла. Да и с чего волноваться? Это всего только сон!

«Надеяться никому не вредно!» – хмыкнула вторая половина сознания, отрываясь от удержания стыда в рамках нормы. Стыд снова заволновался и попытался улизнуть, чтобы воздействовать на либидо личным примером. Ему навстречу встал весь организм. И что примечательно – не только мой...

Мое сновидение (почему сновидение – да потому что в реальности такого не бывает!) дальше приобрело еще более заманчивые черты. Мыр вздернул меня наверх и поднял на руки, заноса в откуда-то взявшийся на поляне шелковый ярко-оранжевый шатер, внутри которого все было устелено коврами и поверх них – шелковыми стегаными одеялами. Сбоку лежало отброшенное меховое покрывало-полость необычного голубовато-серого цвета. Высота и фактура меха вызвали впечатление близкого сходства с песком. И я мимоходом подумала, что в чем-то это даже символично.

Раздалось тихое:

– Ты моя сладкая погибель! Мой разум с собой уносящая! – И он, подавшись вперед, поцеловал меня так, словно ему завтра не жить.

«Смотри как старается!» – всхлипнула романтическая часть натуры.

«Наверное, чего-то хочет!» – немедленно предположила деловая жилка.

«Известно – чего! – заверило их либидо, упорно проталкивая свою политику тесных отношений наружу. – Люди взрослые, со своими потребностями!»

«Как бы эти потребности, – включился во внутренний диалог рационализм, – не повлияли на способность к воспроизведению себе подобных!»

«А ну цыц! – заорала репродуктивная система. – Развели тут, понимаешь, саммит! Не дают использовать свободу личных отношений!»

И все на время примолкли.

А у меня мыслей в голове уже точно не осталось. Звонкая пустота. Потому что красивый мужчина с улыбкой скромника-искусителя устроил самое настоящее поклонение моему телу, вдумчивое, бережное, ласковое. С непонятной затаенной горчинкой и терпкостью разгорающейся страсти.

С мучительным сдавленным стоном:

– Люблю тебя, чудо неземное! Люблю! – он делал вещи просто невероятные. Меня поили вином в поцелуе, незнакомые душистые ягоды, мелкие и кисловатые, сами попадали мне в рот вместе со взбитыми сливками и медом.

У моего чувства вкуса, обоняния и осязания наступил праздник. Мороженое и экзотические фрукты жаркого юга, воздушные пирожные на пол-укуса, тепло и лед на коже... и ведь непонятно, где все это взял. Из воздуха, что ли?

Скорее всего – из воздуха. Сон как-никак. А в состоянии ухода от реальности все возможно. Мозг щедро одаривает уставшего человека сбывшимися желаниями.

Я пробовала невероятные сочетания, мой язык содрогался от наслаждения, а его язык... нет, что он вытворял своим языком... как девушка порядочная, я описывать просто стесняюсь, дабы не скатиться в пошлость. При одной только мысли – что будет дальше, я могла упасть в обморок или получить мгновенный оргазм.

Мне казалось, мужчину рвут напополам какие-то противоречивые чувства, но он или пел мне осанну с привкусом ядовито-сладкой ванили, или молчал. Скажите, как можно соединить воедино властность и нежность, незащищенную открытость и чисто мужскую мрачноватую замкнутость, непонятный страх, яростную сосредоточенность и глубокую уверенность?

Загадочный, весь сотканный из противоречий, мой партнер их успешно совмещал, сводя с ума непоследовательностью и страстной напористостью! Слово наша любовь как в последний раз, будто ему нужно обязательно доказать мне то, чего я не желаю знать и слушать. Как протест, преодоление, крик о помощи.

Призрачный любовник, казалось, знал все мои потаенные слабые места, каждый нерв, каждую жилочку. Одним только невесомым прикосновением к тыльной стороне колени он заставлял меня тяжело дышать. После того как он лизнул мою шею, у меня сводило тело от острого желания обладания этим знакомым незнакомцем.

И плевать, что он похож или не похож на кого-то другого. Где-то там внутри, я во сне прекрасно знала: передо мной Мыр! – и доверяла ему беззаветно.

Сильный мужчина впервые взял меня в плен, я наслаждалась этим пленом, наверное, даже больше него. Ласки были ненавязчивыми, руки – большими и теплыми, надежными. Я лежала, упираясь лбом в мужское плечо, а руки сами тянулись обнять за талию, гладили мощную шею, проводили ногтями вдоль позвоночника.

Незнакомый Мыр был таким... гладким, с цельнолитыми сухими мышцами, мощным. Надежным – и это качество подкупало более всех. Мыр всегда был надежным, а теперь я это и в постели прочувствовала. И постепенно меня повлекло через каньон Неуверенности в долину Страсти. Пробираясь тропкой Ласки, я миновала скалы Возбуждения и форт Желания. Дикие индейцы иррациональных страхов сновали в сторонке, прячась вдалеке, и метали издали отравленные дротики. Но со мной был мой Мыр, и одно его присутствие ограждало меня от их атак.

Мы дрожали, словно находились голыми на морозе, но горячие руки, губы и легкая испарина на висках ясно указывала на совсем иную причину. Холодно не было, было жарко. Еще кружилась голова, так, что казалось – мы лежим неподвижно, врытые в землю, как столпы бытия, а вокруг нас кружится весь мир, вращается со страшной центростремительной силой, бросая в объятия друг друга.

Мы и сами не заметили, как стали целоваться, будто сумасшедшие. Когда он снял с меня все, включая белье, спросите – не знаю. Когда стянул с себя штаны – тоже как-то незаметно пролетело мимо.

Не дразните скромную блондинку сексом, а то она озверееет и докажет всем, что светлый цвет волос не показатель темперамента!

Я была голодной хищницей на шелковых одеялах в окружении дорогих мехов. Нежной. Ласковой. Страстной. Жаждающе-яростной. Все качества распаленной любовью женщины – все они были моими. Когда мы сплелись телами – не помню. Мы так хотели этого, оба, что это состояние представлялось в тот момент единственно правильным и возможным.

Его руки, словно живые оковы, пригвоздили меня к мощному телу. Сильные ноги ввинтились между моих, раздвигая в стороны. Мыр тяжело задышал, тесно прижимаясь лбом к моему лбу. Вскоре он отстранился и застыл ненадолго, распахнув полузакрытые до того глаза и пристально вглядываясь в мои. Не знаю, что он хотел там разглядеть, но, очевидно, все же получил ответ на свой незаданный вопрос, потому что мой партнер одарил крышесносительным поцелуем в последний раз, а затем сделал вперед движение бедрами, вызывая мое непроизвольное «ох!».

От одного этого движения я чуть не потеряла сознание. У меня перед глазами пронесся взрыв сверхновой. Будто внезапно открылся давно запертый шлюз, словно взяли и сняли кандалы табу на потребность в мужчине!

Он скользил во мне, молча, закусывая губу, чтобы удержаться от криков, а я... я молчать не смогла. Раскрасневшись и отчаянно стыдясь этих протяжных стонов, наполняющих лес звуками страсти, я от наслаждения кричала во весь голос. Как же это было сладко!

Боюсь, услышь меня тогда высокооплачиваемые французские актрисы, которые озвучивают в кино эротические сцены, – они с завистью прибежали бы брать уроки мастерства и отдали за них любые деньги. А рецепт прост как апельсин: любимый мужчина рядом. И тогда нет грязи и пошлости, исчезают запреты и условности – лишь звуки чистейшего наслаждения, того рода блаженства, которое может подарить лишь любимый.

Мой ночной Мыр, таинственный троллий принц перевоплощений и недомолвок, уносил меня на своих сильных руках в сияющую звездную даль. В его объятиях я чувствовала себя драгоценной, любимой, трепетно почитаемой. Нужной.

Под моими ладонями гулко билось сильное сердце мужчины – и я знала: вот моя опора, мой фундамент. Тот, кому можно довериться, и он никогда не предаст. Это была моя, если хотите, примитивная женская вера, религия, теософский тезис. Право на рай, на дальнейшее духовное развитие. Право на любовь.

Мы беспокоили лес всю ночь. Он познал меня, а я его множество раз. Мы сроднились с ним, склеились, стали единым целым. Мы стали как два слитка, которые за счет диффузии металлов соединились по краю.

Мне казалось, он отдал мне в ту ночь мое сердце. Преподнес на блюдечке, и его было так неожиданно много, оно настолько согревало душу, так ясно горело для меня, только для меня, что я просто терялась от ценности дара. Мне казалось, он ласкал не мои ноги, живот или грудь – он отдавал сердце. Мне даже хотелось плакать от неистовства его дара.

Больше всего я жалела, что это сон, – и оттого плакала тоже. Плакала счастливыми слезами несбыточного блаженства.

Потом райский сон сменился чернотой. Видимо, мой мозг восстал из руин и решил прекратить издевательство над всем организмом. В чем-то я его понимала. Но не оправдывала.

Первое, что мне бросилось в глаза при пробуждении, – это ярко-оранжевая крыша шатра надо мной...

– Что-то мне нехорошо, – попыталась я найти свои руки и протереть глаза.

Вместо этого мне радостно облизали лицо шершавым и слюнявым языком. Так

добросовестно и страстно, что никакого пилинга не нужно.

Я чуть повернула голову и наткнулась взглядом на страшно довольную морду Моня, укачивающего меня в своих меховых лапках.

В трухе, которую я выдавала за мозг, забрезжила теория: я уснула прежде, чем Мыр расставил шатер (хотя откуда он взялся посреди леса?) и перенес меня туда (зачем-то сняв всю одежду, в шатре ее не было), и под лапами Моня у меня начались эротические фантазии от общей сильной неудовлетворенности. В этой части гипотезы мне стало особенно плохо. Я и Монь точно были несовместимы. Хотя... мне окончательно поплохело.

- Сдается мне, - печально сообщила я Моню, - у меня возникло несколько вопросов, которые требуют множества ответов. И я даже знаю, из кого эти ответы можно выбить.

Моню идея не понравилась. Он сердито гугукнул и еще плотнее завернул меня в одеяло, как в кокон.

- Если ты надеешься вылупить из меня бабочку, - фыркнула я, - то сильно ошибаешься. Сейчас из меня может вылупиться исключительно моль!

Монь сел на задние лапы, почесал правой передней повисшее ухо, крепко прижимая меня к груди. Немного подумал и все же решил взять поддержку зала. И принялся действовать, для начала запихав меня в свой безразмерный карман на животе.

- Монь, - позвала я, когда животное начало опускаться на все четыре лапы. - Ты меня так не донесешь! Потеряешь по дороге.

Монь гугукнул, признавая мою правоту, и вышел из шатра, придерживая передними лапами карман со мной, как цирковой медведь. На задних. Так же косолапя и переваливаясь.

- Давай скорее найдем Мыра, - попросила я, чувствуя подступающую тошноту. - Или достань меня отсюда!

Монь заволновался и еще сильнее прижал меня в кармане. Теперь я понимаю, как чувствует себя цыпленок табака. Мне до него осталась последняя стадия - потрошение.

- Мыр! - заорала я из последних сил. - Спаси меня, пожалуйста! Беру свой принцип - любви много не бывает - обратно! Бывает!

Слава богу, меня тут же выдернули из меховой жизнедавилки и поставили на землю.

- Ничего, что я немного не одета? - поинтересовалась я, тая от прикосновения сильных рук.

- Ничего - это пустое место, - хмыкнул Мыр, одной рукой придерживая норовящее сползти покрывало, а другой протягивая мне нечто вроде платья-кафтана тигровой расцветки, расшитого золотыми нитями по треугольному вырезу, широким рукавам и подолу.

- Спасибо! - обрадовалась я, пытаюсь залезть в предложенное одеяние и не сильно при том светить своими прелестями.

Надо отдать должное Моню, он закрыл глаза лапой и поглядывал только правым глазом, и то не всегда. Мыр галантно придерживал одеяло, пока я путалась в рукавах, и делал вид, что у него вообще каждую минуту перед глазами переодеваются голые блондинки.

- Нам нужно поговорить, - твердо сказал он, когда я открыла рот, чтобы нелогично обвинить его в полном отсутствии мужского внимания. - Сейчас!

- О чем? - хлопнула я ресницами, забыв о куче скопившихся вопросов.

- О нас, - кратко ответил Мыр, обнимая меня за плечи и подталкивая к подушкам, рассыпанным около костра. И когда успел?

- Ладно, - покладисто кивнула я, усаживаясь и украдкой щупая подушки - вдруг

надувные? Тогда понятно, откуда он их взял. Скорей всего, контрабандой пронес в заплечном мешке и всю ночь надувал.

Стоп! Его заплечный мешок остался в каземате у князя...

– О чем ты так напряженно думаешь, Леля? – полюбопытствовал Мыр, усаживаясь рядом.

– О том, откуда это все взялось, – честно призналась я, обводя рукой сказочную роскошь.

– Об этом мы тоже поговорим, – почему-то погрузился тролль. – Если, конечно, я доживу до этого момента.

– Если ты хочешь дать мне от ворот поворот... – прищурилась я, ощущая угрозу своему хрупкому благополучию. – То сильно заблуждаешься! Между нами ничего измениться не может!

– Счастлив это слышать! – заверил меня довольный донельзя Мыр, расплываясь в довольной ухмылке. – Так вот, по поводу вчерашней ночи...

И в этот момент из воздуха соткалась безукоризненно красивая женщина, державшая за ухо лохматого подростка.

– Извините, что прерываю... – Поляну окутало мягкое золотистое сияние.

– А-а-а... – начал Мыр, у которого на физиономии было нацарапано неопишное счастье наоборот.

К нам нечаянным ветром занесло прилично одетую по меркам моего мира леди из высшего руководящего звена. Серые туфли на шпильках, которыми она даже не касалась земли, паря в воздухе, роскошная фигура, облаченная в дорожный фирменный брючный костюм. Модная прическа с асимметричной челкой и колорированием в диапазоне от платиново-белого до золотисто-медного оттенков, отличная косметика... Ну вот! А говорили «неприлично, неприлично»... Это кому как. По-моему, очень даже прилично!

– И тебя приветствую, князь Ладомир! – заявила дама, помахав свободной рукой. Обратилась ко мне: – Вы уж извините моего старшенького!

– Да ничего, – промямлила я, лихорадочно соображая.

Мрачный и весьма недовольный Мыр без особой охоты встал и склонился в низком почтительном поклоне. И тут до меня дошло!

– Ладомир, значит? – повернулась к «троллю». – Ты... ты... – Я была слишком потрясена, чтобы говорить. У меня внутри все просто перевернулось. По голове словно двинули обухом топора. Наверное, если бы он меня сейчас убил – и то было бы не так больно. Тот пожал могучими плечами и кинул укоризненный взгляд на даму:

– Спасибо тебе, Магрит! Ты мне очень помогла!

– Да не за что! – широко улыбнулась женщина. – Так я вам помешала?

– Не так чтобы очень... – Я вскочила на ноги и начала наступать на обманщика. Спросила с неприкрытой угрозой: – Ты ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, – признался он, окутываясь дымкой и становясь князем диэров. В момент трансформации поменялся и Монь. Мой любимый пушистый гигант превратился в нечто коричнево-зеленое – не то личинку, не то червя, – которое тут же ушло в землю, просочившись в нее, словно капля дождя.

– Это кто? – хватаясь за сердце, подозрительно поинтересовалась я. Попутно решала сложную дилемму: сначала узнать – потом убить? Или хрен с ним, с любопытством, – чувство мести ценнее и дороже?!

Князь кинул на благовоспитанную даму предостерегающий взгляд, но она сделала вид, что не заметила.

- Это элементарь земли, - любезно улыбаясь, словно младшекласснице пояснила Магрит.

- Я не стыжусь Моня, он - часть моей души... - влез с пояснениями «Мыр».

- О как! - Я прищелкнула языком. - И если правильно помню, то бывают еще элементарии огня, воды и... - Меня озарило: - Ладомир - Лад - Мыр - Домир... - Обманутые гордость и самолюбие взревели, потрясенно хватаясь за голову. - Это все ты!

Князь кивнул, слегка поклонившись.

- Ты всегда был рядом! - ткнула я пальцем в шелковую рубашку. - Ты никогда не выпускал меня из виду!

- Леля... - Диэр попытался избежать участи быть насаженным на вертел. - Я не мог иначе. Ты должна понять и не обижаться...

- МОЛЧАТЬ! - рявкнула я. Чуть не плача: - Как ты мог?! Ты мне еще будешь говорить, что я не должна обижаться?! Ты?!!

- Леля... - Еще одна попытка самоубийства.

- Ты играл со мной, как кошка с мышкой! - продолжала я обвинять. - Ты заставил меня поверить Мыру! Ты допустил, чтобы я открыла сердце троллю, и сам надо мной смеялся? Скажи честно, было смешно?

- Ты сама... - снова кто-то открыл рот не по делу.

- Да! - рыкнула я. - Я сама! Своими руками отдала тебе сердце на блюдечке, предварительно снабдив бирочкой! Сама! Но не для того, чтобы ты сделал из него отбивную!

- Ничего, что я тут стою?... - взлезла дама, возмущенно поглядывая то на меня, то на диэра.

- Да стойте себе на здоровье! - разрешила я, потирая ладонью трещащую от новых сведений голову. - Может, еще на что-то полезное мне глаза откроете.

- Леля, - князь попытался перевести разговор на другую тему, - позволь представить тебе Демиурга этого мира - Магрит. Магрит - это моя жена Леля.

- Очень приятно! - рассеянно кивнула я в ответ на улыбку женщины. Повернулась к мужчине и злобно сообщила: - Не выдавай свои фантазии за действительность!

- Это не фантазии, - позволил себе улыбнуться диэр. Заверил: - Ты на самом деле моя жена. Мы завершили обряд. Ты позволила нанести на себя священное масло и выслушала заключительную клятву.

- Но я-то не клялась! - нахмурилась я, вспоминая его бормотание.

- А этого от женщины и не требуется, - самодовольно заверил меня будущий монах. - Ей лишь нужно выслушать.

- Ты мне не муж! - воспротивилась я, ища что-то полезное в хозяйстве. Пусть не гламурное, но увесистое и по руке.

- Муж, - спокойно кивнул он. - Наша брачная ночь свершилась!

- Это было изнасилование во сне, - сообщила ему я, вытаскивая из кучки около костра толстую валежину.

- Ты была согласна, - фыркнул он, не реагируя на мои вербальные и невербальные угрозы. - И не сопротивлялась.

- Это было моральное изнасилование, - поменяла я показания. - И подлог. Я думала, что ты - это не ты! Так что брак недействителен!

- Действителен! - припечатал диэр. - И тебе придется с этим смириться. Сейчас мы вернемся во дворец, где ты с надлежащим усердием примешь на себя обязанности княгини.

- Все что я могу принять, - рявкнула я, швыряя в него ветку, - это на грудь! Чтобы глаза мои тебя не видели!

- Твоя грудь мне нравится, - облизнулся мужчина, легко отводя летевшую в него деревяшку и превращая ее в золотую. - Могу тебя заверить, что эта часть твоего соблазнительного тела...

- А можно без подробностей? - влезла Магрит, затыкая уши сыну. - Все же тут дети!

- Замечательно! - рявкнула я, швыряя в Ладомира еще одну ветку. - Пусть смотрит, слушает и так не поступает! А то у него своих детей уже не будет!

- Это ненужные подробности, - поморщилась Демиург. - Не для детских ушей.

- Нужные, - возразила я, швыряя в князя шишкой и наблюдая, как она улетает в сторону веток, становясь драгоценным металлом. - Лучше пусть с детства знает, что кастраты не растут на грядках! Их создают обиженные женщины!

- Леля! - предостерегающе поднял ладонь диэр. - Ты ведешь себя вызывающе! Ты моя жена! Прекрати устраивать разборки на пустом месте!

Во мне полыхнуло злое веселье.

- Это тебе так хочется думать! - заявила я, с садистским удовольствием наклоняясь за тарелкой со сладостями, стоявшей на покрывале около кострища, и предельно медленно и очень тщательно размазывая жирные липкие вкусности об его дорожное, расшитое золотой нитью одеяние. - Если тебе не нравится пустое место, могу предложить использовать твою могилу! Будет не так уж и голо! Я даже возложу тебе в ноги букет из терновника и воткну в изголовье осиновый кол!

- Я бы все же хотела принести свои извинения! - влезла Магрит.

- Спасибо! - поблагодарила ее я. - Только мне бы сначала хотелось выяснить свои отношения с этим типом, а уж потом принимать извинения и все остальное!

- И как вы будете выяснять? - встрял в разговор задорный мальчуган, потихоньку освобождая пострадавшее ухо из материнских рук.

- Как в Manhunt-2! - ощерилась я.

- Ух ты! - обрадовался парень. - Не повезло ему! - Деловито уточнил: - А какой уровень?

- Для него - последний! - уверенно сказала я. И снова нацелилась пальцем на князя. - Ты, шмакодавка от природы, подло исковеркал мою жизнь!

- Как ты меня назвала?! - обиделся возвышающийся надо мной князь. Весело хмыкнул: - И потом, эту реплику ты должна говорить через лет тридцать совместной жизни, не раньше.

- Щас! - отреагировала я. - Лучше сделаем монтаж! - И энергично подвигала двумя пальцами, изображая ножницы. Окинула его негодующим взглядом, задержавшись на...

- Леля, ты же меня любишь? - поспешно спросил мужчина, поворачиваясь ко мне боком.

- Каждый может ошибаться! - Идея мне нравилась все больше и больше. Глаза мои горели все ярче и ярче. Внутри поселилась чистейшая, незамутненная ярость.

- А как же разбитое сердце? - Ладомир попытался сыграть на нежных чувствах.

Опасное заблуждение и серьезная ошибка. После всего, что со мной здесь случилось? Не тут-то было!

- Все в прошлом - я сделала генеральную уборку! - отрезала я, приседая и начиная на

ощупь шариться в сумке.

– Мама, смотри! – восторженно заорал мальчишка. – Это впервые в нашем мире – убийство маникюрной пилочкой! Веселее было, только когда ты гоняла папу по дому эпилятором, обещая выдернуть ему все!

– Это семейные дела, сынок, – до багрового румянца смутилась Демиург, оттаскивая сына и начиная срочно восполнять пробелы воспитания.

– А как насчет слов, что я запал тебе в душу? – вкрадчиво поинтересовался красивый рыжеволосый диэр, медленно и осторожно протягивая ко мне руку, словно к взбесившемуся животному. Прелестно! Я в ауте!

Дама цвета блонди поспешно отшагнула в сторону.

– Ничего страшного! Я знаю один очень хороший способ, как тебя оттуда выкинуть: пинок в зад для ускорения – и вся недолга! И лети, птенчик, в другую форточку! – мстительно ответила я, пылая огнем неугасимой душевной боли и белой ярости.

– Лель, я тебя люблю! – запоздало и как-то неуверенно признался рослый Ладомир, внаглую используя крайнее средство успокоения разъяренных женщин, так сказать – «последний довод королей».

Дальше у профессионального ловеласа следует обычно замануха – «хочу жениться на тебе». Но эту стадию мы уже благополучно миновали не начав. Есть еще иные подвиды «люблю»: «мила ты мне», «жить без тебя не могу!» (Надеюсь, диэр до такого мелкого шантажа не опустится.). И снисходительное: «не дури, детка!» (К данному варианту проявления чувств все благополучно идет, а зря – я такое ненавижу и не прощаю.)

Я тихонько всхлипнула, разрываясь между горем и яростью. С ума сойти, это ж сколько запала, сколько вбухано времени и сил для удовлетворения основного инстинкта! Вру, основных: поиметь и поиграться с ничего не подозревающей жертвой. Да мне потраченных ныне диэром усилий за всю жизнь рабства потом не отработать!

Это пусть он так думает...

Мои гнев и ошеломление были так заметны, что вслед раздалось сомнительное:

– Лель, я люблю и буду верен тебе...

Опять шуточки шутишь?! Слишком поздно! Бобик сдох!

Зато родилась смертельная обида и отчаянное желание реванша.

– У каждого свои недостатки! – не попалась я в гнилые и липкие, усыпанные дешевыми блестками лжи и стразами лести диэрские сети.

– Прости меня! – неохотно выдавил златоглазый мужчина. Но если судить по чьей-то слишком довольной физиономии кота, обожравшегося птичками, – совести или раскаяния ни в одном глазу.

Ладно. Будем считать, это вполне ожидаемо.

Да вот только мне уже терять нечего. Сейчас будем с чувством огромного удовлетворения исправлять заблуждения – свои и чужие!

Я прокрутила в голове все приключения в этом мире и напрямую обратилась к Демиургу. Авось сработает пресловутая женская солидарность, и элегантная дама откроет мне правду?

– Скажите, а все, что с нами происходило в дороге и в городе диэров, – все было подстроено?

Демиург сочувственно покосилась сначала на самозваного мужа, потом на меня, но все же призналась:

– Да!

- И офис с эльфийкой и козлоножкой? Это было не по-настоящему?

- Да. - Магрит взмахнула рукой. Над землей замерцало призрачное зеркало, отразившее эльфийку и сатира и тут же показавшее их истинные обличья. Две прекрасные, практически неземной красоты женщины. - Это сводные сестры Ладомира.

Я сглотнула подступающий ком в горле и незаметно утерла слезы:

- И все, что с нами творилось потом? Тоже часть представления?

- Разумеется. - Демидург снисходительно усмехнулась.

В груди перестало хватать воздуха:

- И наши дальнейшие приключения, включая нападение людоедов?

- Чем вы недовольны, милочка, вам же захотелось романтических приключений? Мой сын с диэром ими вас обеспечили. Конечно, это была актерская импровизация!

Мой мозг и психика перешли в боевой режим:

- Эсме, Шушу, Миримэ? Эльфы - Лелик, Болик и Маголик?..

- Нет. Это случайные элементы игры, ничего не ведающие статисты. Но как они вписались в общую картину!

- Да ими вообще было манипулировать легче легкого, - влез мальчишка.

Я отмахнулась и продолжила расспросы:

- Кувырла? Орки? Тюремная стража?

- Да. Их отчасти посвятили в происходящее. - Еще одно постигшее меня разочарование. Бабуле я искренне симпатизировала.

В призрачном зеркале отразилась Кувырла, перевоплотившаяся в прелестную женщину лет тридцати.

- Родная тетя князя, - тепло улыбнулась Магрит. - Замечательная способность менять внешность и вживаться в нее. Она действительно верила, что она твоя гаремная наставница.

По моим щекам покатились крупные слезы, которые я не сумела скрыть. Сердце разрывалось от жгучей боли мегапредательства.

- Ты задействовал всю свою семью?! - больше утверждая, чем спрашивая, прошептала я.

А диэр на свою голову попытался нагло влезть в нашу беседу:

- Ты же должна понимать, что после столетий женской лести и бесконечных интриг мне было трудно поверить в твою искренность...

Перед глазами будто взорвалась ядерная боеголовка в пару десятков мегатонн, в голове помутилось. Трясущиеся руки тянулись к тому, что потяжелее, в голове билась мысль: «Только бы не убить, Господи, только бы не убить!»

- И не верь дальше! - взбунтовалась я, уже всерьез просчитывая - хватит ли у меня сил задушить его голыми руками, чем стирать отпечатки пальцев и станут ли в суде считаться с показаниями свидетелей. Аффекта у меня сейчас было с избытком, просто распирало от адреналина... Можно задешево продавать желающим.

- Ты для меня единственная! - подольстился плут.

Словно ледяным ветром обдало!

Меня затрясло. Есть вещи, которые для женщины святое. Играть с таким -

самоубийство! Спасибо Тебе, Боже, что вижу эту бездонную пропасть! И спасибо тебе, князь, что играешь так недостоверно! Гораздо хуже было бы наоборот – если бы моя романтическая часть смогла и захотела тебе поверить.

И больше.

– Уже да! – саркастически осклабилась моя персона. Прошипела: – Прочим желающим в виде, потерявшем целостность, ты будешь не нужен, гарантирую!

– А тебе буду нужен? – Детский сад! Он действительно думает, что у меня мозги застряли в стадии зародыша?

Ну, все! У меня окончательно отказали тормоза.

– Нет! – отбрила я, найдя наконец сверток с украшениями. Зашвырнула ему под ноги. – Мне не нужно ни тебя, ни твоей лжи, ни твоих побрякушек – причем ни в целом виде, ни по частям!

– Это принадлежит тебе, – заверил меня князь. – Как моей...

Не прощу! Никогда не прощу!

– Если ты сейчас произнесешь это слово, то в дальнейшем будешь только мычать! – предупредила его я, гневно сверкая глазами. – И петь в хоре мальчиков!

– Не посмеешь! – Диэр сощурился, показывая истинную натуру.

– Это кто решил? – набычилась я. – Ты?

– ДА!!! – рявкнул Ладомир. Пришел в негодование: – Неблагодарная!

– Чего это?... – У меня глаза на лоб полезли от такого резкого перехода. – За что я должна тебя благодарить?

– Я ради тебя даже памятник старинной архитектуры не пожалел! – ярился диэр. – Равелин простоял тысячи лет! А пришла вездесущая дева – и разнесла его по камешку! Слава Демиургам, я успел приказать вывести всех оттуда!

Я невольно посмотрела в указанную сторону. Развалин крепости сквозь деревья не углядела.

– Не перекладывай с больной головы на здоровую! – отрезала я. – Здание само начало рушиться!

– Естественно! – выпалил князь. – Когда ты туда притащилась с охранным амулетом на шее, так и начало рушиться!

– При чем здесь это? – опешила я, широко открывая глаза.

– При том! – насупился Ладомир. Пояснил: – Твоя побрякушка с абсолютной магической защитой вошла в резонанс со сторожевыми амулетами, скрытыми в равелине. Этот резонанс и привел к такому финалу.

– Сам виноват! – надулась я. – Нечего такое оружие направо и налево раздавать!

– Я не раздаю! – уже орал мужчина. – Я надел на свою жену охранный амулет, противопоставляющий любой направленной на тебя магии надежную защиту! – Неверяще покачал головой. – Кто ж знал, что ты додумаешься полезть взламывать равелин!

– Я полезла спасать своего друга! – завопила я. Дотянулась до камней, окружавших костер, и немного покидала в Ладомира. Камни почему-то быстро закончились, а куча золота увеличилась.

– Естественно! – не остался в долгу князь. – Ты сбежала с брачного ложа, чтобы повеситься на шею троллю!

- Ты, нимфозория туфелька! - взъярилась я. - Я сбежала, потому что пришел ты и сказал, что *ты* же меня ждешь! В тюрьме! И сам же помог мне оттуда сбежать! - Хлестко и с желанием предельно уязвить: - Тебе не кажется, что ты порядком заигрался, а?! До полной потери соображения!

- Ты хоть сама себя слышишь? - широко разулыбался Ладомир. - Просто задумайся над мотивами своих поступков!

Неровно пульсирующий в груди комок сердца сжался и забился с бешеной скоростью.

Как говорила незабвенная Скарлетт О'Хара? «Я подумаю об этом завтра»?.. Как бы не так! Я не подумаю об этом завтра! Я убью тебя сегодня!

- И учти! Являясь твоим мужем, я не обвиняю тебя... просто показываю подоплеку неразумных действий... - неслись дальше бесконечные снисходительные замечания.

У меня все волосы на теле встали дыбом.

Как кипятком облил, честное слово. Тоже мне, отец народов! Он к прислуге обращается или любовницу терпеливо просвещает? И это так называемая дизрская любовь?! Чур меня, чур! Пускай Бог от такого милует!

- И ты должна признать...

У меня снесло башню! Все! Ядерный выхлоп в атмосферу!

Я шагнула к нему, резким движением ладони стерла слезы, задрала голову и встретила с дизром взглядом. И что удивительно, он смотрел на меня с теплым чувством... но там еще и тлел еле заметный огонек снисходительности.

Возможно, по своему мягкосердечию я бы могла поддаться на его чувство, будь оно искренним. Не уверена. Но я никогда не желала, чтобы до меня снисходили. Всегда стремилась быть равной.

- Ты меня любишь? - тихо спросила я, глядя в упор и не давая возможности отвести взгляд.

- Люблю, - ответил он, наклоняясь надо мной, но не прикасаясь. - Ты - все, что у меня есть, и не будет никого, кроме тебя.

- Громкие слова... Что это значит на самом деле? - продолжила я допрос. - Что значит «никого, кроме тебя»?

- Моя раса заключает только один брак, - объяснил он. - Один на всю жизнь и с одной женщиной. Не будет больше гаремов, любовниц и фавориток. Будем лишь ты и я. Навечно. Ты же хотела романтику?..

- Красиво, щедро, заманчиво, - криво ухмыльнулась я, ища в душе хоть какое-то чувство, позволяющее мне простить эту грандиозную мистификацию. И не нашла. - Значит, без меня ты станешь монахом?

- Да, - честно ответил мужчина, пристально вглядываясь в мои ясные очи. - Нет меня без тебя.

- И что ты можешь, что согласен отдать за это? - упрямо сжала я губы.

- Все, что хочешь, - взмахнул он рукой в сторону кучи золота. - Все к твоим услугам - золото, власть, развлечения. Твоя фигура - вторая после моей. Хочешь, я положу к твоим ногам весь этот мир?

- Золото, фигура, говоришь... - Стало горько и смешно. Не знаю даже, чего больше - смеха или горечи. - А мое доверие ты вернуть можешь? - Я вглядывалась в его душу. - Ты можешь вернуть мне веру в тебя? Или все для тебя ограничивается только легкодоступными материальными ценностями?

Ладомир молчал, видимо не зная, как снова соврать.

Я резко развернулась в сторону Демиурга и потребовала:

– Если вы все еще считаете себя обязанной, то срочно отправьте меня обратно домой! Немедленно! Пока я не лишила ваш дивный сказочный мир этого, – кивок в сторону обеспокоенного Ладомира, – почетного украшения!

Магрит извиняюще покосилась на князя и начала что-то плести пальцами.

– Не делай этого! – рванулся он к ней. – Не поступай так со мной!

– Ты проиграл, – вздохнула женщина, разводя руками. Смущенно признала: – Она выбрала свой мир – не тебя! Даже у Созидающих есть определенные правила...

– Леля! – метнулся он ко мне. – Не уходи! Не оставляй меня! Ты нужна мне! Ты моя жена! Я...

– «Я! Мне! Меня!» – грустно улыбнулась я и кивнула вопросительно глядящей на меня Магрит.

Та взмахнула рукой под отчаянный крик Ладомира...

Я стояла около входа в кафе в своем офисном костюме, сжимая в руке любимую сумочку. В голове туман. Странное чувство, будто пьяна, хотя я отлично помню, что не пила. Очумело тряхнула головой.

Вот дела! Причудится же такое, да еще на ночь глядя. Наверное, сегодня на солнце вспышка и магнитные бури. Мне примерещились целых два месяца иномирной жизни! Или не померещились? На всякий случай открыла сумочку – все на месте. И успокоительного в таблетках как не было, так и нет. Хмыкнула горько: нужно срочно исправлять это упущение.

Я вспомнила об оставленной на произвол официантов и администрации Лариске, обреченно вздохнула, развернулась на каблуках и вошла внутрь.

Все вокруг оставалось как обычно. Привычная атмосфера для данного заведения. Дразнящие обоняние запахи корицы, кофе, ванили и пирожных. Полумрак, искусственная прохлада, шепотки около стойки бара. Я в своем мире, в родной и привычной среде, мало того – попала в свое время, не потеряв здесь ни одной минутки.

Хорошо то, что хорошо кончается, верно? В душу должны вернуться мир, покой и всеобщая гармония. Как там?.. О! «Благоволение в человеках...»

Тогда почему такая боль в сердце?..

– Леля! – вскочила мне навстречу подруга. – Я уже волноваться начала. Извини меня, пожалуйста! Не стоило так на тебя давить... Но мне очень хочется, чтобы ты нашла любимого мужчину и была счастлива!

– И ты меня извини, – криво улыбнулась я, подзывая официанта, чтобы оплатить счет. – Мне надо быть сдержаннее. А то у меня выходит точно как в той латинской поговорке: «Lassata viris necdum satiata recessit» – то есть «ушла, утомленная мужчинами, но все еще не удовлетворенная».

Выслушав сентенцию на латыни, Лариска наморщила лоб.

– Вечно ты все усложняешь! Живи проще! – Обрадовала: – Мы уже расплатились, и я дала тому парню хорошие чаевые.

Я сильно пожалела, что вернулась в кафе. Зря. Лучше бы уехала. Сидела бы сейчас под одеялом в пушистой пижаме, пила красное вино из пузатого стеклянного бокала, заедая шоколадом личное горе.

Тем временем подруга окинула меня дотошно-оценивающим женским взглядом и уперлась «сканером» в район шеи. Удивленно заметила:

- Когда ты успела зайти в ювелирный?

Я растерялась и поискала глазами ближайшее зеркало. Таковое не обнаружилось.

Лара наклонилась ко мне поближе, дотрагиваясь пальцами.

- У тебя новые серьги и подвеска?! - Восхищенно затарахтела: - Какие необычные камни! Это искусственный минерал или полудрагоценный камень? Как называется и где купить? Я тоже себе хочу.

Бомм! - прогудел ближайший церковный колокол. Сейчас этих типовых церквушек везде понастроили, в каждом микрорайоне. Вот и звонят.

Бомм! Динь-дон!.. А! Это что-то по телевизору идет.

Я оцепенела, заторможенно поднимая руку и нащупывая на цепочке знакомый «рог изобилия»... Неужели кулон князя? В глубине души поднялась волна ярости и неизбывной... тоски? Я зашипела от злости, как заправская гадюка. Как он посмел после всего? *Как?!*

- ЛАДОМИР! - рявкнула, пугая свою подругу и весь обслуживавший персонал. Попробовала сорвать ни в чем не повинный кулон, но потом передумала. Рука на него как-то не поднимается. Все-таки хоть что-то на память осталось... Еле удержала всхлип: - Ладомир... - Шепнула: - Как ты мог?..

- Я вернусь за тобой! - пронеслось легким ветром по залу, лаская жарким шепотом кожу, так что непонятно было - это говорит телевизор или прозвучал припев песни в музыкальном комплексе, что стоит в баре.

Я отвернулась к окну и шепнула стеклу:

- Прощай, Мыр...

- Я вернусь! - грохотало из динамиков.

- Я вернусь!!! - угрожающе неслось из телевизора. - Ты - моя!

- Никогда! - отвергла я его снова. - Никогда больше. Я буду готова к новому бою!

Мы с Лариской тихо вышли из кофейни и отправились каждая в свою сторону. Лариска в одну машину со мной садиться побоялась, сказала - выгляжу расстроенной и слегка невменяемой. Всю дорогу мне мерещились голоса, которые уговаривали меня простить, шептали сладкие слова искушения.

Но мне после приключений в тридевятом диэрском царстве все было нипочем. Даже глюки. Со словами: «Так, ребята. Я иду спать, а вы как хотите», - добралась до дома, одним махом выхлестала добрый стакан неразбавленного бурбона, закусила дорогой шоколадкой, которая показалась мне совершенно безвкусной, и, как была, одетая, рухнула спать.

Во сне я плакала, мне чудились золотистые отблески и крупная зеленая тень за окном. Она уговаривала отворить оконную раму и впустить, но когда я проснулась, то оказалось, что это всего лишь шумит гроза.

Вечер пятницы. Завтра суббота. Жизнь налаживается.

Сноски

1

Мне нравится двигаться (*англ.*) Популярная песня.

Н. А. Некрасов. «Мороз, Красный нос».

3

Боязнь лягушек.

Скорпена – смертельно ядовитая рыба, из которой тем не менее готовят блюда для гурманов. На стол вместе с едой ставят антидот. Кассава, также известная как маниок и юкка, – растение, которое во многих странах Африки и Южной Америки обычно используют для приготовления традиционных блюд и муки. В сыром или неочищенном виде корнеплоды этого кустарника чрезвычайно ядовиты, т. к. содержат цианид.

Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! (*лат.*)

Лейни – обращение к незамужней девушке. **Лайни** – обращение к замужней женщине или женщине в годах.

8

Ядовитая змея. Сила яда такова, что за один укус может убить около 100 взрослых людей или 250 000 мышей. Максимальная доза (за один укус) 100 мг.

Мультфильм «Чертенок номер 13».

Мультфильм «Чертенок номер 13».

Мультфильм «Чертенок номер 13».

Л. Н. Толстой. «Анна Каренина».

Кинофильм «Чародеи».

Нераскрытые дела, имеющие мало шансов быть расследованными.

15

Медсестра, которая убила пятерых пациентов.

Английская народная песенка о Шалтае-Болтае (Humpty-Dumpty), переведенная на русский язык С. Я. Маршаком.

Перефразировка из Евангелия «На земли мир, во человецех благоволение». Лк. 2, 14.